

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

А. А. ХУДЯКОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Для студентов
филологических факультетов
и факультетов иностранных языков
высших учебных заведений*

Москва

АКАДЕМИА
2005

УДК 802.0:801.5(075.8)
ББК 81.2Англ-2я73
Х982

Рецензенты:

кафедра грамматики и истории английского языка Московского городского педагогического университета (зав. кафедрой — кандидат филологических наук, профессор *А. С. Саакян*);
доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета *Л. Д. Исакова*;
доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Н. А. Кобрина

Худяков А. А.

Х982 Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / Андрей Александрович Худяков. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 256 с.

ISBN 5-7695-2125-2

Учебное пособие представляет собой систематическое изложение основных вопросов теоретической грамматики английского языка и включает в себя тексты лекций, сопровождаемые вопросами и заданиями для самоконтроля, а также развернутую тематику семинарских занятий, перечень тем курсовых и дипломных работ по грамматике. Кроме того, книга снабжена системой тестов, позволяющих студентам самостоятельно контролировать степень усвоения учебного материала

Для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков высших учебных заведений

УДК 802.0:801.5(075.8)
ББК 81.2Англ-2я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Худяков А. А., 2005

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2005

ISBN 5-7695-2125-2 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие предназначено для студентов старших курсов вузов, обучающихся по специальностям «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Филология» и «Иностранные языки» с основным языком английским. Оно составлено в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и рассчитано на изучение дисциплины «Теоретическая грамматика английского языка» в объеме 136 часов, из которых 50 % отводится на самостоятельную работу студентов, а остальные распределяются поровну между лекционными и семинарскими занятиями.

Предлагаемый курс из 17 лекций опирается как на достаточно высокий уровень сформированности языковых/речевых навыков студентов, так и на знание ими лингвистической теории, содержащейся главным образом в курсах по введению в языкознание, истории английского языка и английской лексикологии. Тематически и содержательно лекции построены с учетом достижений языковедческой науки за последние десятилетия; они отражают те грамматические концепции, которые явились предметом обсуждения на страницах периодических журналов и сборников научных трудов, на конференциях, симпозиумах и школах-семинарах лингвистического профиля. Идеология лекций основывается на стремлении пробудить у студентов интерес к рассматриваемому материалу, в связи с чем показаны множественность и противоречивость исследовательских подходов, столкновение и противоборство различных точек зрения, в особенности когда речь идет о наиболее проблемных зонах грамматики.

Композиционно книга строится следующим образом. Основная ее часть — тексты лекций, сопровождаемые вопросами и заданиями для самоконтроля. Непосредственно после лекций следует план семинарских занятий с прилагаемым к нему списком рекомендуемой основной и дополнительной литературы. Далее предлагается тест с ключами, который позволяет студентам самостоятельно проконтролировать степень усвоения содержания лекционного курса. Лекционно-семинарский раздел пособия завершается списком вопросов для экзамена по теоретической грамматике английского языка.

Следует отметить, что в соответствии с методической концепцией курса лекции читаются студентам на русском языке, а семинары проводятся на английском. Это позволяет, с одной стороны, предложить более углубленное и объемное изложение материала за счет устранения трудностей языкового характера при чтении лекций, а с другой — обеспечить студентам необходимую практику работы с текстовым материалом научного стиля речи на изучаемом языке, что важно как для успешного усвоения англоязычной лингвистической терминологии, так и в более широком плане — для развития навыков устной и письменной речи в научном дискурсе.

Помимо изучения теоретических курсов Государственный образовательный стандарт предполагает написание курсовых и дипломных работ, поэтому автор счел целесообразным включить в данное пособие примерный список таких работ по теоретической грамматике английского языка, тематика которых прямо или косвенно связана с лекционным материалом.

Следующим разделом пособия является глоссарий с толкованиями наиболее важных терминов курса (в текстах лекций эти термины выделены полужирным курсивом).

Терминологический указатель не только содержит толковый терминологический аппарат курса, но и отсылает читателя к тем его разделам, где используются соответствующие термины.

Пособие завершается списком литературы, включающей те издания, которые послужили основой для написания текстов лекций и авторы которых сыграли ключевую роль в формировании содержательной части книги. Дополнен данный список современной справочной литературой, в основном энциклопедического характера, ознакомление с которой будет способствовать более свободной ориентации студента в вопросах изучаемого курса. Целесообразно также включение в данное пособие адресов сайтов международной электронной сети, по которым заинтересованный читатель сможет найти дополнительную информацию по многим вопросам теории грамматики.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам данной книги: кандидату филологических наук, профессору А. С. Саакян, доктору филологических наук, профессору Л. Д. Исаковой, доктору филологических наук, профессору Н. А. Кобриной за советы и замечания, высказанные ими при ознакомлении с рукописью книги. Особые слова благодарности автор адресует кандидату филологических наук, доценту Т. А. Клепиковой, оказавшей неоценимую дружескую помощь и поддержку на всех этапах подготовки рукописи к печати.

ЛЕКЦИЯ 1

ПРЕДМЕТ ГРАММАТИКИ

1. Термин «грамматика»
2. Разделы грамматики
3. Типы грамматик
4. Грамматика и узус
5. Связь грамматики с другими отраслями лингвистики

1. ТЕРМИН «ГРАММАТИКА»

Термин *грамматика* происходит от греческого слова *grammatike*, являющегося дериватом от слова *gramma* — «буква, написание». Согласно сложившейся лингвистической традиции данный термин используется для обозначения: а) грамматического строя языка; б) отрасли языкознания, изучающей этот строй; в) учебника, содержащего сведения об этом строе. В английском языке для маркировки различий между этими тремя значениями рассматриваемого термина используются артикли: определенный — для первого (*the English grammar*), отсутствие артикля — для второго (*English grammar*), неопределенный — для третьего (*an English grammar*). Речь, разумеется, идет о внеконтекстном, внеситуативном употреблении артиклей — в конкретной речевой ситуации артиклевая детерминация может быть совершенно другой, например: *I didn't like the English grammar you gave me yesterday — it's too thick and difficult*.

Следует отметить, что в определенный период развития лингвистической науки существовала тенденция к довольно широкому толкованию термина «грамматика». Так, под грамматикой понимался не только грамматический строй языка, но и его фонетика — неслучайно один из четырех томов монографии «Сравнительная грамматика германских языков» озаглавлен «Фонетика» и посвящен описанию фонетического строя и закономерностей фонетических соответствий в древнегерманских языках. Более того, в европейской традиции, восходящей к античности, нередким было очень широкое понимание грамматики как искусства, точнее, искусства красноречия. Изредка термин «грамматика» употребляется метафорически в значении «правило, строй, закономерность вообще», например в выражении «грамматика мысли».

2. РАЗДЕЛЫ ГРАММАТИКИ

Как наука грамматика традиционно состоит из двух разделов — морфологии и синтаксиса.

Морфология изучает словообразование и словоизменение. Объектом морфологии как науки о словообразовании является *морфологическая структура слова*, описываемая в таких терминах, как корень, префикс, флексия и т. д. Объектом морфологии как науки о словоизменении является *парадигматика слова*, то есть закономерности изменений его формы по имеющимся у него словоизменяемым категориям, например числа у существительных (*table—tables*), времени у глаголов (*walk—walked*), падежа у некоторых классов местоимений (*he—him*) и т. д. *Синтаксис* изучает теории словосочетания и теории предложения. Теория словосочетания рассматривает природу компонентов словосочетания, проблемы синтагматики слова, типы синтаксических связей, типы словосочетаний и др. Теория предложения представляет собой учение о структурных и коммуникативных типах предложения, способах связи между компонентами сложного предложения, типах придаточных предложений в рамках сложноподчиненных и др.

Однако в последние десятилетия стали появляться и иные разделы грамматики, что связано с общим увеличением реестра лингвистических объектов. Так, выделение в качестве объекта лингвистических учений такого явления, как текст, вызвало появление *грамматики текста*, занимающейся анализом способов связи между предложениями, закономерностей структурирования предложения в зависимости от его лингвистического окружения, типологии текста и др. Осознание лингвистами существования такого феномена, как текст, изменило грамматику по крайней мере в двух отношениях: во-первых, возникла необходимость исследования объектов надсентенциональной природы, то есть более крупных, чем предложение; во-вторых, стало очевидным, что и трактовка традиционных объектов грамматической теории (падежей, артиклей, порядка слов и многих других) может и должна происходить с учетом их принадлежности прежде всего тексту — именно с точки зрения и в рамках грамматики текста выявляются такие характеристики этих объектов, которые не могут быть истолкованы в рамках традиционных морфологии и синтаксиса.

3. ТИПЫ ГРАММАТИК

К настоящему времени более или менее отчетливо сложились следующие типы описания грамматической системы.

1. *Описательные (дескриптивные) грамматики*. Этот тип грамматик носит констатирующий характер, давая описание факти-

ческого состояния грамматической подсистемы данного языка. По грамматике такого типа можно судить о строе того или иного языка, о наличии в нем тех или иных грамматических категорий, частей речи и т. д.

2. *Объяснительные (экспланаторные) грамматики.* Этот тип грамматик нацелен на объяснение особенностей строя языка и носит в целом комментирующий характер. Экспланаторные грамматики носят преимущественно теоретический характер и, как правило, подчиняют всеохватность описания материала задаче его научно-го осмысления.

3. *Синхронные грамматики.* Эти грамматики описывают состояние грамматической подсистемы языка на определенном этапе его развития, делая как бы его горизонтальный срез. Таким образом, синхронная грамматика не всегда является современной: вполне возможны, например, синхронные грамматики древнеанглийского или среднеанглийского языка — главное, чтобы описание материала осуществлялось ахронично, то есть без учета фактора его исторического становления и дальнейшего развития в языке.

4. *Диахронные (исторические) грамматики.* Данные грамматики представляют собой описание грамматической подсистемы языка в динамике ее становления и изменения на основе, так сказать, ее вертикального среза. Диахронные грамматики выявляют тенденции, действующие в языке в течение длительных периодов его развития, позволяют увидеть корни грамматических явлений и делают возможным строить прогностические суждения о путях дальнейшего развития языка.

Здесь следует сделать два важных замечания. Во-первых, деление грамматик на четыре типа относительно. Действительно, даже при решении задачи чисто описательного представления грамматической подсистемы языка лингвист не может полностью абстрагироваться от некоторого теоретического осмысления материала — ведь сам факт его отбора, распределения по соответствующим разделам, выбора терминологической системы для его описания и т. д. уже сам по себе является теоретически мотивированным и свидетельствует о том, что материал был подвергнут хотя бы минимальной интерпретации. С другой стороны, никакая чисто объяснительная грамматика невозможна в принципе, ибо объясняется, комментируется и интерпретируется всегда конкретный языковой материал, поставляемый грамматикой описательного типа. Деление грамматик на синхронные и диахронные также не жестко: составители синхронных грамматик нередко практикуют спорадические экскурсы в историю рассматриваемых явлений, а составители диахронных грамматик так или иначе вынуждены фиксировать наличие системы грамматических явлений на определенном горизонтальном срезе языка, то есть в синхронии.

Второе замечание касается «перекрещивающегося» характера приведенной выше классификации. Это означает, что любой из первых двух типов грамматик может совмещаться с любым из последних двух типов, и наоборот. Таким образом, возможны два типа описательных грамматик (синхронное описание и диахронное описание) и два типа объяснительных грамматик (синхронное объяснение и диахронное объяснение), равно как и два типа синхронных грамматик (синхронное описание и синхронное объяснение) и два типа диахронных грамматик (диахронное описание и диахронное объяснение).

4. ГРАММАТИКА И УЗУС

Принято различать *грамматическую норму* и *узус*, под которым понимаются превалирующие тенденции в употреблении языковых форм членами данного языкового коллектива. Однако на практике провести четкие разграничительные линии между грамматикой и узусом очень сложно. Дело в том, что структура любого естественного языка, начиная с его самой ранней стадии, складывается стихийно и формируется индуктивно — эмпирическим путем на основе бесчисленных случаев употребления языковых форм носителями данного языка. Со временем происходит естественный отбор наиболее употребительных и коммуникативно адекватных форм, и на определенном (достаточно позднем) этапе появляются грамматические описания языка, поначалу лишь фиксирующие имеющиеся в нем грамматические явления; впоследствии возникает задача кодификации языка, что влечет появление так называемых нормативных, или прескриптивных, грамматик. Именно эти последние и знаменуют собой возникновение в языке грамматической нормы, то есть свода правил, которыми надлежит руководствоваться в речевой деятельности, которым целенаправленно обучают в школе и нарушение которых рассматривается как отклонение от общепринятого стандарта, а потому порицается и обычно корректируется.

С появлением нормативных грамматик язык, однако, не застывает в своем развитии, а, напротив, продолжает изменяться в соответствии со своими внутренними законами, а также с внешними факторами, связанными с изменением социальных условий, — такими, как технический и научный прогресс, социальная и региональная дифференциация общества, усиление или ослабление влияния иноязычной культуры/культур, появление и развитие средств массовой информации и т. п. Все это ведет к некоторому конфликту между требованиями грамматической нормы, в известной степени застывшей и консервативной, и нормами

узуса, носящего живой, подвижный характер и отражающего современное состояние данного языка.

Данный конфликт может преодолеваться по-разному. Он может искусственно загоняться вглубь, консервироваться, приобретая затяжной и мучительный для общества характер. В истории английского языка (и не только английского) это происходило во времена пуризма, когда всякая языковая инновация рассматривалась как покушение на чистоту языка, оценивалась резко отрицательно и подвергалась осуждению и искоренению. Однако по мере развития общества и лингвистической науки все отчетливее стали осознаваться бесперспективность и тщетность любых попыток сковать язык жесткими нормами грамматических предписаний, превратить его в окаменелую структуру с раз и навсегда заданными параметрами. Отсюда и второй путь разрешения рассматриваемого конфликта — грамматическая норма «присматривается» к узусу, постепенно и избирательно вбирая все то, что уже более или менее устоялось в речи, принято языковым сообществом в качестве нормы и считается большинством его членов не только допустимым, но и предпочтительным. Грамматическая норма и узус, таким образом, непрерывно как бы перетекают друг в друга: грамматическая норма обеспечивает ту основу, на которой вырастает узус, она является своеобразным фоном, на котором лишь и может существовать узусный контраст. Узус в свою очередь обеспечивает расширение и обогащение грамматической нормы, страхует ее от закоснения и омертвления, делает ее востребованной для академических, дидактических и практических целей и в конечном счете приводит ее в соответствие с потребностями данного языкового коллектива.

Сказанное легко проиллюстрировать. Пожалуй, одним из самых ярких примеров может служить употребление падежных форм личных местоимений в предикативной функции. В самом деле, в конструкциях типа *It is I/me* употребление личного местоимения в форме косвенного падежа никак не мотивировано. Поначалу единственно возможным вариантом была конструкция с номинативом *It is I*. Тем не менее в речи носителей языка все чаще встречалась форма косвенного падежа таких местоимений, что с позиции нормативной грамматики оценивалось крайне негативно и вызывало недоумение. В течение определенного времени формы прямого и косвенного падежей местоимений в указанного рода конструкциях сосуществовали, находясь в состоянии конкуренции. Пуристы настоятельно требовали употребления прямого падежа, ибо противное вступало в конфликт с установившимися морфолого-синтаксическими нормами, канонизированными в трудах по грамматике. Британцы же продолжали говорить *It is me*, не обращая внимания на протесты и увещания поборников академизма, сторонников сохранения чистоты языка. В итоге широ-

ко употребляемые, но изначально аграмматичные формы косвенного падежа стали признаваться в грамматических описаниях сначала как возможные, хотя и неправильные, затем — как варианты грамматических норм наряду с формами прямого падежа и, наконец, — в качестве грамматической нормы при констатации архаичности употребления форм прямого падежа. Таким образом, формы объектного падежа (*It is me/her/him/us*) стали частью системы современного английского языка, что и находит отражение в современных английских грамматиках.

Приведем пример иного рода. Согласно нормам современного английского синтаксиса порядок слов в вопросительном предложении является инвертированным, например: *What was she talking about?* В соответствии с теми же нормами, когда подобного рода вопросительные конструкции становятся частью утвердительного сложноподчиненного предложения, порядок слов в придаточной части является прямым: *I don't know what she was talking about.* Вместе с тем в речи, особенно в устной, в придаточных предложениях все чаще встречается инвертированный порядок слов, нарушающий грамматический канон: *I don't know what was she talking about.* Не став еще грамматически «правильным», такой порядок слов уже зафиксирован как узуальный, то есть соответствующий языковой/речевой реальности, практически реализуемый многими представителями английского языкового сообщества и не режущий ухо в условиях естественной языковой коммуникации.

Подобного рода случаи описывались вплоть до самого недавнего времени не в грамматиках, а в пособиях по узусу — изданиях, наиболее чутко реагирующих на развивающиеся языковые инновации. Таким образом, каждая языковая форма может характеризоваться как грамматически правильная и узуальная (таковых большинство), как грамматически правильная, но не узуальная (*Whom are you listening to?*; *Этот кофе для меня слишком крепкий*), как грамматически неправильная, но узуальная (*Who are you listening to?*; *Это кофе для меня слишком крепкое*) и, наконец, как грамматически неправильная и не узуальная (так называемый отрицательный языковой материал, который здесь не рассматривается: детская речь, речь не вполне владеющих данным языком иностранцев, речь при измененных состояниях сознания).

Из вышесказанного видно, насколько тонка и нечетка граница между грамматикой как определенной нормой и узусом как реальным речевым употреблением. Но если эта граница носит столь трудно уловимый, почти эфемерный характер, то насколько возможно ее установление, да и нужно ли оно вообще? Похоже, представители современной английской грамматической школы склонны ответить на эти вопросы отрицательно, свидетельством чему служит появление в последнее время грамматических описаний нового типа — коммуникативных и корпусных.

Типичная коммуникативная грамматика характеризуется самым пристальным вниманием к тенденциям современного речевого употребления, вбирая наиболее устоявшиеся из них и таким образом «узаконивая» их языковой статус. При этом сами понятия «грамматическое правило», «грамматическая правильность» становятся весьма широкими и гибкими, распространяясь и на область тех явлений, которые ранее считались узуальными, но аграмматичными. Очевидно, что при подобном подходе надобность в особых пособиях по узусу, по сути, отпадает, а под понятием «грамматика как наука» подразумевается такая отрасль языкознания, которая изучает и объясняет строевые черты языка, проявляющиеся во всем многообразии его речевых форм, регистров и стилей.

Если первые английские коммуникативные грамматики появились в 70-х гг. XX в. (их авторы — такие известные английские грамматисты, как Д. Лич, Я. Свартвик, С. Гринбаум и др.), то упомянутые корпусные грамматики возникли несколько позже и представляют собой очередной решительный шаг в сторону живой речи. Основанные на применении новейших информационных технологий, эти грамматики являются результатом компьютерной обработки огромных массивов информации, представленной в виде корпуса примеров. Отсюда и само название «корпусная грамматика». Наиболее известными грамматиками данного типа являются грамматики COBUILD (Collins Birmingham University International Language Database) Grammar и Longman Grammar of Spoken and Written English, материалом для которой послужил банк данных Longman Spoken and Written English Corpus (LSWE Corpus), содержащий около 40 тысяч текстов различной регистровой принадлежности (устная речь, художественная литература, газетные публикации, научная проза), охватывающих около 40 миллионов словоупотреблений. Последняя представляет собой «демократический» тип грамматики, характеризующийся отсутствием жестких требований к употреблению тех или иных форм, особенно без учета их регистровой принадлежности. Регистр же реализуется в определенных типах дискурса¹, каждый из которых обладает присущими только ему структурами, связанными с выполнением тех или иных коммуникативных задач.

Обе рассмотренные выше грамматики, как, впрочем, и любые другие корпусные описания, с полным на то основанием подчеркивают, что они отражают реальный современный английский язык в том виде, в каком он фактически представлен в типичных речевых сообщениях и высказываниях, формирующих естественную информационную среду современного человека. Корпусные грамматики являются чисто синхронными, по преимуществу описательными, не лишенными, однако, и элемента экспланаторности.

¹ Подробнее о дискурсе см лекцию 14.

5. СВЯЗЬ ГРАММАТИКИ С ДРУГИМИ ОТРАСЛЯМИ ЛИНГВИСТИКИ

Следует отметить, что сама постановка вопроса о связях грамматики с другими отраслями языкознания определенно вытекает из концепции уровневой стратификации языка, согласно которой язык представлен как иерархия уровней (фонетический, силлабический, морфемный, лексический, фраземный, синтаксический), за каждым из которых закреплен соответствующий подотдел языкознания (фонетика/фонология, лексикология, грамматика). Однако в реальности язык менее всего напоминает такого рода «слоеный пирог» с известным количеством слоев и с более или менее четко очерченными границами между ними. Речевая деятельность чисто фонетического характера немислима без слов, предложений и т. д.; невозможны продуцирование и рецепция слова вне его фонетики и грамматики, равно как и создание предложения или текста без слов и вне всякого фонетического оформления. Таким образом, речевая деятельность есть, безусловно, целостное явление, одновременно реализующее все указанные аспекты и уровни, а уровневое представление об устройстве языка является лишь научной абстракцией, введенной в лингвистический обиход для удобства анализа ее объекта и полезной при том условии, что мы постоянно помним о ее функциональном предназначении — искусственно расчленять реально целостный объект, с тем чтобы сделать более доступными для исследования различные его стороны. В противном случае постановка вопроса о связи грамматики с другими отраслями языковедческой науки становится столь же надуманной и неестественной, как постановка вопроса о связи скелета, мышц или крови человека с его телом. С учетом условности уровневого подхода к языку место грамматики в системе лингвистических дисциплин можно представить следующим образом.

С фонетикой грамматику связывает не только тот факт, что любая грамматическая форма дается прежде всего фонетически, то есть реализуется прежде всего как звуковая. Эта связь проявляется и в том, что:

а) фонетические средства (ударения) используются для различения частей речи (*'conduct — to con'duct, 'export — to ex'port*);

б) эти же фонетические средства служат различению отдельных слов и словосочетаний: например, наличие ударения на обоих словах *'mad* и *'doctor* дает словосочетание *mad doctor — сумасшедший врач*; а наличие ударения лишь на первом слове — словосочетание со значением *врач, лечащий душевнобольных людей; психиатр*;

в) исключительно с помощью такого фонетического средства, как интонация, формируется в устной речи различие между

утвердительными и вопросительными предложениями, структурированными по типу утвердительных: *You know him.* — ср. *You know him?*;

г) благодаря интонации различаются вопросительные и коммуникативно декларативные предложения, оформленные как расчлененный вопрос: *You know him, ↑don't you?* — ср. *You know him, ↓don't you?*

Связь грамматики с лексикологией заключается не только в том, что они имеют общий объект — слово, рассматриваемое, правда, с разных позиций, но и в том, что изучение слова с собственно лексикологических позиций представляет интерес для грамматики. В конце XX в. появились даже так называемые «лексические грамматики» («word grammars»), ставящие в центр грамматической проблематики слово и основывающиеся на постулате о том, что сочетаемостные возможности слова, «записанные» при нем, обусловлены его семантикой. Из этого следует и новое понимание синтаксиса как науки, исследующей законы сочетаемости слов, притом что эти законы индуцируются самими словами.

Существует и множество других точек соприкосновения между грамматикой и лексикологией. Так, невозможно описать с чисто лексикологических позиций статус и нормы поведения в речи таких групп слов, как междометия, предлоги, союзы, частицы и некоторые другие. С другой стороны, невозможно пренебречь семантикой слова, которая является частью лексикологической проблематики при решении вопроса о возможности/невозможности его употребления в той или иной категориальной форме. Классическим примером является неупотребимость в форме длительного вида английских глаголов, обозначающих абстрактные отношения, эмоциональные состояния, чувственные восприятия и т. д.: *The bridge connects the banks of the river* при невозможности **The bridge is connecting the banks of the river*. Семантика слова «сопротивляется» соответствующей грамматической категоризации, и этим фактом невозможно пренебречь при построении грамматических форм.

Связь грамматики со стилистикой — вопрос довольно сложный. Если грамматику трактовать достаточно узко и традиционно — как свод норм и правил, то на долю стилистики приходится всевозможные грамматические деформации, неправильности — все то, что не укладывается в жестко установленный грамматический канон, а потому является эмотивным, эмфатичным — словом, стилистически маркированным. С другой стороны, если грамматику рассматривать широко, то есть как вбирающую и узус, а также дифференцируемую по соответствующим регистрам, то тогда на долю стилистики остается сравнительно меньше — изучение такого рода грамматических деформаций, которые не носят ни структурно обусловленного, ни регистрообусловленного, ни дис-

курсно обусловленного характера. Только при всех этих исключениях грамматические иррегулярности можно будет охарактеризовать как стилистически обусловленные.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прокомментируйте различные значения термина «грамматика».
2. На какие разделы традиционно делится грамматика как наука?
3. Какие типы грамматических описаний вам известны?
4. Что такое узус? В каких отношениях находятся грамматическая норма и узус?
5. Что имеется в виду под коммуникативными грамматиками?
6. Что такое корпусные грамматики?
7. При каком взгляде на язык имеет смысл постановка вопроса о связи грамматики с остальными отраслями языкознания?
8. Прокомментируйте и проиллюстрируйте связи грамматики с фонетикой.
9. Прокомментируйте и проиллюстрируйте связи грамматики с лексикологией.
10. Прокомментируйте проблему взаимосвязи грамматики и стилистики.

ЛЕКЦИЯ 2

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ФОРМА, ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И СПОСОБЫ

1. Введение
2. Грамматическое значение
3. Грамматическая форма
4. Грамматические категории
5. Типы оппозиций
6. Грамматические способы

1. ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на долгую историю существования грамматики как науки и наличие огромного количества грамматических трудов, определение основных, базовых, понятий грамматики сопряжено со значительными трудностями и осуществляется разными авторами по-разному в зависимости от множества факторов: грамматической школы, к которой принадлежит ученый, ракурса рассмотрения данных понятий, цели исследования, анализируемого материала и т. д. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что в литературе мы находим почти столько же точек зрения, сколько существует авторов, освещающих данную тему. Следовательно, любой подход здесь будет неизбежно носить авторский характер и определяться научными предпочтениями лингвиста-исследователя.

2. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Начать рассмотрение *грамматического значения* целесообразно с его сопоставления со значением лексическим. Оба этих вида значения имеют как признаки сходства, так и различия. Их сходство состоит в том, что, во-первых, оба принадлежат к содержательной части языковых единиц, являются единицами плана содержания, а во-вторых, оба носят абстрактный характер. Последнее нуждается в дополнительной аргументации.

Иногда в литературе встречается утверждение, что лексическое значение противопоставлено грамматическому как более конкретное более абстрактному. Действительно, если ограничивать

круг рассматриваемых языковых явлений только лексикой с конкретным значением, то это наблюдение может показаться справедливым. Однако лексическая подсистема языка, как хорошо известно, состоит не только из лексических единиц с конкретной семантикой. Она включает помимо прочего целый ряд абстрактных имен существительных (*hatred, evolution, connectivity, rapidity, etc.*) и других частей речи, которые в силу своего непредметного (признакового) значения по определению должны быть причислены к абстрактным лексическим единицам. В самом деле, если взять для примера даже такие глаголы, которые обозначают вполне «наглядные», физические действия (*to go, to ring, to drop, etc.*), то и они без привязки к действующим лицам, а также к показателям места и времени остаются чистой абстракцией.

Существенное различие между лексическим и грамматическим значениями заключается в следующем. Во-первых, лексические значения в силу их привязанности к конкретным единицам лексикона данного языка намного более многочисленны, нежели значения грамматические, представляющие собой не что иное, как результат обобщения больших групп лексических единиц. Например, каждая из таких лексических единиц, как *a table, a house, a bird*, имеет свое собственное лексическое значение, и в то же время все они объединены общим грамматическим значением «предметность». Во-вторых, лексические значения индивидуальны, а грамматические — надиндивидуальны. Надиндивидуальный характер последних связан с уже названным свойством грамматики обобщать. Обобщающий потенциал грамматики позволяет определить, например, типичное грамматическое значение существительных как «предметность», в то время как определение лексического значения существительных *in abstracto* невозможно: всегда необходимо иметь конкретное слово, лексическое значение которого подлежит выявлению. В-третьих, возникающая как обобщение массы индивидуальных лексических значений, грамматическое значение в диахроническом плане является более поздним образованием, чем лексическое. В-четвертых, грамматическое значение (вернее, «грамматическая функция») является обязательным и определяется у всех единиц лексикона, тогда как лексическое значение у некоторых единиц лексикона может быть либо полностью утраченным, как, например, у артиклей, либо настолько размытым, нечетким, что возможность его выделения и описания весьма условна, как, например, у предлогов, частиц, союзов. В-пятых, система лексических значений *идиозотична*, то есть специфична для каждого языка, а система грамматических значений носит более или менее универсальный характер. Действительно, такие грамматические значения, как «предметность», «действие», «признак предмета» или «признак действия», должны присутствовать в любом языке. В то же время широко известно то,

что в лексиконах различных языков по-разному выделяются область денотатов и область сигнификатов. В-шестых, понятие лексического значения применимо лишь к единицам лексического уровня, в то время как понятие грамматического значения не обязательно связано лишь со словами — грамматическое значение охватывает и область синтаксиса, играя в нем роль базовой семантики предложения.

Таким образом, грамматическое значение есть содержательная сущность, объединяющая группы слов и типы предложений на основе неких обобщенных семантических параметров, таких, как «предметность», «действие», «акциональность», «статальность»¹ и т. п.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА

С грамматическим значением тесно связана грамматическая форма. При этом важно отметить, что, имея дело с грамматической, а не с морфологической формой, или просто формой, мы имеем дело с понятием содержательным, а не формальным. В самом деле, возможен двоякий подход к внешней стороне лингвистических единиц. С одной стороны, внимание исследователя может быть сосредоточено на *морфологической структуре слова*, на механике соединения морфем внутри него, на, так сказать, технических способах генерирования словоформы, а с другой — на том, с какого рода грамматическим значением или созначением мы сталкиваемся, рассматривая данную форму.

Проиллюстрируем сказанное относительно неидентичности формы и грамматической формы на примерах. Анализируя слово *tables* с точки зрения его морфологической формы, мы можем констатировать следующее: «Данная словоформа представляет собой двуморфемное образование, состоящее из основы и флексии». Рассматривая то же слово с точки зрения его грамматической формы, мы можем сказать: «Данная словоформа есть форма множественного числа существительного, образованная от формы единственного числа и обозначающая неединичность (множественность) денотатов данной лексемы». Схожим образом характеризуя форму *has been waiting* с точки зрения «чистой» морфологии, мы отметим, что имеем дело с аналитической формой глагола *to wait*, состоящей из четырех морфем; при этом три из них являются свободными (*has, been, wait-*), то есть могут функционировать как самостоятельные словоформы, а четвертая — *-ing* — является «связанной», то есть никогда не может функциониро-

¹ Понятия акциональности и статальности будут подробно проанализированы в лекции 9.

вать сама по себе, не будучи составной частью словоформы. Что касается грамматической формы *has been waiting*, то это форма третьего лица единственного числа перфектно-длительного вида настоящего времени глагола *to wait*.

4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Понятия грамматического значения и грамматической формы стоят в одном ряду с понятием *грамматической категории*.

В лингвистической литературе грамматическая категория трактуется, пожалуй, еще более неоднозначно и многообразно, чем грамматическое значение и грамматическая форма. При этом наблюдаются две достаточно четко выраженные тенденции. Данный термин употребляется широко, применительно к любому классификационному объекту грамматики, например «категория имени», «категория глагола», «категория предложения», «категория текста» и т.д. Более привычной, однако, является его узкая трактовка как обозначение конкретных содержательных параметров морфологии и синтаксиса — категорий рода, числа, падежа, вида, наклонения и т.д.

Грамматические категории делятся на следующие типы.

1. *Именные и глагольные*. К числу именных относятся грамматические категории, характеризующие именные части речи (категории падежа, рода, числа и пр.), к числу глагольных — характеризующие глагольные части речи (категории вида, наклонения, залога, времени и пр.). Необходимо отметить, что одни и те же грамматические категории могут характеризовать как имя, так и глагол, например категория числа. В таких случаях говорят о категории числа имени и о категории числа глагола.

2. *Общие и частные*. Соотношение между этими типами грамматических категорий понимается двояко. Иногда говорят об общей грамматической категории как о категории, не имеющей конкретной языковой привязки, — например о категории времени вообще или категории числа вообще, а о частной грамматической категории — как о категории, реализуемой в конкретном языке, например о категории времени в английском языке, категории числа в русском языке.

Второе понимание соотношения между общими и частными грамматическими категориями таково: общая грамматическая категория — это категория, присущая конкретному языку, а частная грамматическая категория — это, по сути, субкатегория, которая в совокупности с другой/другими категориями того же уровня составляет общую грамматическую категорию. Например, говорят об общей грамматической категории числа и частной грамматической категории единственного числа или частной грамматической категории множественного числа.

3. *Словоизменительные и классификационные.* Словоизменительные грамматические категории реализуются путем противопоставления двух (иногда более) языковых форм на уровне парадигматики. Словоизменительная грамматическая категория не закреплена постоянно за словоформой, не является ее постоянным классификационным признаком и не указывается в словарях как характеристика лексемы-вокабулы. К числу словоизменительных категорий в английском языке относятся грамматические категории числа существительных, степеней сравнения прилагательных, времени глаголов и др. Классификационные грамматические категории являются постоянными грамматическими признаками данной лексемы, не варьируют в ее пределах, словарно закреплены как постоянный признак данной вокабулы и выявляются не в противопоставлении форм одного и того же слова, как в случае словоизменительных категорий, а через противопоставление данной лексемы другим лексемам схожей грамматической природы. В английском языке к классификационным грамматическим категориям относятся: категория переходности/непереходности глагола, категория одушевленности/неодушевленности существительного (при всей спорности отнесения данной категории к числу грамматических). Из трех грамматических категорий русского имени существительного — рода, числа, падежа — первая является классификационной, так как родовая принадлежность существительного при всем богатстве его словоизменительной парадигмы никогда не меняется, и поэтому в словарной статье родовая принадлежность существительного всегда указывается. Категории числа и падежа принадлежат к числу словоизменительных — имя существительное всегда представлено в какой-либо одной числовой или падежной форме. Отсюда и отсутствие указания на числовую и падежную принадлежность данной лексемы в русских словарях.

4. *Морфологические и синтаксические.* Как следует из самих названий, морфологические грамматические категории относятся к области морфологии и характеризуют набор содержательных грамматических признаков слов как частей речи. В их число входят категории числа, падежа, рода, склонения, залога и т. д. Синтаксические грамматические категории относятся к области синтаксиса и включают переходность/непереходность, координативность (сочинение)/субординативность (подчинение), **предикативность**, **модальность** и др.

5. *Открытые и скрытые.* Открытые грамматические категории — это те категории, которые определяются по самой словоформе, без обращения к контексту. Например, всегда можно определенно сказать, что существительное *table* реализует грамматическую субкатегорию единственного числа, а словоформа *tables* — субкатегорию множественного числа. Напротив, скрытые грамматические категории (иногда называемые также криптотипами) — это такие,

которые потенциально присутствуют в лексеме, однако с точностью выявляются лишь в контексте. Например, большинство английских глаголов в числе словарных помет будут иметь *vt* (verb transitive) и *vi* (verb intransitive), то есть категория переходности/непереходности глагола потенциально присутствует в нем как в лексеме, но проявляется как одна из этих двух субкатегорий лишь в контексте: *He walks in the park every evening* (глагол *to walk* реализует в данном контексте субкатегорию непереходности); *He walks his dog in the park every evening* (тот же глагол реализует субкатегорию переходности).

Из сказанного следует, что любая грамматическая категория лишь тогда выделяется в языке, когда она реализуется в определенном типе формальных противопоставлений, называемых **оппозициями**.

5. ТИПЫ ОППОЗИЦИЙ

Оппозиции можно классифицировать по двум признакам — количественному и качественному. По количественному признаку выделяются бинарные, тринарные и многочленные оппозиции. К бинарным (двоичным) оппозициям относятся те, которые представлены лишь двумя членами. Таковы оппозиции по категории числа английского имени существительного (единственное число — *table*, множественное число — *tables*), по категории залога глагола (активный — *write*, пассивный — *is written*)¹. Тринарные оппозиции реализуются путем противопоставления трех членов. Такова в английском языке морфолого-синтаксическая грамматическая категория наклонения (изъявительное — *I am writing*, повелительное — *Write!*, условное — *I would write*). Многочленные оппозиции состоят из более чем трех членов. К ним относится, например, категория времени английского глагола (простое прошедшее — *wrote*, простое настоящее — *write*, простое будущее — *will/shall write*, будущее в прошедшем — *would/should write*). В русском языке типичным примером многочленной оппозиции является оппозиция по категории падежа склоняемого имени существительного: шесть падежей дают шесть падежных форм существительного в единственном числе и столько же во множественном.

По качественному признаку все оппозиции делятся на эквиолентные, привативные и градуальные. Члены эквиолентной оппозиции характеризуются тем, что они одинаково сильно проявляют признак той грамматической категории, в рамках которой они противопоставлены. Например, в оппозиции «единственное

¹ Здесь мы не касаемся спорного вопроса о возможности выявления в английском языке и других залогах — взаимного, рефлексивного и среднего.

число — множественное число» в рамках грамматической категории числа английского имени существительного оба члена с одинаковой силой реализуют свой субкатегориальный статус: форма *table* однозначно свидетельствует о принадлежности к единственному числу и используется для обозначения одного денотата, названного данным словом; форма *tables* однозначно свидетельствует о принадлежности ко множественному числу и используется для обозначения более чем одного денотата.

Если для членов эквивалентных оппозиций определяющим признаком является их равноправие, то основная характеристика привативных оппозиций — неравноправие их членов. Один из членов такой оппозиции (его называют сильным, или маркированным) четко и определенно проявляет свой субкатегориальный статус в рамках данной категории; другой член оппозиции (его называют слабым, или немаркированным) слабо проявляет свой субкатегориальный статус и в некоторых контекстах может замещать сильный член. Примером оппозиции привативного типа служит оппозиция по категории рода в классе русских имен существительных, обозначающих представителей некоторых профессий типа *продавец — продавщица, учитель — учительница, преподаватель — преподавательница* и т. д. Первые члены таких оппозиций являются немаркированными, или слабыми, — они слабо маркируют половую принадлежность обозначаемого ими лица. Отсюда в русском языке возможны и правильны такие высказывания, как *Он хороший продавец* и *Она хороший продавец*; *Он хороший учитель* и *Она хороший учитель*. Вторые члены названных оппозиций — существительные женского рода — являются маркированными, так как они однозначно соотносят называемое ими лицо с определенным полом. Отсюда возможно только *Она хорошая продавщица*, но не **Она хорошая продавец*; *Она хорошая учительница*, но не **Она хорошая учительница*. В английском языке привативная оппозиция образуется противопоставлениями в рамках категории рода существительных (разумеется, с точки зрения лишь тех ученых, которые признают существование самой этой категории), например, *lion — lioness, goat — she/he-goat* и т. п. Первые члены данных оппозиций слабо маркируют пол животного, в то время как вторые члены однозначно маркируют пол животного либо как женский (*lioness*), либо как мужской (*he-goat*). Привативной также является в английском языке категория числа глагола в настоящем времени неопределенного вида: *give — gives*. Первая форма может указывать как на единственное число (*I give*), так и на множественное (*we/they/birds give*). Вторая форма однозначно соотносится только с единственным числом (*he/she/it/bird gives*). Следовательно, первый член оппозиции является немаркированным, а второй — маркированным.

Особый тип оппозиций представлен в грамматике градуальными оппозициями. Их специфичность проявляется в том, что, во-первых, они всегда более чем двучленны, а во-вторых — в том, что противопоставления внутри оппозиции основываются не на способности/неспособности членов оппозиции одинаково сильно выражать ту или иную грамматическую категорию (как в случае с эквиолентными и привативными оппозициями), а на интенсивности выражения данного содержательного признака. Сам содержательный признак способен к градации в определенном диапазоне. Отсюда и название оппозиции — градуальная.

К типичным градуальным оппозициям принадлежат оппозиции в рамках грамматической категории степеней сравнения английских прилагательных и наречий: *great — greater — the greatest; beautiful — more beautiful — the most beautiful*. Каждый из трех членов оппозиций одинаково сильно выражает субкатегориальное значение в рамках данной грамматической категории — положительную степень сравнения, сравнительную и превосходную соответственно. Грамматический признак как бы нарастает от первого члена оппозиции через второй к третьему или, наоборот, уменьшается от третьего члена через второй к первому. Иными словами, наблюдается некая градация признака.

Необходимо также сказать несколько слов о таком важном феномене, как *нейтрализация оппозиций*. Нейтрализация происходит в определенных контекстных условиях, то есть в речи, и обусловлена тем, что речь не является чем-то механическим, жестко детерминированным, а, напротив, порождает транспозицию¹ форм и значений, до некоторой степени как бы расширяя и модифицируя языковую систему. В случае нейтрализации оппозиция исчезает, ее члены перестают быть противопоставлены друг другу. Так, выше мы рассматривали противопоставление форм единственного и множественного числа английского имени существительного (*table — tables*) как пример эквиолентной оппозиции. Мы отмечали, что первый член этой оппозиции однозначно указывает на единичность обозначаемого существительным объекта, а второй однозначно указывает на его множественность. Однако в таком, например, предложении, как *A table is a piece of furniture*, форма единственного числа имени существительного *table* не имеет значения единичности, а связана с обозначением класса объектов, то есть их множества. Данный контекст нейтрализует числовую оппозицию, поскольку противопоставление множественного числа множественному же числу бессмысленно.

¹ Под транспозицией обычно понимают использование одних языковых форм в значении/значениях других.

Другим примером нейтрализации может служить так называемое элативное употребление превосходной степени прилагательного, когда она не соответствует ее узуальному значению «высшая степень проявления качества», а обозначает высокую степень проявления качества, то есть по своему значению приближается к положительной степени сравнения. Таким образом, разница между высказываниями *It was a very interesting book* и *It was a most interesting book* лежит не в области противопоставления в рамках категории степеней сравнения прилагательного, а в области неких довольно тонких стилистических различий. Оппозиция же в рамках степеней сравнения аннулируется, или нейтрализуется.

6. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ

До сих пор мы вели речь о содержательных параметрах грамматики, однако было бы неправильным проигнорировать ее формальный аспект. Следует помнить, что всякое содержание должно быть так или иначе выражено, то есть должны существовать определенные приемы, или механизмы, выражения содержательной стороны языка, в частности его грамматических аспектов. Эти приемы получили название **грамматические способы**. Все грамматические способы можно разделить на два основных типа — синтетические и аналитические, в зависимости от того, имеют ли место формальные изменения внутри слова или вне его. Кроме того, грамматические способы можно подразделить на широко представленные, продуктивные, типичные для данного языка и нетипичные, сравнительно мало представленные в данном языке. К числу синтетических грамматических способов в современном английском языке относятся следующие.

1. *Внешняя аффиксация*. Этот грамматический способ предполагает присоединение к корню слова аффиксов. В английском языке с помощью аффиксации образуются множественное число существительных (*table — tables*), формы прошедшего времени и причастия II правильных глаголов (*drop — dropped*), формы герундия и причастия I (*walk — walking*) и некоторые другие.

2. *Внутренняя флексия*. Внутренняя флексия является грамматически значимым фонетическим чередованием в корне слова. С помощью внутренней флексии в английском языке образуются основные формы подавляющего большинства неправильных глаголов, а также числовые формы некоторых имен существительных типа *man — men, goose — geese* и т. д. Учитывая высокую частотность подобного рода форм в английской речи, этот грамматический способ может быть охарактеризован как широко распространенный, однако его нельзя назвать продуктивным, поскольку он пред-

ставляет собой реликт древних языковых состояний и новые лексические единицы, пополняющие вокабуляр английского языка, ему не следуют, предпочитая другие, продуктивные модели.

3. *Супплетивизм*. Супплетивный способ заключается в образовании форм слов от разных корней и представлен в английском языке еще менее репрезентативно, чем внутренняя флексия. С последней его роднит то, что его корни также глубоко лежат в истории языка. Однако в отличие от внутренней флексии случаи супплетивизма единичны: *go — went, I — me* и др.

4. *Ударение*. Внутрисловное ударение как грамматический способ относится к тем случаям, когда с его помощью меняется частеречная принадлежность слова, например: *'export — to ex'port, 'conduct — to con'duct*. Данный грамматический способ также является непродуктивным для английского языка и ограничивается очень узким набором лексем.

К аналитическим способам относятся следующие.

1. Так называемые *вспомогательные глаголы* при образовании аналитических форм глагола, например: *has done, has been waiting, was taken* и т.д. Этот грамматический способ является чрезвычайно широко распространенным и продуктивным в английском языке, хотя на ранних стадиях его существования не использовался.

2. *Порядок слов*. Порядок слов для английского языка в силу чрезвычайной бедности его флективной морфологии есть очень важный и часто используемый грамматический способ. Так, в атрибутивном словосочетании *paper wall* существительное *paper*, как считают некоторые грамматисты, адъективируется, поскольку выполняет основную для прилагательного функцию определения. В словосочетании же *wall paper* адъективации, согласно той же точке зрения, подвергается слово *wall*.

3. *Внешняя категоризация*. Внешняя категоризация представляет собой важный и довольно широко распространенный в английском языке способ, который заключается в том, что грамматическая природа слова выявляется посредством соотнесенных с ним в речевой цепи элементов. Сравнивая такие предложения, как *All my family are early risers* и *My family is big*, мы выносим суждение о категории числа существительного *family* исходя не из его формы (она одинакова в обоих предложениях), а из природы соотносимых с ним слов — местоимений и глаголов: *all, are*, с одной стороны, и *is* — с другой.

4. *Редупликация*. Редупликация, или удвоение, — очень древний грамматический способ, и по сей день широко представленный в некоторых языках, однако для современного английского языка он в высшей степени малопродуктивен и малоупотребителен. В английском языке редуплицируют, как правило, наречия (*he was very, very sad*), в то время как, например, в русском — чаще при-

лагательные (*Глаза у него были грустные-грустные*). Заметим также, что для русского языка характерно наличие таких устойчивых образований, созданных способом редупликации, как *еле-еле, чуть-чуть, едва-едва*, аналоги которых отсутствуют в английском.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Чем схожи грамматическое и лексическое значения?
2. В чем отличие грамматического значения от лексического?
3. В чем различие между морфологической и грамматической формами?
4. Определите разницу между широкой и узкой трактовками грамматической категории.
5. Какие типы грамматических категорий выделяются в системе языка? Приведите примеры каждого типа.
6. Каким образом грамматические категории связаны с оппозициями? Какие типы оппозиций выделяются в языке?
7. Что такое нейтрализация оппозиции? Приведите примеры из родного и английского языков.
8. Что такое грамматические способы? На какие виды они делятся?
9. Какие грамматические способы наиболее характерны для английского языка и почему?
10. Какие грамматические способы не являются широко представленными в английском языке и почему?

ЛЕКЦИЯ 3

АНГЛИЙСКАЯ ГРАММАТИКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Введение
2. Почему грамматика?
3. Морфологическая типология
 - 3.1. Флективный тип
 - 3.2. Агглютинативный тип
 - 3.3. Инкорпорирующий тип
 - 3.4. Изолирующий тип
4. Синтаксическая типология
 - 4.1. Номинативный тип
 - 4.2. Эргативный тип
 - 4.3. Активный тип

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, языки мира *классифицируют* по двум признакам:

- по происхождению (и тогда мы имеем дело с генетической классификацией);
- по внутривидовому устройству (и тогда мы имеем дело со структурно-типологической классификацией, или просто типологией).

С генетической точки зрения английский язык наряду с немецким и некоторыми другими относится к числу западногерманских. Однако в данной лекции нас будет интересовать второй тип классификации — тот, который характеризует строевые черты языка безотносительно его происхождения, то есть сугубо структурно.

2. ПОЧЕМУ ГРАММАТИКА?

В лингвистической теории к языку принято подходить как к объекту, имеющему уровневую организацию. Если рассуждать абстрактно, любой из этих уровней мог бы стать основой для типологической характеристики языка. Однако на практике это удается сделать лишь на основе грамматического уровня, в первую

очередь морфологического. Почему же другие уровни — фонетический и лексический — не подходят для этой цели?

В основе всякой типологии, особенно структурной, лежит сравнение. В самом деле, понять природу некоторого объекта можно лишь сравнив его с природой другого объекта или объектов, причем процедура сравнения возможна при соблюдении трех условий:

- во-первых, сравниваемые объекты должны иметь нечто общее — то, что ставит их в один ряд друг с другом, позволяет характеризовать их как объекты одного рода. Так, невозможно сравнивать желтое и квадратное, или холодное и длинное, или светлое и громкое;

- во-вторых, сравниваемые объекты не должны быть идентичны друг другу, то есть между ними должен быть контраст, создаваемый некими различиями;

- в-третьих — и это очень важно, — количество этих различий должно быть конечным, то есть сравнительно небольшим и ограниченным.

При сравнении языков важно еще и четвертое условие, а именно: сопоставление должно носить информативный характер, то есть отражать сущностные строевые черты языков.

Посмотрим, можно ли построить приемлемые типологии языка, опираясь на его лексическую и фонетическую подсистемы при соблюдении принципов сравнения, изложенных выше.

Когда речь идет о фонетическом уровне языка, приходится констатировать следующее. В языках мира количество фонем чрезвычайно ограничено и варьирует в диапазоне от двух до шести десятков в разных языках, при этом часто наблюдается полное или почти полное отсутствие совпадения между фонемными рядами разных языков. Так, известно, что ни одна фонема английского языка не является тождественной никакой фонеме русского языка — в лучшем случае можно говорить лишь о какой-то степени похожести, в худшем — о полном отсутствии аналога. Правда, между близкородственными языками возможны случаи полной тождественности фрагментов фонетического строя. Таким образом, основа для сравнения на фонетическом уровне существует. Она обеспечивается как наличием в любом языке фонетической системы, так и довольно ограниченным набором сравниваемых единиц. Однако типология, построенная на сравнении единиц фонетического уровня, будет неудовлетворительной по следующим причинам.

Если сравниваются неблизкородственные языки, то количество различий между рядами звукотипов будет равняться самому количеству звукотипов, то есть классификация окажется в конечном итоге чрезвычайно громоздкой. Если же сравнивать не номенклатуру фонем, а фонологически релевантные (существенные)

признаки, то в таком случае классификация оказывается куда более компактной, однако типологически бессодержательной. В самом деле, характеризуя, например, русский язык как язык, фонетический строй которого содержит фонемы, объединенные признаком «палатализованность», а английский язык — как язык, в котором присутствуют фонемы, объединенные признаком «интердентальность», какую типологически содержательную характеристику данных языков мы получаем? Никакой, за исключением того, что мы констатируем наличие некоего фонологически релевантного признака в одном языке и отсутствие этого признака в другом.

Фонетика не может лежать в основе общей типологии языка еще и потому, что единицы фонологического уровня, сами по себе не являясь знаками, бессодержательны. Эти односторонние единицы, выполняющие конститутивную и дистинктивную функции, получают содержательную интерпретацию лишь в составе иерархически более высоких единиц, имеющих двустороннюю, знаковую природу. К числу такого рода единиц относятся, в частности, единицы лексического уровня языка, наличие у которых плана содержания не вызывает сомнений.

Однако определение типологического профиля языка по характеру его лексикона также оказывается малопродуктивным. Констатация наличия лексической подсистемы в структуре языка никак не характеризует данный язык в отличие от других языков. Наличие таких системных отношений в лексической подсистеме языка, как синонимические ряды, антонимические оппозиции и гипер-гипонимические, а также холо-партитивные отношения, также оказывается универсальным явлением, неспособным создать контраст между языками. Если же подойти к лексикону с той точки зрения, что он состоит из обособленных лексических единиц, то возможность сопоставления языков также исчезает, но уже по другим причинам.

Во-первых, количество лексических единиц неопределенно велико и постоянно меняется.

Во-вторых, количество и номенклатура значений у подавляющего большинства слов подвижна и неустойчива (при этом идеосемантические системы языков членил мир каждая на свой лад, то укрупняя и огрубляя отдельные его фрагменты для языкового сознания, то, напротив, прорисовывая отдельные его области с тонкой нюансировкой, подробно, учитывая полутона, мелкие детали).

В итоге построить технически удобную, компактную, цельно-системную, охватывающую язык в его строевых свойствах типологию на лексической основе не удастся, а потому классики лингвистической типологии положили в основу своего подхода к языку грамматические, а точнее, морфологические критерии.

3. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Впервые построить научно обоснованную лингвистическую типологию удалось лишь в начале XIX в. В 1809 г. вышла книга немецкого ученого Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индийцев», в которой автор предложил разделить все языки мира на два типа — флективные и аффиксирующие. Однако такое двучленное деление было слишком грубым и искусственным, не соответствовало типологическому разнообразию языков, а потому вызвало волну критики и было скорректировано в 1818 г. братом Ф. Шлегеля Августом Шлегелем в работе «О провансальском языке и литературе», где к двум названным типам языков предлагалось добавить еще один — аморфный. Но век и этой классификации оказался недолгим. Уже в 1822 г. великий немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт предложил четырехчленную классификацию языков мира, которая не только оказалась выдающимся лингвистическим достижением своего времени, но и сохранила актуальность до наших дней. Ниже мы дадим характеристику каждого из четырех типов с анализом того, в какой степени современный английский язык обнаруживает их признаки.

3.1. Флективный тип

Основной признак языков флективного типа — наличие так называемой внутренней флексии, то есть грамматически значимого фонетического чередования в корне слова. При этом не исключено наличие и внешней флексии, то есть грамматического форманта, присоединяемого к корню извне. Для языков рассматриваемого типа характерно наличие нескольких склонений в классе имен и нескольких спряжений в классе глаголов. Характерной чертой также является *синтетосемия*, то есть взаимно многозначное соотношение между аффиксом и выражаемым им значением: один и тот же аффикс способен синкретично (то есть посредством одной морфемы) передавать несколько грамматических значений, и наоборот, одно и то же грамматическое значение способно выражаться разными аффиксами. Например, в русской словоформе *книгу* аффикс *-у* одновременно выражает грамматическую категорию числа (единственное число) и грамматическую категорию падежа (винительный падеж). Однако данные грамматические субкатегории могут быть выражены не только аффиксом *-у*, но и другими аффиксами, например *-а* (как в словоформе *человека*) или *-о* (как в словоформе *окно*).

Во флективных языках нулевой аффикс (нулевая флексия) может характеризовать исходную форму слова, но не только ее. Например, в русской словоформе *стол* нулевой аффикс характе-

ризует исходную форму слова, а в словоформе *рук* — форму множественного числа родительного падежа.

Еще одной важной характеристикой языков флективного типа является наличие разного рода фонетических процессов на морфемных швах, в результате чего границы между морфемами становятся иногда трудноразличимыми. Например, в русском слове *детский* последняя согласная корня *дет-* и первая согласная суффикса *-ск-* фактически слились в аффрикату [ц]. Это дало повод известному американскому лингвисту XX в. Э. Сепиру назвать такие языки фузионными (от англ. *fusion* — плавка, плавление, слияние).

В зависимости от того, насколько бедно или богато представлена во флективных языках словоизменительная морфология, эти языки принято делить на два подтипа:

1) аналитический, который характеризуется относительной бедностью словоизменительной морфологии;

2) синтетический, который характеризуется относительным богатством словоизменительной морфологии.

Из приведенных примеров с достаточной наглядностью вытекает, что русский язык принадлежит к числу флективно-синтетических.

Посмотрим, в какой степени обнаруживает черты флективного типа английский язык.

В современном английском языке черты флективного типа представлены весьма обильно и разнообразно.

Во-первых, не вызывает сомнения наличие внутренней флексии, представленной как в классе существительных, так и в классе глаголов, причем если для существительных случаи внутренней флексии сравнительно редки и охватывают лишь несколько лексем: *goose* — *geese*, *man* — *men*, *louse* — *lice*, *mouse* — *mice* и др., то у глаголов внутренняя флексия представлена обильно и характеризуется способы формообразования подавляющего большинства так называемых неправильных глаголов: *know* — *knew*, *see* — *saw* и т. д.

Во-вторых, английскому языку присуща и внешняя флексия, представленная опять-таки как в именных, так и в глагольных классах. Образование форм множественного числа подавляющего большинства существительных происходит с помощью внешней флексии: *table* — *tables*, *house* — *houses*. Образование форм так называемого притяжательного падежа (оставляя в стороне дискуссию о том, существует ли вообще данная категория у английского имени существительного) также происходит с помощью внешней флексии — апострофированного *s*: *boy* — *boy's*, *Peter* — *Peter's*. В другом именованном классе — классе имен прилагательных внешняя флексия используется для образования форм степеней сравнения: *big* — *bigger* — *the biggest*, *large* — *larger* — *the largest*. Достаточно выраженной является внешнефлективная морфология и в классе глаголов: *know* — *knows*, *walk* — *walked*, *speak* — *speaking*.

В-третьих, в английском языке имеется и синтетосемия, особенно в плане синкретичного выражения разных грамматических категорий одним морфологическим показателем. Так, в форме *knows* флексия *-s* синкретично передает значения числа (единственное), времени (настоящее простое), лица (третье). С другой стороны, и грамматическая субкатегория может быть формально представлена различными способами: форма простого прошедшего времени может образовываться как с помощью внешнего аффикса *-ed* (*walked*), так и с помощью нулевого аффикса (*put, shut, cut*), а также внутренней флексии (*saw*), иногда в сочетании с внешней (*dreamt*); существуют и супплетивные формы: (*was, went*).

Однако современный английский язык не проявляет таких типичных для флективных языков свойств, как наличие нескольких склонений и спряжений, а также фузии¹. Объясняется это, очевидно, тем фактом, что английский язык явно тяготеет к аналитическому подтипу в отличие, например, от русского языка, который столь же явно, как уже было указано, проявляет флективно-синтетические черты.

3.2. Агглютинативный тип

Данный языковой тип противостоит по целому ряду признаков флективному. Если для языков флективного типа определяющей чертой служит наличие внутренней флексии, то для языков агглютинативного типа характерна принципиально иная система формообразования, заключающаяся в «приклеивании» некоторого количества аффиксов к корню и друг к другу. Собственно, сам термин «агглютинация» и означает «приклеивание». Такой системе словоизменения присущ ряд характеристик, отсутствующих во флективных языках.

1. Морфемные швы (то есть границы между морфемами) четко различимы, так как на стыках морфем не происходит никаких фонетических процессов, за исключением двух: ассимиляции в области консонантизма и гармонии в области вокализма. Согласно закону ассимиляции, если последний согласный корня звонкий, то и все согласные последующих аффиксов озвончаются; если последний согласный корня глухой, то все согласные в посткорневых аффиксах оглушаются. По закону гармонии гласных, если последняя гласная корня — переднего ряда, то все гласные в аффиксах будут также гласными переднего ряда. Если же последняя гласная корня — заднего ряда, то и все гласные в аффиксах будут гласными заднего ряда. Поскольку наличие ассимиляции соглас-

¹ Ср., однако, мнение Э. Сепира, полагавшего наличие фузии в словоформах типа *depth*.

ных и гармонии гласных не ведет к фузии, то, как было уже указано, морфемные швы всегда четко различимы, как и отдельные аффиксы. Аффиксы как бы механически прилепляются к корню и друг к другу. Отсюда и другое их название в агглютинативных языках — «агглютинативные прилепы».

2. Исходная форма слова всегда безаффиксна.

3. Отсутствуют системы склонений и спряжений.

4. Наблюдается *гаплосоemia* — взаимно однозначное соотношение между единицами плана выражения и единицами плана содержания. Например, форма множественного числа существительного образуется всегда с помощью одного и того же аффикса, причем данный аффикс имеет значение только множественного числа и не может передавать никакое другое значение.

Сказанное достаточно убедительно свидетельствует в пользу того, что английский язык, безусловно, не может быть причислен к агглютинативным. Однако означает ли это, что английский язык напроць лишен каких бы то ни было признаков агглютинации? При ближайшем рассмотрении оказывается, что все-таки некоторые черты языков агглютинативного типа не являются для современного английского языка совершенно чуждыми. Например, если оставить в стороне крайне немногочисленную группу существительных, образующих форму множественного числа с помощью внутренней флексии, то можно констатировать, что в системе английского имени существительного форма множественного числа образуется по агглютинативному принципу. Действительно, единственной возможностью образования формы множественного числа от формы единственного является прибавление к корню слова аффикса *-s* (*-es*). С другой стороны, данный аффикс передает лишь субкатегориальное значение множественного числа и никакое другое. Кроме того, при его присоединении к корню наблюдается процесс ассимиляции, характерный для агглютинативных языков: в зависимости от фонетического исхода корня формант множественного числа произносится либо как [s], либо как [z], либо как [ɪz]. То же самое можно сказать и об образовании формы так называемого притяжательного падежа существительных. Кроме всего вышеназванного современный английский язык не имеет системы склонений и спряжений, что также сближает его с языками агглютинативного строя. Вообще, как об агглютинативных принято говорить о языках тюркских и финно-угорских.

3.3. Инкорпорирующий тип

Основной чертой языков инкорпорирующего типа является наличие слов-предложений, то есть комплексных многокомпонентных слов, характеризующихся способностью к предиктиванию.

Это свойство коренным образом отличает их от обычных слов, выполняющих в языке, как известно, номинативную функцию. Предикативная функция выполняется благодаря наличию в составе слов-предложений предикативной синтагмы, включающей глагол, обозначающий предикативный признак, и номинативную часть речи, обозначающую носителя предикативного признака. Кроме предикативной синтагмы в состав слов-предложений могут входить и другие, второстепенные члены предложения, такие, как атрибут. К числу инкорпорирующих относятся языки народов Крайнего Севера, например чукчей, а также многочисленные языки североамериканских индейцев. Понятно, что такой индоевропейский язык, как английский, к инкорпорирующим причислен быть не может. Но означает ли это, что в нем нет абсолютно ничего, что так или иначе ассоциировалось бы с инкорпорацией? Английский языковой материал позволяет дать на этот вопрос скорее осторожный отрицательный ответ, нежели категорически положительный. Попытаемся обосновать это.

Английский язык, не будучи в состоянии строить слова-предложения, аналогичные словам-предложениям в инкорпорирующих языках, тем не менее проявляет черты инкорпорирующего типа в том смысле, что в состав предложений могут включаться некие синтаксические структуры, иногда довольно распространенные, причем состав их характеризуется наличием предикативной синтагмы. Это имеет место в следующих случаях:

- в предложении присутствует атрибутивная цепочка, иногда оформленная как так называемый «групповой притяжательный падеж» (group possessive): *There was a don't-touch-me-or-I-shall-kill-you expression on his face; I saw a make-it-yourself-kit on her table; The we-don't-care-about-anything attitude was spread at that time; The blonde-I-have-been-dancing-with's name was...; The boy-who-had-killed-the-rat's room was empty;*

- предложение содержит вторично-предикативные комплексы: *I heard him enter the house; She saw him crossing the street.*

Если случаи первого типа можно рассматривать как сравнительно редкие, регистрово-ограниченные и стилистически маркированные, то случаи второго типа являются в высшей степени характерными для английского языка, реализуемыми как в устной речи, так и в письменной, во всех регистрах и любых стилях.

3.4. Изолирующий тип

Слова в языках изолирующего типа характеризуются отсутствием или крайней скудостью словоизменительных флексий, что ведет к существенному повышению роли порядка слов в предложении, так как именно позиция в предложении актуализирует частереч-

ную принадлежность слова и его синтаксическую функцию. Так как слово изолирующего языка, взятое вне контекста, является грамматически не оформленным, А. Шлегель назвал языки данного типа аморфными, то есть языками без формы. Термин «аморфные языки» не прижился, поскольку форма явно существует в любом языке, языка без формы не может быть вообще и понятие формы не может сводиться лишь к аффиксам. Термин «изолирующие языки» куда более точен. Он акцентирует свойство корня или основы слова употребляться изолированно от словоизменятельной флексии в качестве его характерного признака. К изолирующему типу относят языки Юго-Восточной Азии, такие, как китайский, бирманский, корейский и др. Возможно ли, чтобы современный английский язык был типологически схож с ними?

Причина, по которой на данный вопрос можно ответить положительно, кроется в специфике исторического развития английского языка. Древнеанглийский язык, как известно, представлял собой типично флективно-синтетический язык с достаточно развитой системой склонений и спряжений, со сравнительно богатой флективной морфологией и относительно свободным порядком слов. Дальнейшее развитие английского языка шло по пути редукции безударного вокализма, приводившей сначала к стиранию различий между флексиями, к их омонимии и, как следствие, к распаду флективной системы, повлекшей за собой, в частности, строгий порядок слов в предложении и резкое возрастание значимости синтаксической структуры для идентификации грамматической природы слова.

Действительно, насколько возможно определение частеречного статуса и, соответственно, системы категориальных значений вне синтаксической структуры такого, например, английского слова, как *round*? Ответ дает анализ следующих примеров:

- в предложении *There was a round table in the room* слово *round* является прилагательным;
- в предложении *The telephone booth is round the corner* слово *round* — предлог;
- в предложении *My head is going round* слово *round* — наречие;
- в предложении *The boats round the cape every day* слово *round* — глагол;
- в предложении *The strange object was the shape of a round* слово *round* — существительное.

Еще пример. Английское предложение *Police police police poll* можно понять лишь с учетом позиционного критерия для английского слова. Первое *police*, занимая начальную позицию в декларативном предложении, скорее всего, выполняет функцию субъекта, является поэтому существительным и, соответственно, переводится как *полиция, полицейские*. Второе *police*, занимая позицию предиката, является, скорее всего, глаголом и переводится как *выполнять функции, свойственные полиции; охранять*. Третье *police*

занимает позицию объекта и поэтому могло бы быть существительным, но принимая во внимание, что оно занимает позицию перед существительным *poll*, приходим к выводу, что объектом в данном предложении является именно *poll*. В таком случае третья *police* является атрибутом к *poll*, то есть именем прилагательным, и, соответственно, должно переводиться как *полицейский, характерный, свойственный для полиции*. Такой анализ позволяет правильно понять данное английское предложение: *Полиция охраняет избирательный участок для полицейских*.

Безусловно, было бы преувеличением считать, что все английские слова имеют столько же частеречных статусов, как и *round*, или что все английские предложения строятся аналогично предложению *Police police police poll*, для понимания которых требуется нечто вроде «дешифровки». Однако в безупречно правильном с грамматической точки зрения английском предложении отражаются строевые черты английского языка: скудость флективной морфологии и, как следствие, значимость позиции элемента в структуре.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Тип языка является конструктом, то есть абстракцией, не представленной ни в одном реальном языке в чистом виде, а являющейся скорее статистической характеристикой данного языка, описываемой в таких терминах, как «превалирующие тенденции», «наиболее четко выраженные черты», «доминирующие признаки» и т.п.

2. Современный английский язык — и в этом отношении он отнюдь не является исключением — есть язык политипологичный, то есть обнаруживающий в той или иной степени характерные черты всех языковых типов. Политипологичность как явление предусматривалось и в теории самого Гумбольдта при выведении им языковых типов.

3. В целом с морфологической точки зрения современный английский язык можно охарактеризовать как флективно-аналитический с ярко выраженными изолирующими тенденциями.

Некоторые современные типологи идут еще дальше, рассматривая английский язык как преимущественно изолирующий, сохранивший архаичные черты флективного строя.

4. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Классификация языков по морфологическому признаку является наиболее распространенной, однако не единственной. Синтаксис также может быть положен в основу типологизации. При этом выделяется три типа языков:

- 1) номинативный;
- 2) эргативный;
- 3) активный.

4.1. Номинативный тип

Для языков номинативного типа характерны следующие основные признаки:

- семантическое противопоставление субъекта и объекта при переходном глаголе;
- отсутствие объекта при непереходном глаголе;
- противопоставление активного и пассивного залогов;
- наличие прямого (именительный) и косвенных (родительный, дательный и др.) падежей в системе имени.

Английский язык, безусловно, относится к числу языков номинативного строя наряду с русским и другими индоевропейскими языками.

4.2. Эргативный тип

Наиболее характерной чертой языков данного типа является наличие в них эргативной конструкции, включающей субъект в эргативном падеже, переходный глагол и объект в абсолютном падеже. Если абсолютный падеж объекта в эргативных языках иногда ставится в параллель именительному падежу в языках номинативного строя, то никакого аналога или соответствия эргативному падежу в языках номинативного строя найти нельзя. Современный английский язык, вне всяких сомнений, не может быть отнесен к числу эргативных, однако древнеанглийский язык, будучи языком номинативного строя, еще содержал некоторые конструкции, которые можно интерпретировать в качестве эргативных. Речь идет о таких структурах, как *mēthink(e)th*, *mēlikath*, *mēsē-t(e)th*, в известной мере схожих с современными русскими конструкциями *мне нравится*, *мне хочется*. По мнению некоторых ученых, это связано с тем, что индоевропейский язык-основа был языком эргативного строя. В современном английском языке подобные конструкции встречаются в так называемом «отрицательном» языковом материале. Например, зафиксированы детские высказывания типа *me likes it*, *me knows it* и т. п. В современном мире к числу эргативных принадлежит большинство кавказских языков, баскский язык и некоторые другие.

4.3. Активный тип

Активный тип языков представляет собой наиболее «экзотическую» их разновидность с точки зрения индоевропейского языкового сознания. С синтаксической точки зрения данный языковой тип характеризуется противопоставлением активной и инак-

тивной конструкций, что связано с противопоставлением так называемого активного и инактивного начал. Активность/инактивность есть грамматическая категория, характеризующая имена существительные и более всего напоминающая категорию одушевленности/неодушевленности в индоевропейских языках. Класс имен прилагательных в таких языках отсутствует. Языки активного типа распространены среди аборигенного населения Северной и Южной Америки. Английский язык не обнаруживает никаких черт, свойственных данному типу.

Итак, современный английский язык является номинативным, флективно-аналитическим языком с ярко выраженными изолирующими тенденциями, обнаруживающим элементы агглютинации и инкорпорации.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какому типу языков свойственно явление синтетосемии?
2. Какие черты языков изолирующего типа свойственны английскому языку?
3. В чем заключается явление политипологичности?
4. Назовите причины, по которым фонетический строй и лексическая система языка не могут служить основанием для создания структурно-типологической классификации языков.
5. К какому языковому типу и на каких основаниях можно отнести известные вам языки (латинский, немецкий, французский и др.)?
6. Определите типологические особенности среднеанглийского языка по контрасту с древнеанглийским и современным английским.
7. Какой из языковых типов предполагает наличие жесткого порядка слов в предложении и почему?
8. В чем разница между флективно-синтетическим и флективно-аналитическим подтипами флективных языков?
9. Что такое фузия и в каком типе языков она наблюдается?
10. Назовите основные признаки языков номинативного, эргативного и активного типов и объясните, на каком основании современный английский язык должен быть отнесен к числу номинативных?

ЛЕКЦИЯ 4¹

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ГРАММАТИЧЕСКИМ

1. Введение
2. Сведения из истории вопроса
3. Онтологический статус и функции понятийных категорий
4. Соотношение понятийных и семантических категорий
5. Формы существования понятийного мышления
6. Понятийные категории и человеческое сознание

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о мыслительной основе языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистике в качестве одного из важнейших. В этой связи особенно актуальными становятся исследования в рамках сравнительно недавно заявившей о себе концептивной/когнитивной лингвистики — области языкознания, ориентированной на анализ генезиса, развития и функционирования языковых построений с точки зрения их обусловленности ментальным субстратом, важнейшей составляющей которого являются дискретные элементы сознания — *концепты* (понятия), которые способны группироваться в сложные структуры, называемые *понятийными категориями*.

2. СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Впервые термин «понятийные категории» был введен в научный обиход О. Есперсеном в его ставшей классической работе «Философия грамматики» (1924) О. Есперсен признает, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими кате-

¹ Данная лекция представляет собой попытку осветить один из наиболее сложных вопросов современной лингвистической теории, частично выходит за рамки программы курса теоретической грамматики и поэтому рекомендуется в качестве факультативной. Стиль изложения максимально приближен к стилю научной работы лингвистического профиля, чем, в частности, объясняется наличие большого количества цитируемого материала. Кроме того, усвоение материала данной лекции предполагает достаточно высокую степень начитанности студентов в вопросах лингвистической теории.

гориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями».

Не исключая традиционного подхода к изучению языков — от формы к содержанию (*семасиологический* подход), О. Есперсен, как и его современник французский лингвист Ф. Брюно, считает важным метод исследования языка с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме, закладывая таким образом основы *ономасиологии*. Именно при таком подходе становится очевидной та существенная роль, которую играют в успехе лингвистического исследования понятийные категории, и встает вопрос определения их сущности и функций.

Было бы, однако, ошибочным считать, что теория понятийных категорий как мыслительного субстрата грамматической системы языка начала развиваться лишь с трудов О. Есперсена. Следует признать, что и до него в языковедческой литературе высказывались предположения о существовании некоей ментальной сущности, предвещающей языковые (в особенности грамматические) построения и лежащей в их основе.

Есть основания полагать, что первым существование «универсального компонента» языка (или, скорее, языков) с собственно лингвистических позиций обосновал немецкий ученый В. фон Гумбольдт в связи с проводившимися им типологическими исследованиями и созданием морфологической классификации языков.

Один из видных отечественных языковедов С. Д. Кацнельсон следующим образом резюмирует встречающиеся в разных работах высказывания Гумбольдта на эту тему: «Универсальные категории — это по большей части мыслительные формы логического происхождения. Они образуют систему, являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую. Вместе с тем и собственно логическими назвать их нельзя, так как, будучи обращены лицом к грамматике, они обнаруживают специфические черты. Можно сказать, что они составляют область “логической грамматики”, которая по существу не является ни логикой, ни грамматикой; это идеальная система, не совпадающая с категориями отдельных языков. В каждом отдельном языке категории идеальной логики преобразуются в конкретные грамматические категории». Если «универсальные категории» Гумбольдта — еще не совсем «понятийные категории» Есперсена (что вполне естественно: Гумбольдт по большей части типолог, а Есперсен — грамматист), то тем не менее совпадение сущностных характеристик тех и других поразительно.

Прошло некоторое время, и видный немецкий лингвист-младограмматик Г. Пауль в работе «Принципы истории языка», опубликованной в 1880 г., достаточно подробно остановился на подобного рода категориях, именуя их в соответствии с традициями своего времени и в духе младограмматического учения «психологическими категориями». Г. Пауль считал, что всякая грамматическая категория возникает на основе психологической, причем первая представляет собой не что иное, как внешнее выражение второй. Как только действенность психологической категории начинается обнаруживаться в языковых средствах, эта категория становится грамматической. Заметим, что данное положение очевидным образом перекликается с идеей Гумбольдта о «преобразованиях» рассматриваемых им универсальных категорий в конкретные грамматические категории. По Паулю, с созданием грамматической категории действенность психологической не уничтожается. Психологическая категория независима от языка (ср. цитированное выше высказывание О. Есперсена о внеязыковом характере понятийных категорий и о том, что они не зависят от более или менее случайных фактов существующих языков); существуя до возникновения грамматической категории, она продолжает функционировать и после ее возникновения, вследствие чего гармония между обеими категориями с течением времени может быть нарушена. Грамматическая категория, по мнению Пауля, будучи связана с устойчивой традицией, является в известной мере «застывшей» формой психологической категории. Последняя же остается чем-то свободным, живым, принимающим различный облик в зависимости от индивидуального восприятия. Кроме того, изменение значения очень часто способствует тому, что грамматическая категория перестает быть адекватной категории психологической. Пауль считает, что если впоследствии появляется тенденция к выравниванию, то происходит сдвиг грамматической категории, при котором могут возникнуть своеобразные отношения, не укладывающиеся в существовавшие до того категории. Далее автор делает важный методологический вывод, касающийся лингвистической ценности анализа процессов взаимодействия психологических и грамматических категорий: «рассмотрение этих процессов, которые мы можем проследить довольно подробно, дает нам вместе с тем возможность судить о первоначальном возникновении грамматических категорий, недоступных нашему наблюдению».

Примерно в одно время с О. Есперсеном развивал теорию концептивной основы языка французский лингвист Г. Гийом. Не получившая достаточно внимания и заслуженной оценки во время жизни автора, сейчас теория Г. Гийома стала объектом пристального изучения и анализа. Рассматривая вопросы метода анализа языка, сущности лингвистического знака, генезиса слова и

его системной природы и другие, Г. Гийом постоянно обращался к понятийному фактору, стремился к изучению мыслительного и языкового в их тесной взаимосвязи. До выхода в свет в 1992 г. книги Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики» его концепция была известна русскоязычному читателю прежде всего благодаря трудам Е. А. Реферовской и Л. М. Скрединой, посвятивших анализу его научного наследия ряд работ. И хотя эти авторы расходятся в трактовке некоторых положений гийомовской лингвистики, оба ученых отмечают важнейшее место в ней понятийного компонента.

В настоящее время есть все основания считать, что Г. Гийому удалось создать собственную лингвистическую школу, получившую название «векторная лингвистика» или «психосистематика». На ее принципах уже созданы описания отдельных подсистем английского языка (например, имени и артикля, а также глагола). К числу учеников и последователей Г. Гийома относятся Р. Л. Вагнер, П. Имбс, Р. Лафон, Б. Потье, Ж. Стефанини, Ж. Муанье, М. Мольо, Ж. Майар и др. Давая оценку их лингвистическим трудам, Л. М. Скредина считает их главной и характерной чертой пристальное внимание к конкретным языковым фактам, унаследованное от Г. Гийома, и стремление рассматривать их «изнутри», со стороны означаемого, отталкиваясь от понятийных категорий при объяснении функционирования элементов в речи.

Вслед за О. Есперсеном ставит вопрос о природе понятийных категорий И. И. Мещанинов. Первая работа ученого, положившая начало разработке им теории понятийных категорий, была опубликована в 1945 г. За ней последовал еще целый ряд трудов, посвященных этой проблеме. Толчком к этим исследованиям послужила недостаточная разработанность вопроса о взаимных связях языка с мышлением, особенно тот факт, что, как писал сам И. И. Мещанинов, «установлению общей точки зрения на связь языка с мышлением в значительной степени препятствовало слепое и беспелляционное заимствование из учебников логики и психологии, сводящееся к попыткам истолкования языковых фактов под углом зрения выработанных в них положений. Факты языка освещались со стороны, вместо того чтобы получить свое объяснение внутри себя». Кроме того, проводимые И. И. Мещаниновым типологические исследования наталкивали ученого на мысль, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются в основном формы экспликации содержания, в то время как такие понятия, как предметность и действие, субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками, а также отношения между словами в составе предложения оказываются общими для всех языков. Выявление данного универсального мыслительного субстрата и стало в работах И. И. Мещанинова проблематикой, связанной с анализом понятийных категорий.

Среди других наиболее известных отечественных исследователей, внесших вклад в разработку темы мыслительных основ языка, следует назвать С.Д.Кацнельсона. Эту тему он применил к трем основным направлениям лингвистических исследований:

- 1) к общей грамматике и теории частей речи;
- 2) к проблеме порождения высказывания;
- 3) к речемыслительным процессам, а также типологическому сопоставлению языков.

Рассмотрим эти направления более подробно.

Выступая против формального понимания частей речи, основанного на выделении у слов формальных признаков и специфических категорий в соответствии с флективной морфологией, С.Д.Кацнельсон вслед за Л.В.Шербой в качестве определяющего момента при отнесении слова к той или иной категории считает значение слова. Классификация элементов языка, таким образом, проводится им на ономаσιологической основе — от значения к форме (ср. приведенные выше точки зрения по данному вопросу О.Есперсена и Ф.Брюно). По С.Д.Кацнельсону, «в самих значениях слов, независимо от того, оформлены ли они флективно или по нормам иной морфологии, существуют некие опорные пункты, позволяющие говорить о существительных, прилагательных и т.д.». Такими «опорными пунктами» и служат понятийные и семантические категории.

В теории речепорождения С.Д.Кацнельсон придерживается типичного для представителей генеративной семантики понимания процесса порождения речи, при котором исходной структурой порождающего процесса и одним из базисных понятий всей концепции является *пропозиция* — некое мыслительное содержание, выражающее определенное «положение дел», событие, состояние как отношение между логически равноправными объектами¹. В составе пропозиции выделяются члены-носители отношения и связывающий их *реляционный предикат*. При этом каждый из членов пропозиции сам по себе не является ни подлежащим, ни прямым дополнением, а в составе возникших на базе пропозиции предложений может оказаться в любой из таких синтаксических функций. По мнению С.Д.Кацнельсона, «пропозиция содержит в себе момент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей». Пропозиции, выступая в роли операционных схем на начальной фазе речепорождающего процесса, хотя и ориентированы на определенное смысловое содержание, но сами по себе, без заполнения открываемых ими «мест»

¹ Подробнее природа пропозиции будет рассмотрена в лекции 8 настоящего курса.

определенными значениями, недостаточно содержательны для того, чтобы служить основой для дальнейшего преобразования их в предложения. Эти структуры нуждаются в особых единицах, выполняющих пропозициональные функции. Такими единицами являются понятия. Как видно из этих рассуждений ученого, допускается не только существование некоего ментального субстрата, имеющего неязыковой характер и служащего основой речепорождающего процесса, но и отмечается его гетерогенность (то есть внутренняя неоднородность), сложная структурированность.

Что касается типологических изысканий, то согласно С. Д. Кацнельсону вовлечение содержательной стороны в эти исследования необходимо в силу хотя бы того факта, что и в области содержания языки обнаруживают черты как сходства, так и различия. Подчеркивая принципиальную возможность перехода от семантической системы одного языка к семантической системе другого языка, ученый делает акцент на универсальные, общечеловеческие мыслительные процессы, лежащие в основе речетворческой деятельности.

Можно подытожить воззрения С. Д. Кацнельсона на значимость ментального предъязыкового субстрата следующим образом: «Мыслительные категории составляют основу грамматического строя, поскольку с их помощью достигается осмысление чувственных данных и преобразование их в пропозиции».

Исследования данной проблематики получили дальнейшее развитие в трудах А. В. Бондарко в связи с разработкой этим автором категории функционально-семантического поля, а также предпринятым им анализом функционально-семантических, семантических/структурных категорий. Особо следует выделить статью А. В. Бондарко «Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике», посвященную рассмотрению соотношения этих сущностей и анализу языковой семантической интерпретации понятийных категорий. В статье также рассматривается вопрос об универсальности понятийных категорий. В целом следует отметить, что А. В. Бондарко, неоднократно отмечая тесную связь своих теоретических изысканий с воззрениями О. Есперсена и И. И. Мещанинова, выражает в то же время и собственное, несколько отличное отношение к рассматриваемой проблеме. Опираясь на теорию понятийных категорий, А. В. Бондарко вместе с тем несколько отходит от нее. Избранное им направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим связан и отказ ученого от термина «понятийная категория», поскольку, как он считает, этот термин дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка.

Значительный вклад в исследование понятийной сферы мышления в ее отношении к языку внес американский лингвист У.Л.Чейф. В наиболее известном труде «Значение и структура языка» он рассматривает значение с точки зрения концептуальной (ideational) теории языка. Эта теория утверждает, что идеи, или понятия, являются реальными сущностями в сознании людей и что посредством языка они обозначаются звуками, так что могут быть переданы из сознания одного индивидуума в сознание другого. У.Л.Чейф считает, что понятийная структура и поверхностная структура — различные вещи и если поверхностная структура представлена материальными средствами языка и дана нам в чувственном восприятии, то понятия находятся глубоко внутри нервной системы человека. Согласно У.Л.Чейфу мы не можем сделать понятийных спектрограмм, рентгеноскопий или записей на магнитную ленту, с тем чтобы неторопливо и внимательно исследовать их. Среди прочих процессов У.Л.Чейф рассматривает в своей книге процесс коммуникации с точки зрения применения коммуникантами понятийного аппарата, которым они располагают, анализирует проблему сочетания увеличивающегося инвентаря понятий со строго ограниченным набором языковых символов, пишет о нелинейном характере понятий. Ученый характеризует механизм общения как возбуждение и активизацию говорящим средствами языка понятийных сущностей в сознании слушающего. Вместе с тем У.Л.Чейф полностью отдает себе отчет в сложности исследования понятийной сферы: «Сказать, что понятия существуют, еще не значит, что мы в состоянии в мгновение ока выделить их в своем сознании или что у нас есть удовлетворительные способы их представления и рассмотрения».

Кратко охарактеризовав самые основные исследования в области понятийных категорий в историческом аспекте, мы можем перейти к изложению собственно теоретических аспектов этой проблемы.

3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ

Коль скоро приходится признать наличие в человеческом сознании понятийных категорий, то встает проблема их онтологического статуса, определения той сферы, того «этажа» сознания, где они коренятся, а также их отношения к явлениям действительности и категориям логики и языка.

По этому поводу исследователями высказываются различные точки зрения, часто не лишённые некоторой двойственности, а иногда и внутренней противоречивости. Так, О.Есперсен, устанавливая внеязыковой характер понятийных категорий, в дальнейшем изложении настаивает, что необходимо всегда помнить

об их лингвистическом значении. Он считает, что мы хотим понять языковые (лингвистические) явления, а потому было бы ошибочным не принимать во внимание существование языка вообще, классифицировать предметы и понятия безотносительно к их языковому выражению.

Размышляя о статусе понятийных категорий, И. И. Мещанинов указывает на необходимость отграничения их от категорий логики и психологии и характеризует их следующим образом: «Приходится проследивать в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя и неграмматическою формою грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий. В то же время, выражая в языке нормы действующего сознания, эти понятия отражают общие категории мышления в его реальном выявлении, в данном случае в языке». Однако в одной из последующих работ И. И. Мещанинов, вступая в противоречие со своими прежними взглядами, трактует понятийные категории как разновидность логико-грамматических категорий.

В значительной степени перекликается с указанными взглядами О. Есперсена и И. И. Мещанинова (в той их части, где оба исследователя признают несобственно-языковой характер понятийных категорий) точка зрения С. Д. Кацнельсона, по мнению которого понятия и содержательные грамматические функции, в силу их прямой или косвенной обусловленности внеязыковой реальностью и в силу многообразия способов их выражения в языке, в известных границах независимы от языка. Поскольку способ выражения не «нейтрален» по отношению к содержанию, исследование языкового содержания невозможно без учета условий его распределения по формам языка.

В. М. Жирмунский относит понятийные категории к логико-психологическим категориям языка.

Интересной представляется в плане анализа рассматриваемой проблемы концепция А. В. Бондарко, который считает необходимым различение собственно понятийных (логических, мыслительных) категорий и двусторонних языковых единств типа устанавливаемых им функционально-семантических полей. Эти поля включают семантические элементы в интерпретации именно данного языка и конкретные элементы плана выражения также именно данного языка. Отсюда вытекает трактовка этих полей как единств, находящихся на поверхностном уровне, которая, однако, не означает, что исключается связь с уровнем глубинным. Такую связь автор усматривает в том, что семантические функции, носителями которых являются элементы данного поля, представляют со-

бой «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной понятийной категории или комплекса таких категорий. Итак, можно предположить, что собственно понятийные категории, имеющие универсальный характер, относятся к глубинному уровню, тогда как конкретно-языковая семантическая интерпретация данной понятийной категории, организация языковых средств, служащих для выражения данного значения, распределения семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами — все это относится к поверхностному уровню.

А. В. Бондарко считает также необходимым предложить идею выделения нескольких уровней содержательной стороны языка. Семантика, согласно его точке зрения, есть и на глубинном, и на поверхностном уровне. Глубинная семантика характеризуется им как не имеющая конкретно-языковой организации и интерпретации и не закрепленная за определенными языковыми средствами. Поверхностная же семантика, базируясь на глубинной, относится уже к данному, конкретному языку. Глубинные понятийные инварианты здесь выступают в вариантах, общая конфигурация и многие детали которых характерны именно для данного языка. Таким образом, понятийные категории играют функционально активную роль и по отношению к глубинной семантике, где они реализуются в вариантах общезначимых, не имеющих конкретно-языковой специфики, и по отношению к поверхностной семантике, где они реализуются в таких вариантах, которые составляют специфическую особенность именно данного языка или группы языков в отличие от других языков.

В одной из последующих работ А. В. Бондарко приходит к мысли о необходимости разграничения и понятийных категорий. Автор выделяет два их типа: фундаментальные понятийные категории, являющиеся обязательными и универсальными, и нефундаментальные категории — факультативные и неуниверсальные. Такое членение семантических и понятийных категорий свидетельствует о тонком анализе объекта исследования и об осознании ученым всей сложности и многогранности системных отношений между сущностями, не данных человеку в непосредственном чувственном восприятии. Однако приходится констатировать, что обратной стороной такой классификации является некоторая ее громоздкость, не всегда достаточно четкая выявленность отношений между предлагаемыми уровнями, иногда отсутствие четкой границы между уровнями. Не вполне понятной, например, представляется разница между нефундаментальными понятийными категориями и категориями поверхностной семантики. Видимо, сознавая это, А. В. Бондарко пишет в отношении нефундаментальных понятийных категорий, что, может быть, их следовало бы назвать не понятийными категориями, а как-нибудь иначе.

Итак, какое же место занимают понятийные категории в структуре человеческого сознания и каковы их функции? Представляется вполне корректной позиция И. И. Мещанинова по этому вопросу: «Они служат тем соединяющим элементом, который связывает в конечном итоге языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии». В этом суждении содержится несколько очень важных идей:

во-первых, показано, что понятийные категории как бы двунаправлены: одной своей стороной они обращены к универсальным логическим и психологическим категориям и законам и через них связаны с объективной действительностью; другой стороной они обращены к языковому материалу и находят свое выражение в фактах языка;

во-вторых, понятийные категории, располагаясь между логико-психологическими и языковыми, не являются в собственном смысле ни теми ни другими; они обладают собственным, относительно самостоятельным статусом.

в-третьих, в приведенном высказывании И. И. Мещанинова недвусмысленно выражена идея о «многоэтажности» человеческого сознания, где каждый «этаж» непосредственно связан с соседними, относительно независим от них в силу наличия специфических функций и вместе со всеми образует единое здание человеческого менталитета.

Прав был и О. Есперсен, разграничивая понятийную и языковую сферы и устанавливая, таким образом, нетождественность категорий понятийных и языковых: «Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе».

Таким образом, *понятийные категории* — это существенные для функционирования языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой — на грамматические/семантические категории языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой грамматических/семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом. Здесь следует сделать два замечания.

Во-первых, говоря, что понятийные категории в генетическом плане как бы «предваряют» грамматические категории, предшествуют им, необходимо учитывать факт гетерогенности понятийных категорий. Так, если понятийная категория количественности формируется в сознании и затем оформляется в языке в ре-

зультате отражения количественных параметров объектов действительности, то формирование таких понятийных категорий, как залоговость, идет не от действительности, а от человека, обуславливается активностью человеческого сознания, его способностью к весьма сложному и неоднонаправленному взаимодействию с внешней средой.

Н. А. Кобрина выделяет три типа понятийных категорий.

Первый тип представляет собой отражение реальности в виде форм и предметов мысли (то есть совпадает с понятиями в философии). Это определенные смысловые сущности, получающие отражение в семантике, либо в лексических группировках слов, либо в частеречных классах, в зависимости от уровня рассмотрения, точнее, осмысления объекта. Для таких понятийных категорий границы между их семантикой и понятийным смыслом размыты. В лингвистике эта размытость проявляется в том, что в семантическом синтаксисе понятийные концепты часто называются семантическими ролями (актантами).

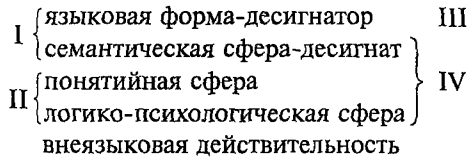
Другой тип понятийных категорий — параметры, признаки, характеристики, такие, как вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж. Для этих понятийных категорий однозначная соотносимость с формой чаще всего отсутствует.

Третий тип — это релятивные, или операционные, понятийные категории, то есть такие, которые лежат в основе схем организации понятий. Наиболее характерным их признаком является сетка понятий, отражающих соотношение таких референтов, как действие или событие с вовлеченными в него предметами мысли. Такое соотношение является образным отражением реальной ситуации, и оно превращается в пропозицию после того, как выбран реляционный предикат на семантическом уровне и заполнены все «места» реляционной схемы.

Во-вторых, тезис о том, что понятийные категории являются необходимой предпосылкой адекватного функционирования всей системы языка, нуждается в пояснении. Язык, как известно, имеет уровневую и аспектную организацию, и каждый уровень и аспект относятся к понятийной сфере по-разному. Если количество и номенклатура единиц фонетического уровня определяются физиологическими возможностями артикуляционного аппарата и в целом с единицами понятийной сферы не соотносятся, то единицы лексической системы языка регулярно коррелируют с фондом понятий. Наиболее же явно «реагирует» на понятийную сферу грамматическая система в силу ее приближенности к общим законам организации мышления.

Учитывая вышеизложенное, можно изобразить многоярусную схему человеческого мышления и языка следующим образом. Ни в коей мере не претендуя на бесспорность и окончательность, эта схема все же дает наглядное представление о сложной организа-

ции ментальных структур. В частности, она выявляет взаимоотношения понятийной сферы с остальными.

Римскими цифрами на схеме указаны уровни, которые на разных основаниях можно объединить друг с другом. Так, под цифрой I объединены уровни, относящиеся к собственно языковой сфере. При этом в качестве исходного принимается тезис о билатеральном (двустороннем) характере языкового знака. Языковой знак связан с внеязыковой действительностью через сферы, объединенные цифрой II; их можно совместно охарактеризовать как логико-понятийную основу языка, невербальные формы мышления. Сфера, обозначенная цифрой III, является чувственно воспринимаемой, имеющей материальную выраженность языковой (точнее, речевой) субстанцией. В отличие от нее сферу IV следует определить как сферу скрытых от непосредственного наблюдения и восприятия ментальных сущностей, о статусе и функциях которых можно судить лишь косвенно, изучая внеязыковую действительность как источник воздействия на рецепторы человека и поверхностную структуру как выражение этой действительности во внешней знаковой форме.

Завершая рассмотрение данной проблемы, следует указать и на отношения, существующие между обозначенными на схеме уровнями, так как каждый из них, хотя и функционально значим, прежде всего является частью целого.

Между внеязыковой действительностью и логико-психологическим уровнем существует отношение отражения — внешний мир воздействует через рецепторы человека на его мозг, в результате чего возникают идеальные аналоги явлений действительности. В целом отношения между внеязыковой действительностью и логико-психологической сферой *изоморфны* (при этом мы отвлекаемся от частных случаев искажения восприятия действительности, причины которых варьируют от специфики природы отражаемого объекта до индивидуальной патологии сознания отражающего субъекта).

Понятийная сфера упорядочивает явления логико-психологического уровня. Классифицирующая деятельность человеческого рассудка дискретизирует, структурирует и группирует эти явления на основе их наиболее общих и наиболее важных для человека признаков. Понятийная сфера есть сфера концептивных аналогов сущностей логико-психологического уровня. Отношения между

этими уровнями характеризуются, таким образом, как отношения систематизации, и им свойствен гомоморфизм, или отношения схожести.

Суть следующего этапа — перехода от понятий к сфере языка — формализация понятийных категорий, придание им лингвистического значения, их «оязыковление». Имеет место переход от универсальных явлений к явлениям *идиоэтническим*, следовательно, данные межуровневые отношения *алломорфны*. Следует отметить, что на данном этапе возникает и структурированность самой системы понятийных категорий, выявляются различные их типы.

Последняя ступень — связь семантики с поверхностной структурой. Поскольку это есть связь между двумя сторонами языкового знака, то рассмотрение ее представляет отдельную лингвистическую проблему и выходит за рамки тематики данной лекции. Ограничимся лишь констатацией существования различных точек зрения на нее (ср. идею Ф. де Соссюра об однозначном соответствии между означающим и означаемым и теорию С. О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака).

4. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Значительный теоретический интерес представляет вопрос о соотношении понятийных и семантических категорий.

В этом плане заслуживает внимания мысль А. В. Бондарко о том, что семантические категории относятся к понятийным как варианты к инвариантам. Подобный подход позволяет избежать разного рода крайностей в трактовке рассматриваемой проблемы, которые выражаются либо в отрыве семантических категорий от понятийных, либо в их отождествлении. Преимущество же такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, подчеркивается нетождественность сферы семантики и сферы понятий, а с другой — четко определяется неразрывный характер связи между ними.

Действительно, понятийные и семантические категории не находятся во взаимно однозначном соответствии. Понятийные категории являют собой стабильный и устойчивый когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики. Последние, как было показано выше, относятся к явлениям языка, причем не только языка вообще («глубинная семантика» у А. В. Бондарко), но и конкретного языка со всеми присущими ему отличительными особенностями («поверхностная семантика»). В связи с этим может иметь место и определенная асимметрия между понятийным и семантическим планами. Проиллюстрируем это на примере предложений

типа: а) *The workers are constructing the building*; б) *The building is being constructed*.

Рассмотрим соотношение между понятийной категорией *агенса* и соответствующей семантической категорией (или, в терминологии семантического синтаксиса, ролью, падежом).

Понятийная категория агенса реализуется в предложении а) так же, как и семантическая роль агенса в слове *workers*. Здесь можно констатировать случай ролевого соответствия семантической категории понятийной. В примере б) семантическая категория агенса отсутствует по той причине, что нет самого словесного знака, десигнатная часть которого и определяла бы его значение, его семантику. В то же время агентс как понятийная категория реально присутствует в сознании. Тот факт, что в предложении б) нет специализированного словесного знака, формализующего указанную понятийную категорию и выражающего своей материальной, десигнаторной стороной соответствующую понятийную категорию, не свидетельствует об отсутствии у говорящего или слушающего понятия об активно и целенаправленно действующем лице, сознательно направляющем свою деятельность на определенный объект (то есть об агентсе). Следует подчеркнуть, что знаковая (а значит, и семантическая) невыраженность понятийной категории вовсе не свидетельствует о том, что ее существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда она находит свое выражение в языковом знаке. Представление о том, что действие строительства дома (как в приведенных примерах) осуществляется кем-то, неизменно присутствует в нашем осмыслении ситуации. Отсутствие слова с агентивным значением в реальном речевом высказывании может свидетельствовать о том, что говорящий расценивает тот факт, что дом всегда строится кем-то, как некую естественную, привычную, хорошо известную из жизненного опыта, само собой разумеющуюся данность. Если коммуникативное задание высказывания, его прагматическая установка не предполагают заострить внимание собеседника на том, кто именно совершает действие, то отсутствие обозначающего агенса слова может быть признано коммуникативной нормой. Известно, что речевая деятельность имеет тенденцию к экономии средств выражения, опусканию всего коммуникативно избыточного, но коррелирующие с предложением концептивные структуры в силу их обусловленности логико-психологической сферой, отражающей «положение дел» самой действительности, никогда не поддаются какого-либо рода «понятийной редукции», всегда оставаясь понятийно наполненными. Следует упомянуть, что возможность внешней невыраженности понятийных категорий оговаривается и в концепции И. И. Мещанинова, согласно мнению которого, без их выявления в языке они остаются в области сознания.

Завершая рассмотрение данной проблемы, еще раз подчеркнем, что указание на асимметрию между понятийной и семантической сферами следует понимать как отсутствие жестких взаимно однозначных отношений между ними (такие отношения между ментальным субстратом и его производной, в терминах которых мы описываем понятийный и семантический уровни, невозможны в принципе). Даже если идиосемантическая система данного языка не «предусмотрела» специального аналога какому-либо понятию, это понятие может быть описательно выражено в речи посредством синтагматических связей между словесными знаками.

5. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ

Признание понятийной сферы в качестве одного из ярусов человеческого мышления заставляет поставить вопрос о тех операционных сущностях, в форме которых оно осуществляется. Если экстралингвистическая реальность, логический строй мышления и язык имеют присущие им единицы и законы, то понятийная сфера также оперирует своими единицами — *концептами*, или понятиями, которые способны группироваться в сложные структуры, называемые понятийными категориями.

Концепты — это понятийный инвентарь, аппарат, находящийся в распоряжении человека, в сумме они составляют тот понятийный фонд, из которого извлекаются мыслительные единицы для осуществления речемыслительного процесса. Будучи вовлеченными в речемыслительный процесс, концепты становятся *мыслительными референтами*. Отсюда ясно, что мыслительный референт и концепт — явления однопорядковые, соотносимые, но не тождественные. Мыслительный референт — это актуализованный концепт, идеальный объект мысли в конкретном акте номинации. При этом следует отметить разницу между мыслительным референтом и просто *референтом*.

Если *референция* понимается как отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения к объектам действительности, то референт — это по сути «актуализованный» денотат, материальный (во всяком случае онтологический) объект мысли в конкретном речевом акте; сущность, вовлекаемая в структуру лингвистического знака не на уровне языковой статики, а на уровне речевой динамики. Таким образом, отношения между денотатом и референтом сродни отношениям между концептом и мыслительным референтом.

Последовательно проводимое разграничение референта и мыслительного референта представляется в высшей степени важным и обладающим большой объяснительной силой. Так, при отождествлении этих двух сущностей не удастся объяснить возможность

истинных высказываний о несуществующих предметах. Как пишет Л. Линский, если суждение высказывается о чем-то, то этот предмет (или объект) должен реально существовать, иначе как же в суждении он может быть упомянут? Или каким же образом может иметь место референция к нему? Нельзя говорить о референции ни к чему, нельзя высказываться ни о чем, и если высказывание ни о чем невозможно, оно всегда должно быть о чем-то.

Так эта известная с древних времен цепь рассуждений приводит к выводу о невозможности истинных высказываний о несуществующих предметах. Значит, невозможным становится даже утверждение, что они не существуют. Очевидно, выход из положения может быть найден в том, что языковая референция осуществляется не непосредственно к явлениям внешнего мира, а к сущностям идеальным — мыслительным референтам, которые способны в силу креативного характера человеческого мышления конструировать несуществующие предметы и нереальные ситуации.

Примерно в том же ключе доказывает нетождественность референтов и мыслительных (идеальных, языковых) референтов И. Ф. Вардуль. По мнению исследователя, многочисленные факты несоответствия содержания высказывания действительности, в частности такие заведомо ложные высказывания, как *На вербе растут груши*, доказывают, что языковые референты являются идеальными объектами. Это не денотаты, а сигнификаты, если воспользоваться терминологией Ч. Морриса. Выводы, к которым приходит И. Ф. Вардуль при рассмотрении этой проблемы, заключаются в следующем:

- при построении речевого высказывания параллельно с ним конструируется его идеальный (в нашей терминологии «мыслительный») референт, который может быть адекватным и неадекватным действительности;

- информация, содержащаяся в высказывании, относится к идеальному референту, а не непосредственно к действительности, но передавая информацию об идеальном референте, мы через нее передаем информацию и о действительности — в той мере, в какой референт адекватен действительности.

Сошлемся в связи с рассматриваемой проблемой и на мнение В. Г. Гака, который считает, что референтом предложения является не отдельный элемент действительности, а отрезок ситуации в целом. Ситуация же трактуется как совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания.

Итак, если референция — это отношение, то мыслительный референт — это та ментальная единица, посредством которой это

отношение актуализируется в конкретном речевом акте; если виртуальное имя коррелирует с виртуальным понятием-концептом, то актуализованное, включенное в речь имя коррелирует с мыслительным референтом; или же, наконец, если концептуальная система соотносится с языковой системой, то оперирование мыслительными референтами происходит при осуществлении речевой деятельности. Концепт, таким образом, рассматривается как сущность статическая, а мыслительный референт — как динамическая.

Когда мы ведем речь о том, что языковая сфера есть в значительной степени результат формализации понятийной, то представляется весьма важным иметь в виду указанную разницу между концептами и мыслительными референтами. При осуществлении речемыслительного процесса имеет место синтагматическое соединение и десигнаторов словесных знаков (морфологическая комбинаторика), и их десигнатов (семантическая комбинаторика), что составляет собственно речевой аспект процесса, а также синтагматическое соединение мыслительных референтов (смысловая комбинаторика), что составляет мыслительный аспект этого процесса.

Необходимо особо указать, что такое искусственное расчленение фактически единого процесса предпринято лишь в исследовательских целях для удобства анализа, в действительности же, как справедливо полагает С. Д. Кацнельсон, процессы мышления и речеобразования неотторжимы один от другого и представляют собой единый речемыслительный процесс.

6. ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Вряд ли современная наука ставит перед собой задачи более глобальные и сложные, чем исследование закономерностей и свойств человеческого сознания. Существенный вклад в анализ свойств этого уникального объекта вносит и лингвистика. А взгляд на язык иначе как на «материализацию сознания человека» неизбежно влечет за собой повышенное внимание к понятийным основам языковых построений. Описание понятийных категорий, таким образом, не только помогает адекватно понять и интерпретировать факты языка, но и способствует проникновению в организацию мыслительных механизмов человека. Что же касается собственно лингвистической релевантности понятийных категорий, то одно из лучших ее обоснований находим у Г. В. Колшанского: «Признание того факта, что, несмотря на относительную самостоятельность материальных, звуковых форм языка, движущее начало лежит за пределами этих форм, означает лишь еще одно подтверждение положения о двусторонности языка, о речемы-

слительной его сущности, встречающегося в языкознании в самых различных вариантах, начиная от принципа билатеральности языкового знака (Ф. Соссюр и Л. Ельмслев), далее идеи о понятийных категориях в языке (О. Есперсен и И. И. Мещанинов) и кончая определением языка как “речевого мышления” (С. Д. Кацнельсон)».

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите ученых, разрабатывавших проблему мыслительных основ языка на протяжении XIX—XX вв.
2. Определите разницу между семасиологическим и ономасиологическим подходами к изучению языка.
3. Как соотносятся понятийные категории и категории грамматики?
4. Как соотносятся понятийные и семантические категории?
5. Назовите основные типы понятийных категорий.
6. Назовите формы существования понятийного мышления.
7. В чем состоит отличие концепта от ментального референта?
8. В чем состоит сущность морфологической, семантической и смысловой комбинаторики при осуществлении речемышлительного процесса?
9. Каково соотношение между референтом и денотатом?
10. Как соотносятся с понятийными категориями различные ярусы языковой системы (фонетика, лексика, грамматика)?

ЛЕКЦИЯ 5

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ

1. Введение
2. Широкое и узкое понимание модальности
3. Модальность в логике
4. Статус языковой категории модальности
5. Модальность и предикативность
6. Языковые средства выражения модальности

1. ВВЕДЕНИЕ

Категория *модальности* является одной из самых сложных и противоречиво толкуемых в грамматической теории. Несмотря на наличие достаточно длительной традиции исследования модальности и огромного количества литературы, ей посвященной, она по-прежнему остается в известном смысле *terra incognita* современной лингвистики, так как и поныне не определена однозначно ее природа, не выявлены ее подтипы, не выяснены ее отношения со смежной категорией — категорией предикативности, не всегда четко разъяснена связь между модальностью логической и модальностью языковой, да и объем этой категории не является твердо установленным. К тому же отсутствует общепринятое определение модальности, что, впрочем, ставит ее в один ряд с другими базовыми понятиями лингвистики — слова, предложения, текста и др. — и не может поэтому считаться ее отличительной чертой.

2. ШИРОКОЕ И УЗКОЕ ПОНИМАНИЕ МОДАЛЬНОСТИ

В лингвистике наметились два основных подхода к категории модальности — широкий и узкий. В рамках первого модальность в общем виде трактуется как категория предложения, выражающая отношение его содержания к действительности с точки зрения говорящего и включающая такие аспекты высказывания, как его эмотивность/экспрессивность, коммуникативная целеустановка, отрицание, оценочность, время. Такое понимание модальности в большей степени свойственно отечественной русистике и особенно явно прослеживается в трудах В. В. Виноградова и его последо-

вателей. Критики широкого подхода к модальности указывают на целый ряд неизбежных трудностей, с которыми он сталкивается. В частности, они говорят о том, что модальность в таком случае приобретает вид всеобъемлющей, всеохватывающей языковой категории, чрезвычайно разнородно структурированной, с крайне нечеткими границами и размытым содержанием. Кроме того, компоненты, трактуемые как модальные, нецелесообразно считать таковыми на следующих основаниях.

Эмоции есть форма чувственного отражения действительности, данная человеку в переживаниях. Модальность — категория, соотносимая с процессом мышления как кардинальное свойство одной из его форм — суждения. Эмоции — неотъемлемое свойство психофизической деятельности человека, модальность — категориальный уровень языка как одной из форм мышления. Природа эмоций психофизиологическая, природа модальности определяется онтологией отношений и понятийным уровнем. Эмоциональные состояния могут характеризоваться амбивалентностью, то есть одновременным проявлением отрицательных и положительных эмоций, но в рамках одного предложения не могут перекрещиваться модальности одного порядка, например объективно-модальные отношения актуальности и потенциальности. Эмоции могут быть выражены паралингвистически, модальность же паралингвистически выражена быть не может. Предложение-высказывание может быть эмоционально нейтрально, а модальность является семантически необходимым компонентом предложения. Она выполняет конституирующую функцию и потому обязательна. Эмоции могут быть эксплицированы (то есть выражены) и могут быть описаны. Модальность не передается описательно. Способность испытывать эмоции не опирается на знание или мнение, в то время как модальность опирается на знание и мнение. Эмоции не выходят на категориальный уровень, они выражаются лексически; напротив, модальность выходит на категориальный уровень и выражается грамматически.

Оценка является ментальной категорией, ее природа — это природа «вторичной реальности». Как таковая оценка выражается языковыми средствами, чаще всего описательно.

Коммуникативная установка предложения и его модальность — разные вещи, поскольку предложение допускает трехуровневую интерпретацию, включающую:

- грамматическую структуру (формальный уровень);
- содержательную структуру (семантический уровень);
- уровень организации высказывания (коммуникативный уровень).

Эта теория дает основания для доказательства разноплановости категории модальности, вводимой в предложение на семантическом уровне, и коммуникативной целеустановки высказыва-

ния, модифицирующей предложение с уже определенной модальностью. Кроме того, коммуникативная целеустановка высказывания понимается в коммуникативной лингвистике как его *иллокутивная сила*. Таких иллокутивных сил насчитывается до нескольких сотен, подтипы модальностей при этом не соответствуют указанному количеству иллокутивных сил.

Что касается времени и категории модальности, то многие авторы отмечают, что модальность является вневременной сущностью, поскольку необходимость, возможность и случайность, в рамках которых, как правило, описывается категория модальности, существуют в любом временном плане.

В качестве признаков, дифференцирующих модальность и отрицание, можно привести следующие. Во-первых, отрицание может быть формально не выраженным, или имплицитным, в то время как модальность всегда находит внешнее выражение. Во-вторых, среди прочих средств выражения отрицания (в английском языке и не только в нем) продуктивно используются отрицательные аффиксы: *unhappy, immobile, fatherless, illiterate*. Модальные значения не выражаются с помощью словообразовательных элементов.

На основании вышеизложенного многие авторы отказываются от широкой интерпретации категории модальности и сосредотачивают свои усилия на разработке более специального, узкого ее понимания. Такое понимание модальности базируется на ее истолковании в логике, откуда, собственно, и был заимствован лингвистикой сам термин «модальность», равно как и проблематика, связанная с данной категорией.

3. МОДАЛЬНОСТЬ В ЛОГИКЕ

В логике модальность признается характеристикой одной из основных логических форм — суждения. Универсальной формулой суждения является *S есть P*, где *S* — субъект суждения, то есть то, что является предметом мысли, о чем думают или говорят, *P* — предикат суждения, то есть то, что мыслят или говорят о субъекте суждения, а *есть* — связка (копула) между первым и вторым. В естественном языке суждение формализуется в виде повествовательного предложения, в котором логическому субъекту ставится в соответствие обычно грамматическое подлежащее, а логическому предикату — грамматическое сказуемое.

Суждение человек обычно формирует о мире, в котором имеются предметы (субъекты суждения) и их признаки (предикаты суждения). При этом признаки могут быть присущи предметам в разной степени, и на этом строится, по сути, вся логическая теория модальности. Признак может быть присущ предмету как необ-

ходимый, то есть такой, который характеризует предмет неизменно, при любых условиях, например: *Winter comes after autumn; The earth rotates round the sun; Man is mortal*. Субъекты данных суждений (*winter, the earth, man*) при любых обстоятельствах характеризуются теми признаками, которые им приписываются (*comes after autumn, rotates round the sun, is mortal*), хотя, конечно, не только ими. Уточненная формула таких суждений будет иметь следующий вид: *S необходимо есть P* (в иной — так называемой шкатулочной — записи, предполагающей вынесение за скобки модального оператора, формула принимает вид [*необходимо, что [S есть P]*]), а модальность таких суждений будет называться аподиктической¹.

Признак может быть присущ предмету как возможный, но не необходимый: *Peter is a good student; This arm-chair is very comfortable; The cat ran away*. Субъектам данных суждений (*Peter, this arm-chair, the cat*) приписываются такие свойства, качества, признаки, которыми они обладают, однако при иных условиях могли бы и не обладать: Петр является хорошим студентом, но в принципе мог бы и не быть таковым. Если бы он был плохим студентом, это ни в коей мере не нарушило бы законов мироздания — как физических, так и законов мышления — как логических законов. То же справедливо по отношению к креслу и кошке как к субъектам вышеприведенных суждений. Кресло вполне могло бы и не быть удобным, а кошка вполне могла бы и не убежать прочь. Модальность таких суждений называется ассерторической², а их уточненная формула — *S, возможно, есть P* (в шкатулочной записи [*возможно, что [S есть P]*]).

Аподиктическая и ассерторическая модальности могут быть объединены в силу того факта, что обе они, во-первых, носят объективный, не зависящий от познающего и отражающего субъекта — человека — характер, и, во-вторых, природа этой объективности коренится в физических свойствах реального мира или логических свойствах мышления. Неслучайно поэтому аподиктическую и ассерторическую модальности рассматривают как подвиды одного общего типа **объективной модальности** — алетической. Однако алетической модальностью объективно-модальные отношения не исчерпываются. Существует еще один вид объективно-модальных отношений — деонтические³.

Деонтическая модальность есть модальность норм, устанавливаемых социумом и регулирующих общественное поведение людей или человеческих коллективов. Нормы бывают двух основных типов — юридические (правовые) и этические. Хронологически

¹ Слово греческого происхождения, означает «достоверный, основанный на логической необходимости, неопровержимый».

² Слово латинского происхождения, означает «утвердительный».

³ От греческого слова «деонтология», означающего «учение о долге».

первые возникают позже последних, а именно тогда, когда появляется государство, одна из функций которого — регулировать общественные отношения с помощью нормативных актов (законов, указов, постановлений, распоряжений и т.д.), неисполнение которых чревато наказанием. Неисполнение этических норм, устанавливаемых обществом, как правило, по закону не карается, но влечет за собой осуждение и порицание со стороны членов социума. Примерами деонтической модальности могут служить суждения, выраженные такими предложениями, как *Man must be honest; People should abide by the law; Children ought to respect their parents; You are not allowed to smoke here*. Уточненная логическая формула суждений с деонтической модальностью такова: *S должно быть P* (в шкатулочной записи [*должно, что [S есть P]*]).

Анализируя деонтическую модальность в сопоставлении с алетической, можно было бы усомниться в ее объективной природе. Действительно, деонтология в отличие от объективных законов природы и мышления создается людьми, причем люди целенаправленно и осознанно формулируют нормы поведения, в то время как законы физической и логической природы людьми не создаются, а познаются. Не говорит ли это о том, что деонтическая модальность носит, по сути, субъективный характер?

Ответ на этот вопрос может быть лишь отрицательным, и вот почему. Деонтическая модальность носила бы субъективный характер только в том случае, если бы нормы поведения устанавливались отдельным человеческим индивидом, зависели только от его воли и применялись им лишь по отношению к себе. В случае с деонтологией мы имеем совершенно противоположную картину: в отношении отдельного человеческого индивида рассматриваемые нормы имеют столь же обязательный характер, как и законы природы и мышления, и в этом смысле являются столь же объективными, как эти последние. Подобно тому как каждый отдельный человек вынужден считаться с законами, «навязываемыми» ему природой, точно так же он вынужден считаться с нормами поведения, навязываемыми ему обществом, в котором он существует, и отменить или скорректировать эти нормы любой отдельно взятый субъект не в силах, точно так же как не в силах он отменить или изменить законы физического или ментального мира.

Итак, объективная модальность, выражая в суждении степень присущности признака предмету, отражает тем самым некую объективно существующую данность. Однако логика отнюдь не ограничивается лишь констатацией существования в мире предметов и их признаков. Она интересуется также и тем, как предметы и их признаки отражаются и познаются людьми, то есть каким образом происходит познание предметного, вещного, объективного мира человеком. Раздел логики, занимающийся теорией по-

знания, называется эпистемологией¹. В соответствии с основными положениями эпистемологии процесс познания включает не только предмет с его признаком (объект познания), но также и познающего мир человека (субъект познания). При этом человек со своей субъективной точки зрения устанавливает степень присущности признака предмету. Отражение в структуре предложения меры познанный человеком степени присущности признака предмету именуется *субъективной модальностью*. Если степень присущности признака предмету установлена человеком точно, то есть если процесс познания предмета достиг стадии знания, то в этом случае универсальная логическая модель такого рода суждения будет иметь формулу *I know that [S is P]*. В естественном языке компонент *I know* данной формулы, как правило, не вербализуется, так как является коммуникативно избыточным, как в примерах *I know that [the sun rises in the East]; I know that [ice melts at 0°C]*. Если человек, выражая суждение в форме предложения, не вербализует компонент *I know that*, то по умолчанию это означает, что он *знает* степень присущности признака предмету: *Я знаю, что...* Человек представляет связь между предметом и признаком как объективно существующую, не зависящую от мнения человека о ее характере.

Однако познание потому и является процессом, что носит многоступенчатый, стадийный характер. Знание является высшим этапом, завершающей стадией, целью этого процесса, но ей предшествует целый ряд ступеней познания, основной из которых является мнение. Мнение начинает формироваться после отражения человеком фрагмента действительности и проходит определенные этапы: от *It seems to me that...* до *I am sure that...* Универсальной логической формулой суждения мнения является *I think that S is P*. В суждениях мнения степень присущности признака предмету считается проблематичной, то есть такой, которая носит либо опровержимый, либо доказуемый характер. В отличие от показателя *I know* в суждениях знания показатель типа *I think* в суждениях мнения практически никогда не опускается в структуре предложения, так как мнение в отличие от знания носит широко градуируемый характер. Мнение, как было уже сказано, варьируется в широком диапазоне от *Мне кажется...* до *Я совершенно уверен...*, и разница между этими показателями, или, как говорят в логике, операторами, является семантически значимой (ср. *It seems to me that..., I believe that..., I am almost certain that..., I am sure that..., I am positive that..., I am 100% convinced that...*). В логике признается, что в суждениях мнения реализуется эпистемическая модальность, которая, как ясно из всего предшествующего изложения, носит субъективный характер.

¹ Слово греческого происхождения, означает «учение о познании».

Универсальная логическая формула суждений мнения, выражающая эпистемическую модальность, — *I think that S is P* — сложнее базовой логической формулы *S есть P*, отражающей объективно-модальные отношения, поскольку последняя моделирует лишь, как мы уже указывали, степень присущности признака предмету, а первая помимо объективных отношений между признаком и предметом моделирует также и отношение познающего человека — субъективное отношение к объективным отношениям между субъектом и признаком. Можно поэтому сказать, что субъективно-модальные эпистемические отношения — это отношения к отношениям: они выражают степень познания субъектом мыслительной деятельности степени присущности признака предмету.

Необходимо отметить, что в логике эпистемические модальности не являются единственным типом субъективно-модальных отношений. Другим типом этих отношений являются так называемые аксиологические¹ модальности, то есть такие, посредством которых человек оценивает внешний мир через призму понятий добра и зла и которые в естественном языке выражаются абсолютными оценочными предикатами *хорошо* и *плохо*. Аксиологический тип субъективно-модальных отношений меньше других изучается грамматикой, так как в отличие от всех остальных типов модальности, реализуемых в языке на уровне грамматики, то есть категориально, аксиологическая модальность реализуется в языке исключительно лексическими средствами, то есть некатегориально.

Завершим наш краткий обзор теории модальности в логике схемой, призванной наглядно подытожить сказанное.

¹ От греческого слова «аксиология», означающего «учение о ценности».

4. СТАТУС ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

Экскурс в логическую проблематику был необходим для того, чтобы определить статус *категории модальности* как языковой. В лекции 2 дано описание различных типов грамматических категорий, выделяемых на разных основаниях, при этом категория модальности была отнесена к числу синтаксических. Однако как и многие другие наиболее сложные узлы грамматической теории, модальность рассматривается в литературе весьма неоднозначно: не только как синтаксическая, но и как функционально-семантическая, лексико-грамматическая, логико-синтаксическая, прагматическая, коммуникативная, понятийная категория. Каждый из данных подходов правомерен в рамках той теории, частью которой он является. Но все эти подходы страдают, на наш взгляд, существенным недостатком: они не учитывают генетических основ категории, хотя именно с точки зрения генезиса возможна наиболее содержательная ее квалификация.

Грамматические категории могут изначально отражать некоторые параметры внешнего мира, такие категории можно назвать, соответственно, отражательными, или рефлексивными. К ним относятся, например, категория числа имени существительного, рода имени существительного, степеней сравнения имени прилагательного (с некоторыми оговорками), времени глагола и некоторые другие. Так, грамматическое число существительных, при всем многообразии числовых систем в разных языках, в конечном счете отражает параметры реального мира, в котором имеются дискретные исчисляемые сущности, при этом одна единица сущностей класса может быть противопоставлена более чем одной единице сущностей данного класса. Категория рода восходит к естественному различию полов в живой природе, категории степеней сравнения — к размерам реальных объектов в их сопоставлении, а категория времени глагола — к реальному времени.

Другие грамматические категории появляются как результат творческой активности человеческого сознания, своего рода «игры ума», собственно мыслительных операций. Такие категории поэтому определяются как гносеологические, или когнитивные. К их числу относятся, например, категории залога и наклонения глагола, артиклевой детерминации, коммуникативной целеустановки предложения, *дейксиса*.

Наконец, существуют грамматические категории, появившиеся исключительно в силу необходимости обслуживания внутренних механизмов языка, отсюда и название таких категорий — собственно языковые, или внутриязыковые. К их числу принадлежат, например, категории падежа имени существительного, числа и лица глагола, падежа местоимений и некоторые другие. Что можно сказать с этой точки зрения о категории модальности?

Модальность в силу ее гетерогенности не характеризуется в категориальном отношении однозначно. Ее объективный тип следует признать рефлексивной категорией, так как он отражает онтологическую связь между предметом и его признаком, а ее субъективный тип — когнитивной категорией, так как он является продуктом активности сознания познающего субъекта, результатом гносеологической деятельности осваивающего мир человека. Таким образом, в содержательном аспекте категория модальности является рефлексивно-когнитивной, а по признаку своей уровневой принадлежности в языковой системе — синтаксической. К числу синтаксических в традиционной грамматике также относят и категорию *предикативности*, причем отношения между этими двумя категориями — предикативности и модальности — являются предметом нескончаемых дебатов в лингвистической литературе. Попытаемся и мы в рамках излагаемой здесь концепции осветить этот вопрос.

5. МОДАЛЬНОСТЬ И ПРЕДИКАТИВНОСТЬ

Решение вопроса о соотношении языковых категорий модальности и предикативности приходится осуществлять на основе обращения к природе их одноименных логических «прообразов», поскольку никакой иной путь, как показывает опыт лингвистических исследований, не позволяет надеяться на выделение сколь-нибудь надежного критерия их дифференциации.

В логике отмечается, что присущий вещи признак может приписываться ей двумя способами. Первый способ заключается в том, что признак мыслится как присущий предмету постоянно, как неотъемлемая характеристика предмета, которая не может быть от него отделена. Неотчуждаемый характер признака предмета позволяет воспринимать их в целостности, как некое единство, поэтому проблема соотношения признака и предмета в известном смысле аннигилируется: предмет и мыслится в первую очередь как обнаруживающий данный признак, признак внутренне присущ предмету. Такой способ приписывания признака предмету получил название *атрибуции*; естественно-языковым рефлексом логической атрибуции является атрибутивное словосочетание: *a green apple, a beautiful building, cold water*.

Другой способ приписывания признака предмету предполагает рассмотрение признака как отдельного или отделимого от предмета, внутренне ему не присущего, такого, который носит временный и изменчивый характер. Естественно, что в таком случае речь о единстве предмета и признака не идет, предмет и признак мыслится раздельно. Для того чтобы признак мыслился как присущий предмету, нужно совершить мыслительную операцию при-

писывания признака предмету, или, говоря по-иному, предсказания признака предмету.

Отсюда и название второго способа приписывания признака предмету — **предикация**. Естественнo-языковым рефлексом логической предикации является предложение: *The apple is green; The building is beautiful; The water is cold.*

Наличие в предложении предиката является свидетельством его (предложения) **предикативности**.

Нетрудно заметить, что мы возвращаемся к идее реализации предложением базовой модели суждения *S есть P*, только теперь мы делаем акцент на *P* как на предикате суждения, появившемся в результате мыслительной операции предикации и обеспечивающем наличие в предложении предикативности. Итак, предикативность есть способность предложения называть признак (в широком смысле этого слова) того, о чем в предложении идет речь. Модальность (объективная) есть способность предложения определять степень присущности признака тому, о чем в предложении идет речь, и посредством этого устанавливать связь между содержанием предложения и внеязыковой действительностью: если признак представлен как присущий предмету актуально (*the building is beautiful*), то считается, что содержательно предложение отражает некий фрагмент действительности; если признак представлен как присущий предмету потенциально (*If only the building were beautiful!; If the building were beautiful, then...; The building would be beautiful if...; Had the building been beautiful...*), то считается, что содержание предложения не отражает никакого фрагмента действительности. Если объективная модальность есть степень присущности признака предмету, то субъективная модальность в таком случае — степень познанным говорящим лицом степени присущности признака предмету.

Из сказанного следует, что модальность и предикативность являются обязательными, взаимно необходимыми содержательными свойствами предложения: предикативность, обеспечивая наличие в предложении признаковости, обуславливает появление модальности; модальность обеспечивает привязку предикативности к предмету речи и в конечном счете отвечает за способность предложения отражать обозначенный им фрагмент мира как актуальный или потенциальный.

6. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ

Будучи содержательным параметром предложения, модальность может быть представлена в его структуре системой разноуровневых средств. Такие средства иногда называются **модусами**. К их числу

относятся формы наклонения глагола, модальные и модализованные глаголы, модальные слова, а также интонация.

Модусы можно разделить на две группы — модусы *de re* (лат. «о вещи») и модусы *de dicto* (лат. «о сказанном»). С помощью первых реализуется объективная модальность, с помощью последних — субъективная эпистемическая. Грамматические структуры с модусами *de re* проще, так как они не предполагают реализации модусов *de dicto*. Структуры с модусами *de dicto* сложнее, так как они в обязательном порядке предполагают реализацию модусов *de re*, что вполне логично: эпистемическая модальность, как было уже указано, предполагает наличие не только вещи и ее признака и отношений между ними (объективная модальность), но и познающего субъекта — человека, дающего оценку степени познанности объективно-модальных отношений. Как же практически разграничить модусы *de dicto* и модусы *de re*?

Наиболее наглядно рассматриваемые модусы разграничиваются в сложноподчиненных предложениях, представляющих собой выражение суждений мнения типа *I think that John is ill*. Главная часть этого предложения *I think* является модусом *de dicto*, представляя собой модализованное выражение, имеющее значение полагания/мнения автора речи относительно содержания придаточной части, выражаемой модусом *de re*: *John is ill*. Такое очевидное разграничение модусов, однако, имеет место далеко не всегда — в целом ряде случаев приходится прибегать к тесту на возможность/невозможность трансформации синтаксической структуры таким образом, чтобы модус *de dicto* мог быть вычленен из ее состава в виде модализованного высказывания типа *I think*. Сравним следующие синтаксически тождественные случаи: *You must be careless* и *You must be careful*. В первом предложении модальный глагол *must* имеет интерпретацию *de dicto*, так как диктальная часть свободно выносится в позицию главной части сложноподчиненного предложения: *I think (believe, guess, presume, suppose) that you are careless*. Со вторым предложением такая трансформация невозможна, из чего мы заключаем, что имеем дело с модусом *de re*, то есть, иными словами, модальный глагол *must* имеет в этом случае *de re*-интерпретацию, и с его помощью выражается деонтическая модальность.

Из уже сказанного становится ясно, что одни и те же языковые формы могут быть как модусами *de dicto*, так и модусами *de re*. Так, уже упоминавшийся модальный глагол *must* обычно функционирует в качестве модуса аподиктического подтипа алетической модальности (*Man must die*), модуса деонтической модальности (*People must abide by the law*), оба из которых являются модусами *de re*, а также модуса эпистемической модальности (*John must have failed his exam*), то есть модуса *de dicto*, причем в последнем случае возможна синонимическая перифраза: *John must have failed*

his exam = I believe that John has failed his exam. Модальный глагол *can* в типичном случае является модусом ассерторического подтипа алетической модальности (*John can read*), деонтической модальности (*Pedestrians can walk on this side of the street only*), обе из которых являются объективными модальностями, — иными словами, модусом *de re*, а также модусом эпистемической модальности (*John can be reading now*) — иными словами, модусом *de dicto*.

Рассмотрим менее очевидные случаи: *John looks tired; Jack seems to be ill; Mary appears unhappy*. Представляется, что все они могут быть истолкованы как модусы *de dicto*; это становится особенно заметно на фоне сопоставления их с предложениями *John is tired; Jack is ill; Mary is unhappy*. Предложения с модальными связками скорее передают мнение, чем знание, а потому возможность выведения во внешний план модуса *de dicto* вполне оправданна: *John looks tired = I think that John is tired; Jack seems to be ill = I believe that Jack is ill; Mary appears unhappy = I suppose that Mary is unhappy*.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Сформулируйте разницу между широким и узким подходами к категории модальности.
2. Почему важен учет характеристик категории модальности в логике для объяснения свойств одноименной языковой категории?
3. Как трактуются основные характеристики категории модальности в логике?
4. Какие типы объективной модальности вам известны?
5. Какие типы субъективной модальности вам известны?
6. Каково соотношение между категорией модальности и категорией предикативности?
7. В чем разница между атрибуцией и предикацией как двумя способами приписывания признака предмету?
8. Что имеется в виду под термином «модус»?
9. Определите разницу между модусами *de re* и модусами *de dicto*
10. Как в конкретном лингвистическом анализе можно выявить принадлежность модуса к тому или иному подтипу?

ЛЕКЦИЯ 6

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУКТИВНОГО СИНТАКСИСА

1. Введение
2. Проблема дефиниции предложения
3. Проблема статуса предложения. Проблема моделирования предложения
4. Проблема членов предложения
5. Проблема типологии предложения
6. Предложение и словосочетание
7. Проблема порядка слов в предложении

1. ВВЕДЕНИЕ

Синтаксический строй языка можно рассматривать в двух аспектах — формальном и содержательном. Конструктивный синтаксис есть формальный его аспект, и именно с этого аспекта надлежит начинать рассмотрение синтаксических проблем, так как, во-первых, именно в этом аспекте синтаксис изначально явился объектом лингвистического анализа, а во-вторых, подход к синтаксису от плана выражения к плану содержания (то есть семасиологический) является наиболее простым и наглядным. Исследование синтаксиса с формальных позиций охватывает самый большой период лингвистических исследований — со времени античных грамматик до появления во второй половине XX в. содержательно-ориентированных синтаксических теорий. Попытаемся вкратце охарактеризовать самые основные проблемы конструктивного (традиционного, формального) синтаксиса. Сразу же оговоримся, что интересоваться нас будет теория предложения, а не словосочетания, так как последняя, на наш взгляд, является в известном смысле вторичной по отношению к теории предложения и может быть создана при наличии уже имеющихся минимальных теоретических представлений о теории конструирования предложения.

2. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

За весь многовековой период лингвистических исследований не было сформулировано ни одного удовлетворительного во всех отношениях определения *предложения*, хотя попытки такого рода

исчисляются сотнями. Их можно разбить на несколько основных разрядов в зависимости от того, что положено в основу каждого из определений:

- 1) логические;
- 2) психологические;
- 3) фонетические;
- 4) графические;
- 5) грамматические.

Первый из названных типов определений — логический — является древнейшим, восходит к Аристотелю и практически отождествляет предложение с логическим суждением: «Предложение есть суждение, выраженное словами». Такое понимание предложения господствовало в лингвистике вплоть до середины XIX в., однако уже со второй половины века отвергается большинством лингвистов на том основании, что собственно языковая проблематика сведена в нем к проблематике логической, границы между формами мышления и формами языка оказываются стертыми. Кроме того, очень часто факты языка искусственно и насильственно подгоняются под универсальную логическую формулу суждения *S есть P* вне зависимости от того, представлены ли в каждом конкретном предложении языка формы, реализующие логический субъект и логический предикат. Логический подход заставлял приписывать свойство двусоставности даже таким однословным предложениям, как *Winter; Evening* и т. п.

Неприемлемость такой точки зрения стала очевидной для представителей психологического направления в языкознании, которые пытались описать предложение в терминах представлений, возникающих в сознании говорящего в момент речи. С этой точки зрения предложение есть совокупность индивидуальных представлений говорящего, выраженных в языковой форме. Такое понимание предложения не могло оказаться сколько-нибудь устойчивым и жизнеспособным, так как, с одной стороны, сводило предложение к свойствам мыслительной деятельности отдельных индивидов, а с другой — выводило его из языковедческой проблематики в проблематику психологическую. Предложение лишалось сколько-нибудь объективных свойств, сводясь к особенностям психической деятельности каждого конкретного человека.

Типичное фонетическое определение предложения основывается на таких явлениях, как просодия и паузировка, и выглядит, например, следующим образом: «Предложение есть сегмент речи, обладающий интонационной завершенностью и отделенный от других сегментов речи паузами». Недостатками определений подобного рода являются:

- выявление предложения лишь в устной форме коммуникации;
- отсутствие возможности вычленения сложных предложений, внутри которых также возможна паузировка;

• относительность и субъективность понятия «интонационная завершенность», которая не позволяет всякий раз однозначно устанавливать границы между предложениями.

Четвертый тип определения предложения — графический — может быть сформулирован так: «Предложение есть последовательность слов, ограниченная на письме двумя точками». Недостатки такого рода определений также очевидны: во-первых, предложение выявляется лишь в письменной форме коммуникации, а во-вторых, следствие (пунктуация) здесь выдается за причину: мы не потому выделяем предложение, что оно находится между двумя точками, а, напротив, маркируем его на письме точками ту единицу, которую считаем предложением.

Наибольшую известность и распространение в лингвистике XX в. получили грамматические определения предложения, на которых стоит остановиться более подробно.

Грамматические определения предложения характеризуются стремлением подойти к предложению с собственно лингвистических позиций и уже в силу этого факта обладают преимуществами перед всеми остальными. Примером грамматического определения предложения может быть такое: «Предложение есть сегмент устной или письменной речи, обладающий признаками *модальности* и *предикативности*». Такое определение, очевидно, не соответствует классической форме научного определения, при котором определяемое понятие подводится под более широкое родовое понятие и затем вычленяется дифференциальный признак. Логика формулирования грамматического определения предложения, приведенного выше, явно другая: предложение определяется, по сути, посредством перечисления тех признаков, которыми оно обладает. При всей неканонизированности такого рода дефиниций приходится удовлетворяться ими, так как дать формально корректное определение предложению (как, впрочем, и слову, тексту и др.) пока не удастся.

В приведенном определении предложения упоминаются такие его признаки, как модальность и предикативность. Они были достаточно подробно рассмотрены в предыдущей лекции, однако здесь мы вновь вернемся к предикативности, рассматриваемой с несколько иных позиций, а именно с точки зрения конструктивно-синтаксической теории. Под предикативностью большинство грамматистов рассматриваемого направления понимают соответствие содержания предложения обозначаемой им внеязыковой действительности. Таким образом, категория предикативности позволяет отграничить односложное (односоставное) предложение от слов как единиц словаря. Действительно, в отличие от слова *winter*, обозначающего время года с декабря по февраль, предложение *Winter*, актуализованное в устной или письменной форме, при наличии определенного вербального или

ситуативного контекста содержит утверждение говорящим о фактическом наличии зимы в той или иной ситуации речи. (Ср. рус.: *Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...* (А. С. Пушкин)).

Если же оставить в стороне односоставные номинативные предложения, подобные *Winter*, то актуальным становится введение в лингвистический анализ понятия **предикации**, или предикцирования, как механизма реализации предикативности. Предикация осуществляется глаголом, который в силу наличия у него грамматических категорий наклонения, времени и лица способен приписывать подлежащему предложения обозначаемый им признак как соответствующий/не соответствующий действительности, относящийся к сфере прошлого, настоящего или будущего и приложимый к участникам коммуникативного акта или лицам, предметам, не являющимся участниками коммуникации. Предикцирование признака предмету есть свойство собственно предложений, отличающее их от так называемых **псевдопредложений**, то есть синтаксических образований клишированного типа, воспроизводимых в речи в виде готовых формул: *Вот те на; Вот так-то; Ну и ну; Вот те раз; Так-то вот; So that's that; Here we go* и т. п.

3. ПРОБЛЕМА СТАТУСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Является ли предложение языковой сущностью или оно есть сугубо речевое образование? На первый взгляд ответить на этот вопрос несложно. Поскольку не существует закрытого перечня предложений какого-либо языка подобно тому как существуют словари, содержащие лексику языка, постольку предложение есть явление речи. Если мы, однако, вспомним общелингвистический принцип «В речи может появиться лишь то, что есть в языке, что заложено системой», то ответ на сформулированный выше вопрос оказывается не столь простым. Действительно, предложение при ближайшем рассмотрении оказывается не сугубо речевым образованием, а и языковым явлением тоже. Статус предложения как феномена языка проявляется в том, что оно всякий раз строится в соответствии с той или иной языковой моделью (образцом, схемой), набор которых ограничен, конечен и является **идиотническим**, то есть специфическим для каждого конкретного языка. Так, для английского языка количество моделей, в соответствии с которыми строятся предложения, варьируется у разных авторов от 3 до 39 в зависимости от классификации. Взгляд на каждое конкретное предложение как на результат реализации некой модели позволяет поставить вопрос о том, какого рода моде-

ли могут лежать в его основе. Мы остановимся на двух типах моделей — функциональной и категориальной.

Функциональная модель предложения опирается на понятие члена предложения и описывается в терминах «субъект», «предикат», «объект» и т.д. Так, английское предложение *John took a book* построено в соответствии с функциональной моделью *S-P-O*, где *S* символизирует грамматический субъект, *P* — грамматический предикат, а *O* — грамматический объект. **Категориальная модель** в отличие от функциональной отражает частеречную природу слов, входящих в состав предложения, и описывается в терминах «существительное», «глагол», «прилагательное» и т.д. Категориальная модель предложения *John took a book* будет выглядеть следующим образом: $N_1-V-Art-N_2$. Разумеется, по мере осложнения данного предложения атрибутивными и обстоятельственными членами будут соответственно меняться и его функциональная и категориальная модели.

4. ПРОБЛЕМА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Члены предложения — это его функционально значимые конститuenty (то есть составные части). Проблем, связанных с членами предложения, по большому счету, две:

1) соотношение главных и второстепенных членов предложения;

2) соотношение членов предложения и частей речи.

Первая из них формулируется следующим образом: «Во всех ли случаях объект, атрибут и обстоятельство являются второстепенными (то есть необязательными) членами предложения, всегда ли двусоставное нераспространенное предложение, состоящее из субъекта и предиката, является предикативно достаточным?». Традиционно грамматики отвечают на этот вопрос вполне определенно: субъект и предикат есть главные члены предложения, а остальные члены предложения потому и называются второстепенными, что не играют существенной роли в реализации механизма предикативности, и рассматриваются как факультативные. Факты языка, однако, говорят о том, что данное утверждение является излишне категоричным и в целом ряде случаев опровергается реальными закономерностями построения синтаксических структур. Теоретическим обоснованием обязательного, обязательного характера вхождения в структуру предложения его членов, традиционно относимых к числу второстепенных, стало введение в арсенал грамматической науки понятия валентности, заимствованного из химии и обозначающего способность слова сочетаться с другим словом, причем эта способность на синтаксическом уровне должна реализовываться в

обязательном порядке. Например, предложения типа *I saw...*; *He built...*; *She went...* и т. п. ощущаются как неполные, несмотря на наличие в каждом из них обоих главных членов — субъекта и предиката. Глаголы в таких предложениях явно предполагают наличие некоего комплемента, посредством которого полностью реализуется значение самого глагола. Отметим, что обычно словарные дефиниции такого рода глаголов включают указание на некий объект, на который направлено действие, обозначенное глаголом, или который так ли иначе затрагивается действием, обозначенным глаголом. Например, *увидеть* означает *воспринять что-либо (предмет, объект) глазами*; *построить* означает *создать что-либо (предмет, объект)* и т. д. В таких случаях говорят, что формально второстепенный член предложения входит в его предикативный минимум, становясь, по сути, не менее обязательным, чем, например, подлежащее: *I saw a boy*; *He built a house*; *She went home*¹.

Что касается вопроса о соотношении между членами предложения и частями речи, то его можно сформулировать так: «Имеются ли некие закономерности выражения того или иного члена предложения той или иной частью речи?» или в более строгом варианте: «Всегда ли тот или иной член предложения выражается определенной частью речи?». Не подлежит сомнению, что существует некая предрасположенность определенных частей речи функционировать в определенных синтаксических позициях или, по-другому, тенденция определенных синтаксических функций выражаться через определенные части речи. Так, функции подлежащего и дополнения обычно выполняются именными частями речи (чаще всего существительными и местоимениями), предикатная функция — глаголом, атрибутивная функция — прилагательным и т. д. Однако такие корреляции носят очень жесткий, сугубо вероятностный характер и описываются в терминах «чаще/реже», «обычно/изредка» и т. д. Для английского же языка в силу его типологического устройства, то есть вследствие наличия в его структуре сильнейших изолирующих тенденций, проблема соотношения между членами предложения и частями речи приобретает специфическое преломление. Ранее мы уже говорили о том, что частеречная природа английского слова в подавляющем большинстве случаев никак не маркируется морфологически и в типичном случае оно потенциально обладает сразу несколькими частеречными статусами, актуализация одного из которых происходит лишь в синтаксической структуре. Данное утверждение касается не только знаменательных слов типа существительных и глаголов, регулярно вовлекаемых в механизм конверсии, но и служебных частей речи, чей частеречный ста-

¹ К проблеме глагольной валентности мы вновь обратимся в лекции 8.

тус может меняться в конкретной синтаксической структуре. Так, *but* и *if* определяются как союзы, *up* и *down* — как наречия, *oh* и *wow* — как междометия, однако и они способны довольно легко менять свой частеречный статус, приобретая качества, например, существительного и даже его морфологические категории: *But no buts!*; *No ifs, please*; *His whole life was ups and downs*; *I could hear loud ohs and wows coming from the room*. Таким образом, для английского слова значимость его позиции в синтаксической структуре является чрезвычайно высокой и, можно без преувеличения сказать, решающей для определения его статуса как части речи.

5. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Традиционная грамматика подразделяет предложения на простые и сложные, причем последние делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. *Простые предложения* определяются как предложения, которые содержат один предикативный центр, одну предикацию, а *сложные* — как такие, которые содержат более чем один предикативный центр, выражают более чем одну предикацию.

Надо отметить, что от взгляда исследователей синтаксиса, включая английский, не ускользнул тот факт, что существуют многочисленные случаи, не вписывающиеся в указанную типологию. Речь идет о пограничных (маргинальных) промежуточных случаях, когда отнесение предложения к одному из перечисленных типов оказывается затруднительным. В частности, проблематичным оказывается однозначно отнести к числу простых или сложных предложения:

- содержащие вторичные предикативные комплексы (*I saw her crossing the street*);
- имеющие два или более подлежащих при одном сказуемом или два или более сказуемых при одном подлежащем (*Tom and Jack were singing*; *Tom was singing and dancing*);
- с бессубъектной придаточной частью (*He did not know where to go*) и некоторые другие.

Спорным признается существование сложносочиненных предложений как отдельного типа наряду с простым и сложноподчиненным предложением. Многие авторы полагают, что сложносочиненные предложения есть не что иное, как механическое соединение двух или более простых, и его анализ всегда сводится, по сути, к анализу простых предложений. Отмечается, что сложносочиненное предложение всегда может быть разделено на два или более простых, отделяемых друг от друга на письме точками, в устной речи паузами, без какого-либо ущерба для его

структурного и содержательного аспектов. Другие авторы, напротив, считают правомерным выделение сложносочиненных предложений в отдельный тип, обосновывая свою точку зрения, в частности, тем, что при *синдетической* (союзной) связи¹ между частями сложносочиненного предложения употребление союзов является семантически мотивированным и опущение союза при распаде сложного предложения на два простых приведет к изменению смысла: *It was a nice sunny day and John returned home* — ср. *It was a nice sunny day but John returned home*. В целом вопрос о статусе сложносочиненных предложений еще не может считаться решенным.

6. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Проблема соотношения предложения и словосочетания имеет отношение к уровневой стратификации языка, то есть соотношению фраземного и синтаксического (категорематического, по Э. Бенвенисту) уровней, и формулируется следующим образом: «Который из двух названных уровней является “первичным”, то есть определяющим по отношению к другому уровню?» или иначе: «Определяем ли мы предложение как единицу, “вырастающую” из фраземной структуры, или же, напротив, мы определяем фраземную структуру как результат членения предложения?». Ответ на этот вопрос на первый взгляд кажется достаточно простым: подобно тому как фраземная структура есть комбинация слов, точно так же предложение представляется комбинацией словосочетаний. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что предложение не может считаться распространенным словосочетанием или группой словосочетаний хотя бы уже в силу того факта, что оно обладает качественно иными характеристиками и выполняет качественно иные функции, нежели словосочетание. На самом деле мы вычленим словосочетания из предложения посредством сегментации последнего, что позволяет говорить о предложении как о первичной единице по сравнению со словосочетанием. Вообще, многими учеными высказывается достаточно обоснованная идея о том, что язык представляет собой некую бифокальную систему с двумя «центрами притяжения» — предложением и словом, при этом все остальные знаковые уровни и подуровни языка так или иначе сводятся к лексическому или синтаксическому уровням, рассматриваются как производные от них, как результат комбинации или сегментации единиц данных уровней.

¹ Бессоюзная связь именуется *асиндетической*.

7. ПРОБЛЕМА ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Необходимо сразу же отметить, что вполне укоренившийся в лингвистике термин «порядок слов» (word order) применительно к предложению ошибочен: предложение состоит не из слов, а из членов предложения, поэтому его следовало бы закрепить исключительно за словосочетанием, а применительно к предложению правильнее было бы говорить о порядке членов предложения или конstituентов предложения. Тем не менее в дальнейшем нам придется пользоваться термином «порядок слов» применительно к предложению, имея в виду сделанную выше оговорку.

Английский язык обычно характеризуется как язык с жестким, или фиксированным, порядком слов, что означает установление жесткого порядка следования членов предложения для определенного коммуникативного типа предложения. Например, для повествовательного предложения устанавливается следующий порядок: *S-P-O*. обстоятельство, атрибут занимают приглагольные и приименные позиции, располагаясь, как правило, перед определяемым именем (атрибуты) либо перед или после глагола (обстоятельства). Однако всякий практически владеющий английским языком знает, что предложение далеко не всегда строится согласно вышеприведенной канонической модели, а случаи отклонения от нее, особенно в устной форме речи, а также в художественной литературе и прессе столь многочисленны, что создается впечатление о столь же высокой степени их частотности, как и самой модели. Причины отклонения от фиксированного порядка слов носят не формально-структурный, а содержательно-коммуникативный характер, поэтому подробнее речь о них пойдет ниже, при рассмотрении проблем коллоквиального синтаксиса и коммуникативного синтаксиса. В данной же лекции мы ограничимся лишь констатацией того факта, что причины вариативности формального синтаксиса предложения лежат, как правило, за пределами самого конструктивного синтаксиса и определяются разнообразными коммуникативно-содержательными параметрами предложения, описанию которых посвящены следующие лекции курса.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что имеется в виду под конструктивным аспектом предложения?
2. Какие факторы делают затруднительным определение предложения?
3. Какие типы определений предложения вам известны?
4. Является ли предложение фактом языковой системы? Мотивируйте свой ответ.
5. Как осуществляется категориальное моделирование предложения? Составьте категориальную модель любого английского предложения по вашему выбору.

6. Как осуществляется функциональное моделирование предложения? Составьте функциональную модель предложения, которое вы выбрали для выполнения предыдущего задания.

7. Какова специфика соотношения членов предложения и частей речи в английском языке?

8. Что такое предикативный минимум предложения?

9. Каково соотношение между словосочетанием и предложением?

10. Чем вызваны сложности в отнесении предложения к тому или иному типу?

ЛЕКЦИЯ 7

КОЛЛОКВИАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

1. Введение
2. Основные признаки разговорной речи
3. Почему синтаксис?
4. Типы коллоквиальных конструкций

1. ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков материалом языкознания были образчики письменной речи, которые служили основой теоретических обобщений, источником иллюстраций и доказательной базой лингвистического исследования. При этом анализу подвергалась письменная речь либо сакрального характера (библейские и иные религиозные тексты), либо принадлежавшая перу крупных писателей, выдающихся философов, ведущих политических деятелей — одним словом, людей, в подавляющем большинстве своем высокообразованных, изощренных в тонкостях высокого стиля, вполне владевших техникой жанра, весьма часто блестящих ораторов и искушенных полемистов. Нельзя не признать, что фиксация речи на письме явилась вехой в развитии истории человечества, позволив речи преодолеть ограничения пространственного и временного характера и стать уникальным аккумулятором научной, художественной, религиозной и иной информации. Однако отдавая должное роли письменности в интеллектуальном и нравственном прогрессе человечества, не следует забывать о том, что, во-первых, филогенетически¹ и онтогенетически² она возникла значительно позже устной речи, что на протяжении длительного периода истории человечества (как и начального периода жизни любого человека) ее не существовало, что она, следовательно, носит вторичный и производный характер по отношению к устной форме речи и что приоритет последней в этом смысле безусловен и неоспорим. Во-вторых, с возникновением письменности устная речь не исчезла, ее роль осталась по-прежнему важной, а ее удельный вес в коммуни-

¹ Филогенез — процесс развития всех органических форм в течение всего времени существования жизни на Земле.

² Онтогенез — индивидуальное развитие живого существа

кативной деятельности человека — чрезвычайно значимым; она не заменяется и не вытесняется письменностью, а дополняется ею, резервируя за собой определенные сферы коммуникации. Однако сама природа устной речи, ее сиюминутный, неповторимый и, как правило, спонтанный характер делали ее изучение весьма хлопотным и обременительным. Куда комфортнее и увереннее чувствовал себя лингвист, имея дело с текстом, куда надежнее казался формат анализа, куда убедительнее и достовернее представлялись результаты исследования. Таким образом, устная речь при всем ее разнообразии и функциональной значимости фактически игнорировалась, а результаты, полученные в ходе изучения письменной речи, по умолчанию распространялись на область устной речи, на язык вообще, как если бы устная и письменная речь обладали признаками качественного изоморфизма¹ и функциональной тождественности. Принцип удобства описания, покоившийся на доступности письменного формата языка, брал верх над принципом всесторонности и всеохватности описания, что не могло не привести к однобокому и искаженному характеру знаний об устройстве языковой системы.

На необходимость преодоления этой однобокости указывали многие лингвисты еще в XIX в. Однако в полной мере лингвистика «созрела» до понимания необходимости изучения устной речи в XX в. К тому же лишь XX в. предоставил языковедам технические возможности «остановить» устную речь, зафиксировать ее на аудионосителях, создать банк устных языковых данных, с тем чтобы приступить к их систематической каталогизации как основе последующего теоретизирования. Итак, XX столетие стало свидетелем попытки преодолеть извечную половинчатость лингвистики, охватывавшей не всю языковую реальность, а лишь ту ее часть, которая представлена стилистически и жанрово обработанными, филологически выверенными, тщательно отшлифованными образцами письменной речи.

Одним из наиболее интересных и трудных для изучения видов устной речи является разговорная речь, комплексный анализ которой оформился в отдельную лингвистическую дисциплину, получившую название *коллоквиалистики*, или теории разговорной речи. К числу основных задач коллоквиалистики относятся:

- уточнение общелингвистической теории с учетом данных, полученных в результате исследования разговорной речи;
- выделение и описание характерных особенностей разговорной речи;
- каталогизация и типологизация разговорных моделей с возможным последующим их межъязыковым сопоставлением.

¹ Понятие изоморфизма уже затрагивалось в лекции 4 и будет более подробно обсуждаться в лекции 8.

Коллоквиалистика реализует и прикладные цели, главными из которых являются две:

- 1) лексикографическая;
- 2) дидактическая.

Лексикографическая цель достигается путем создания словарей коллоквиализмов, как одноязычных, так и двуязычных и многоязычных. Дидактическая цель достигается путем создания учебных пособий по разговорной речи, предназначенных для лиц, изучающих данный язык как иностранный: разговорной речи на родном языке никогда не обучают, она всегда усваивается в известной степени стихийно, а процесс обучения родному языку в школе нацелен, как правило, на ознакомление учащихся с художественными формами речи и привитие им навыка изъясняться грамматически полными, распространенными, сложными предложениями, организованными в прозрачно структурированные тексты/дискурсы (подробнее об этом см. лекцию 14).

Кратко охарактеризовав предмет и задачи коллоквиалистики, перейдем к рассмотрению основных признаков разговорной речи.

2. ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Черты, которыми разговорная речь отличается от других форм бытия языка, носят как собственно лингвистический, так и экстралингвистический характер. Основные из них следующие.

1. *Устный характер речи.* Данная черта имеет важное значение, так как с ней связан целый ряд других характеристик разговорной речи. Однако она не имеет исчерпывающей описательной силы по следующим двум причинам. Во-первых, не всякая устная речь есть речь разговорная: существуют форматы устной коммуникации, которые нельзя охарактеризовать в качестве разговорных (учебная или научно-популярная лекция, выступление на официальном мероприятии). Во-вторых, сегменты разговорной речи могут быть представлены и в письменной форме: в первую очередь в произведениях художественной литературы, включающих диалогическую речь действующих лиц как письменную фиксацию разговора.

2. *Диалогический характер речи.* Важность этой черты несомненна, но она также имеет ограничения. Во-первых, разговорный характер может носить не только диалогическая, но и монологическая речь. В этом нетрудно убедиться, проанализировав художественную литературу, где мы в достаточном количестве обнаружим примеры довольно длинных монологов героев, продуцирующих яркие образчики разговорной речи. Во-вторых, далеко не всякий диалог может быть охарактеризован как воплощение коллоквиальности — разговор руководителя с подчиненным на производственную тематику, собеседование экзаменатора с экзамене-

нуемым, опрос свидетелей в судебном заседании, дипломатические переговоры и т. д. не строятся как разговорная речь.

3. *Обиходно-бытовая тематика.* Обиходно-бытовая речь характеризуется как разговорная преимущественно, но не исключительно. На обиходно-бытовые темы можно разговаривать не только в коллоквиальном ключе, но и полными, развернутыми, «правильными» конструкциями письменной речи. Дополнительная сложность в применении этого критерия заключается в расплывчатости самой сферы обиходно-бытовой тематики, проницаемости ее границ. Так, не вполне понятно, относятся ли к сфере обиходно-бытовой тематики, например, диалоги о тонкостях работы домашнего компьютера, предполагающие использование соответствующей терминологии и развернутое описание сложных технологических процессов.

4. *Фонетическая редуцированность.* Эта черта заключается в нечетком, часто «смазанном» произношении, что вытекает из непосредственного характера общения между собеседниками, а также наличия определенной степени близости между ними. Вместе с тем разговорная речь не является обязательно фонетически редуцированной, а с другой стороны, фонетическая редуцированность может не только характеризовать разговорную речь, но и встречаться как проявление индивидуальных произносительных особенностей.

5. *Клишированность речи.* Наличие особых разговорных клише, безусловно, характеризует рассматриваемый тип речи, однако следует отметить, что клишированными являются и другие коммуникативные сферы — существуют газетные клише, клише научной речи, светской беседы и т. п.

6. *Ситуационность речи.* Под этой чертой имеется в виду «привязанность» акта разговорной речи к ситуации общения, его «вписанность» в коммуникативную ситуацию. Это свойство разговорной речи объясняется ее в норме эллиптической «обрывочный» характер. Собеседники обмениваются репликами, часто, что называется, «имея перед глазами» предмет речи, имея возможность указать на него жестом, заменить развернутое вербальное описание мимикой и т. д. Однако и фактор ситуационности имеет не абсолютный, а относительный характер — можно небезосновательно утверждать, что всякая речь (особенно устная) носит ситуационный характер, речи вне ситуации нет вообще, а потому приписывание разговорной речи свойства ситуационности не обладает достаточной объяснительной силой.

7. *Эмоциональность (аффективность) речи.* Разговорная речь, будучи диалогической по форме, обиходно-бытовой по тематике и ситуационной по условиям коммуникации, обычно является эмоциональной, что проявляется на просодическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Следует, однако, признать очевидное:

ненейтральный эмоциональный фон отнюдь не исключен для любой формы устной коммуникации, да и письменная речь обладает собственным реестром средств, позволяющих отразить ее эмоциональный характер (соответствующие знаки препинания, синтаксический параллелизм, лексический повтор и т. п.).

8. *Спонтанность речи.* Это свойство разговорной речи тесно связано со всеми предыдущими. Его суть — неподготовленность, непродуманность, невыверенность формы высказывания, его причиной является дефицит времени, в котором находятся коммуниканты, а его результатом — «неидеальность» произведенного речевого продукта, весьма часто его аграмматичность и небезупречность с точки зрения его лексического наполнения. Каждый из коммуникантов, вступая в речевое взаимодействие, накладывает на своего речевого партнера довольно жесткий лимит времени, что вынуждает последнего строить высказывание «на ходу», используя из богатого набора языковых вариантов не те, что лучше, а те, что «под рукой». Это, в частности, объясняет возможность иноязычных вкраплений в разговорную речь, когда неожиданно появляется слово, маркированное в словарях как книжное, архаичное или поэтическое. Спонтанность — очень существенная черта разговорной речи. Однако и она не является той искомой «изюминкой», которая выразила бы самую ее суть: известно, что люди, обладающие высокой культурой речи, строят безупречное по форме устное высказывание совершенно спонтанно, несмотря на дефицит времени.

9. *Комплементарность к неречевой деятельности.* Эта черта означает, что разговорная речь, как правило, сопровождает какой-либо неречевой вид деятельности, осуществляется параллельно ему. Разговорную речь можно вести, моя посуду, чиня электроприбор, наводя порядок в квартире, выгуливая собаку или ведя автомобиль. Вместе с тем следует признать, что разговорную речь можно вести и в качестве единственного занятия, например разговаривая по телефону или в режиме чата по Интернету.

10. *Неофициальный/неформальный характер речи.* Этот признак многие коллоквиалисты считают ведущим при характеристике разговорной речи. Несомненно, неформальный стиль может характеризовать и некоторые документы, например дружеские письма. Однако следует признать, что неофициальность прежде всего характерна для разговорной речи. С другой стороны, разговорная речь характеризуется в первую очередь именно как неофициальная форма устной коммуникации.

Итак, вместо формального определения разговорной речи мы перечислили ряд наиболее характерных ее свойств, ни одно из которых в отдельности не дает исчерпывающей ее характеристики, но которые в совокупности достаточно четко ограничивают ее сферу.

3. ПОЧЕМУ СИНТАКСИС?

Выше мы уже касались вопроса о том, что разговорная речь имеет свои лексические и фонетические особенности и тем не менее ее изучение проводится обычно в рамках грамматической теории, а именно синтаксиса. Почему?

Дело в том, что, как было уже указано, коллоквиалистика имеет в качестве одной из своих задач каталогизацию образцов разговорной речи, сведение их к некоторому набору моделей, к сортировке их на типы на основе доминантных черт. Основываясь на фонетическом критерии, достичь этой цели не удастся — мы можем констатировать лишь наличие в разговорной речи неких фонетических черт, носящих вероятностный характер и присущих не исключительно ей, а и другим формам речи. Лексический критерий также не является оптимальным для выполнения указанной задачи, так как в плане лексики мы можем лишь констатировать наличие особого пласта слов, обычно маркируемых в словарях *coll. (colloquial)* или *разг. (разговорный)*. Неподходящим оказывается для реализации указанной цели и морфологический критерий, так как словоизменительная и словообразовательная морфология слов, из которых строится разговорная речь, за незначительным исключением ничем не отличается от морфологии слов, из которых строятся неразговорные формы речи. Таким образом, единственной чертой, которая может быть положена в основу классификации экземпляров разговорной речи, является синтаксис, так как именно синтаксирование данной формы речи строится по образцам и моделям, конечное число которых должно быть выявлено в результате лингвистического анализа.

4. ТИПЫ КОЛЛОКВИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Представляется возможным говорить о следующих синтаксических явлениях, характерных для разговорной речи.

1. *Парцелляция*. Парцеллированная конструкция — это последовательность высказываний, оформленных интонационно и на письме как отдельные предложения. При этом первое высказывание конструкции представляет собой грамматически законченное предложение, а последующие высказывания (они называются парцеллятами) присоединяются к предложению-основе так, как если бы они были его второстепенными членами: *Jack went off. To Paris. Yesterday. To fix things up.* (Ср. рус. *Она вышвырнула все книги. До одной. В помойку. Как будто бы они были в чем-то виноваты.*)

2. *Абсолютивный атрибут*. Под абсолютивным атрибутом имеется в виду имя или именное словосочетание, вынесенное в постпозицию по отношению к основному высказыванию и семанти-

чески представляющее собой признак одного из его членов: *Here comes Harry, a nice-looking guy.* (Ср. рус. *И вот наступила весна, теплая, бурная.*) Парцеллированная конструкция схожа с конструкцией с абсолютным атрибутом в том, что обе предполагают наличие некоего базового высказывания, грамматически и семантически завершенного, к которому добавляются грамматически и семантически несамостоятельные элементы. Разница же между этими двумя типами конструкций состоит в том, что, во-первых, поскольку степень фонетической обособленности парцеллятов от базового предложения больше степени обособленности абсолютного атрибута от своего предложения-основы, парцелляты отделяются от предложения-основы более длительными паузами и точками на письме, а абсолютный атрибут от основного предложения — паузой меньшей продолжительности и запятой или тире на письме. Во-вторых, для того чтобы преобразовать парцеллированную конструкцию в книжно-письменное предложение, достаточно убрать паузы в речи и точки на письме, никаких других изменений вносить не требуется. Для того чтобы преобразовать в обычное предложение книжно-письменного стиля высказывание, содержащее абсолютный атрибут, в него необходимо внести некоторые синтаксические изменения, например оформить абсолютный атрибут как придаточное предложение: *Here comes Harry, who is a nice-looking guy.*

3. *Пролептические конструкции.* Пролептические конструкции — это высказывания, начинающиеся непосредственно с номинации темы высказывания, как правило, в виде имени существительного, за которым следует рематический компонент, носящий пояснительный, расшифровывающий тему характер. При этом тематическое инициальное имя интонационно и графически обособлено: *Jack, I never met him in my whole life.* (Ср. рус. *Деньги, их у меня сроду-то не было.*) Примеры показывают, что в рематической части высказывания практически обязательным является употребление местоимения, кореферентного инициальному тематическому имени.

4. *Антиципационные конструкции.* Антиципация представляет собой явление, в определенном смысле противоположное пролепсе, и заключается в вынесении на первое место в высказывании рематического компонента. При этом тематический компонент в виде обособленного имени существительного завершает конструкцию: *I never met him in my whole life, Jack.* (Ср. рус. *Их у меня сроду не было, денег-то.*) Как видим, пролептические и антиципационные конструкции с легкостью преобразуются друг в друга, изменяя тема-рематическую последовательность высказывания.

5. *Именное высказывание с постпозитивной темой-уточнителем.* Как видно из названия данной конструкции, она представляет собой именное высказывание, в котором, однако, не содержится

тематического компонента или он не ясен и нуждается в уточнении; этот тематический именной компонент дается непосредственно после номинативного высказывания: *A terribly posh place, that restaurant.* (Ср. рус. *Очень умные животные, эти волки.*)

6. *Инверсия.* Следует, разумеется, различать коллоквиальную инверсию, являющуюся предметом нашего рассмотрения, и грамматическую инверсию, обусловленную законами построения соответствующих грамматических форм, например инверсию при образовании вопросительных конструкций. Примерами коллоквиальной инверсии являются высказывания типа *A hopeless old fool I am; And a nice cup of tea you shall have, my dear.* (Ср. рус. *Глупыми были ее вопросы, глупыми были и мои ответы.*) Следует отметить, что в языках с жестким порядком слов, например в английском, инверсия как черта разговорной речи воспринимается острее, чем в языках с нефиксированным порядком слов, например в русском.

7. *Вопросно-ответное построение высказывания.* Обычно вопросы и ответы чередуются в диалогической речи. Однако в разговорной речи не исключено и вопросно-ответное построение монологического высказывания, представляющее собой вопросы субъекта речи к самому себе и ответы на них: *Have I found a good job? Yes, I have. Do I make enough money? Yes, I do. Can I send my kids to college now? Yes, I can. What else do they want of me? (Ср. рус. Я в магазин сходил? Сходил. Все продукты купил? Купил. Сдачу принес? Принес. Что еще нужно?)*

8. *Переспрос.* Переспрос как черту разговорной речи следует отличать от истинного переспроса, вызванного тем, что один из собеседников не расслышал или не понял реплику другого. Примеры коллоквиального переспроса: *Do you think Mary beautiful? — Beautiful? In a way; How about having a cup of tea? — A cup of tea? Sounds good to me.* (Ср. рус. *Ты когда-нибудь бывал в Ужгороде? — В Ужгороде? Уж и не помню.*)

9. *Повтор.* Повторяться в структуре высказывания могут любые элементы, однако чаще это происходит со словами с атрибутивным значением: *Sad, sad, all that is very sad; This house is perfect, just perfect for my purposes.* (Ср. рус. *Любопытно, любопытно, очень любопытно; Скорость, скорость и еще раз скорость — вот что важно на соревнованиях.*)

10. *Употребление апеллятивных местоимений.* В некоторых случаях местоимения употребляются как способ привлечения внимания собеседника к своим словам: *I am saying this to you, old devil, you.* (Ср. рус. *Что, правда глаза колет?*)

11. *Междометная индикация вопросительности.* В разговорной речи вопрос часто конструируется не в соответствии с канонизированными правилами грамматики, а с помощью междометия, присоединяемого к декларативной форме высказывания: *Nice weather, ah?* (Ср. рус. *Хороша водичка, а?*)

12. *Эллипсис глагола-связки*. Разумеется, эллипсис глагола-связки как черта разговорной речи характерен для тех языков, где наличие глагола-связки является в норме обязательным, как, например, в английском: *My bank account empty, my credit card lost, my purse stolen — what shall I do?* Для русского языка эта черта разговорной речи нехарактерна.

13. *Эксплетивы*. Под эксплетивами имеются в виду однозначные лексические элементы, выполняющие определенную синтаксическую функцию, однако излишние в предложении. К эксплетивам относятся сниженная, бранная лексика и фразеология: *What the hell are you doing here?*; *Remove that bloody car of yours!*; *I don't care a bit about that damned garage*. (Ср. рус. *На черта мне твои советы!*; *Выкинь из дома этот чертов ковер!*)

14. *Перифраза*. Перифраза может рассматриваться как черта разговорной речи в том случае, когда она носит явно избыточный с коммуникативной точки зрения характер, например когда вместо краткого знака согласия *Yes!* говорят *Perfectly true*; *Yes, indeed*; *That's right*, а вместо *No!* — *By no means*; *No way*; *Nothing of the kind*. (Ср. рус. *Это письмо вы написали?* — *Совершенно верно*; *Я вас правильно понял?* — *Абсолютно точно*; *Вы согласились бы туда поехать?* — *Ни за что на свете*.)

15. *Безглагольное выражение побудительности*. Обычно побуждение выражается в форме побудительного наклонения глагола. Однако в разговорной речи с этой целью могут употребляться типологически разнородные конструкции, общей чертой которых является как раз отсутствие глагольной лексемы, например субстантивные высказывания (*Waiter, the bill please!*), адъективные высказывания (*Careful! You'll break it!*), адverbиальные высказывания (*Slowly, slowly, please! Out of here!*), междометные высказывания (*Shhh! You'll wake him up!*). (Ср. рус. *Ваш билетик, гражданин*; *Вон отсюда!*; *Осторожно, двери закрываются*; *Тишина в зале!*)

16. *Отрицание в форме вопроса*. В противоположность каноническому способу построения отрицательного предложения в разговорной речи часто используются вопросительные формы высказывания, имеющие значение отрицания: *Did I say anything about you being foolish?* (Ср. рус. *А разве я имею что-нибудь против?*)

17. *Утвердительная форма вопроса*. Грамматика, как известно, оговаривает правила построения вопросительных предложений. Однако в разговорной речи при построении вопроса эти правила часто игнорируют, ограничиваясь соответствующим интонационным оформлением декларативного предложения: *You know the answer?*; *She is going with you to London?* В русском языке синтаксически параллельные конструкции не являются примерами разговорной речи, поскольку относительно свободный порядок слов и отсутствие специальных вспомогательных глаголов для образова-

ния вопросительных форм делают такие высказывания пригодными для любого типа речи.

18. *Утверждение в форме отрицательного вопроса.* В стилистике это явление обычно называется риторическим вопросом и характеризуется как относящееся к высоким речевым стилям. Однако исследование повседневной сферы коммуникации убеждает в том, что риторический вопрос распространен в разговорной речи ничуть не меньше, чем в поэзии или прозе: *Wasn't I careful enough to you?; Didn't I tell you what to do?* (Ср. рус. *А разве я никогда не помогал вам? А разве я не советовал вам продать этот дом?*)

19. *Эллипсис подлежащего.* Эллипсис подлежащего происходит в разговорной речи в тех случаях, когда ситуация и контекст общения позволяют достаточно однозначно идентифицировать его. Как правило, опускается подлежащее в форме местоимения первого лица: *Can't say how glad I am!* В русском языке синтаксически аналогичные конструкции не являются коллоквиальными, поскольку отсутствие подлежащего в русском предложении часто является грамматической нормой, поддерживаемой развитой системой флективной морфологии, которая узаконивает отсутствие подлежащего.

20. *Эллипсис подлежащего и сказуемого.* Иногда в разговорной речи, особенно в диалоге, эллиптизации подвергаются оба главных члена предложения. При этом данный сегмент беседы остается информационно достаточным: *When? — At 5 p. m.; Where to? — To the restaurant.* (Ср. рус. *Куда так спешно? — В столовую.*)

21. *Эллипсис служебных элементов предложения.* Для разговорной речи характерной также является эллиптизация служебных элементов — артиклей, предлогов, союзов: *Uncle George comes Saturday; Where does he live? — Paris.* Артикли (в первую очередь определенный) эллиптизируются в тех случаях, когда ситуация и контекст делают референт имени и так достаточно определенным. Из предлогов эллиптизации подвергаются, как правило, те из них, которые вводят обстоятельство места и времени. Решение вопроса об эллиптизации союзов представляется значительно более сложным, так как, во-первых, в большинстве случаев невозможно однозначно решить, опущен ли союз или его употребление не предполагалось изначально, а во-вторых, бессоюзная связь не является необычной и для других речевых форм. Единственное, что можно утверждать с большей или меньшей определенностью, так это то, что в разговорной речи практически всегда опускается союз *that*, вводящий дополнительное придаточное предложение: *I knew she was ill.*

Мы перечислили основные черты, характеризующие английскую разговорную речь. В качестве комментария отметим следующее. Во-первых, этот список не является окончательным и полным ни в плане количественном, ни в плане номенклатурном,

так как описание разговорной речи, как и любого объекта, возможно с различной степенью детализации и дробности, а, кроме того, некоторые черты могут трактоваться одними коллоквиалистами как специфичные для разговорной речи, а другими — как неспецифичные для нее и, следовательно, не включаться в номенклатуру. Во-вторых, несмотря на то что многие черты разговорной речи являются характерными для ряда языков, все же в целом следует отметить принципиальную их идиоэтничность: для каждого языка в силу специфики его строевых характеристик приходится составлять отдельный каталог коллоквиальных черт, хотя, вне всяких сомнений, для языков типологически схожих количество общих черт будет выше, чем для языков типологически различных.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Почему недостаточным является исследование языка только в его письменной форме?
2. В какой период развития языкознания началось систематическое исследование устных форм речи?
3. Перечислите основные характеристики разговорной речи. Какие из них представляются вам наиболее существенными и почему?
4. Почему фонетический, лексический и морфологический критерии не могут лежать в основе теории разговорной речи?
5. Почему теория разговорной речи развивается в рамках грамматики (синтаксиса)?
6. Определите сущность парцелляции и конструкций с абсолютным атрибутом. В чем их схожесть и в чем различие?
7. Как соотносятся пролептические и антиципационные конструкции? Дайте примеры таких конструкций.
8. В чем отличие грамматической инверсии от коллоквиальной? Приведите примеры обоих типов инверсий.
9. В чем отличие истинного переспроса от коллоквиального?
10. Какие другие черты коллоквиального синтаксиса вы можете назвать?

ЛЕКЦИЯ 8

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

- 1 Введение
2. «Семантический взрыв»
- 3 Ситуация и предложение
- 4 Пропозиция
5. Основные семантико-синтаксические теории
6. Особый статус глагольного слова

1. ВВЕДЕНИЕ

Изложением теории семантического синтаксиса мы начинаем цикл лекций, посвященных анализу содержательных параметров предложения, которые в отличие от формальных не даны в непосредственном восприятии и потому требуют особых процедур выявления. Семантический взгляд на предложение — лишь один из возможных контенсивных параметров его рассмотрения. Другими такими параметрами являются коммуникативный, когнитивный и прагматический, представленные в отдельных лекциях данного цикла. Поскольку семантико-синтаксические исследования появились хронологически раньше других содержательно-ориентированных синтаксических теорий, а также в силу высокой степени их разработанности, представляется целесообразным начать именно с них.

2. «СЕМАНТИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ»

50-е гг. XX в. ознаменовались явлением, получившим название «семантического взрыва», — по сути, волной интереса к значимой стороне языковых единиц, до тех пор изучавшихся преимущественно с формальных позиций. Такая переориентация мировой лингвистики объяснялась прежде всего необходимостью решения прикладных задач, а именно составления одноязычных толковых словарей, что настоятельно требовало разработки новых теоретических решений применительно к описанию лексикона языка. Именно в это время появился хорошо известный студентам из курса английской лексикологии компонентный анализ, вводящий в лингвистический обиход понятие «сема» («семантический

признак», «семантический множитель», «семантический компонент») и пытающийся описывать значения огромного множества слов через комбинацию ограниченного количества сем. Излюбленный пример лексикографов — слово *bachelor*, которое с точки зрения компонентного анализа представляет собой набор четырех семантических признаков: 1) *human being*; 2) *male*; 3) *adult*; 4) *unmarried*. Четырехкомпонентная семантическая структура данного слова является минимально необходимой — при отсутствии любого из четырех названных элементов она нарушается.

Лексикон языка, разумеется, состоит не только из имен существительных, но и из других частей речи, в частности глаголов. К глагольной лексике компонентный анализ также оказался вполне применим; хрестоматийный пример здесь — лексикографическое толкование глагола *to give* как [*to cause [somebody [to have something]]*]. Семантическая структура глагольных лексем *to sell* и *to lend* оказывается чуть более сложной — первое определяется как [*to cause [somebody [to have something [for money]]]*], а вторая — [*to cause [somebody [to have something [for a period of time]]]*].

Идея о том, что разработанные для лексикона методы семантического анализа могут также применяться и в области синтаксиса, начала материализовываться в лингвистических исследованиях 60-х и в особенности 70-х гг. XX в. Это был период, когда у предложения (вдобавок к его уже хорошо известной способности выполнять коммуникативную функцию) было открыто свойство, считавшееся прерогативой лишь лексических единиц, а именно способность к номинации. *Предложение*, таким образом, подобно слову стало рассматриваться как языковой знак, однако знаковая природа предложения признавалась отличной от знаковой природы слова. Разница между этими двумя основными типами языковых знаков заключается не только и даже не столько в том, что предложение с десигнаторной точки зрения является более сложным образованием, способным включать в свой состав слова, но прежде всего в том, что денотатом слова является предмет внеязыковой действительности, а денотатом предложения — внеязыковая ситуация.

3. СИТУАЦИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Коль скоро денотатом предложения является *ситуация*, то необходимо сказать несколько слов о ее природе, в особенности о том, каков ее статус в объективном мире.

С древнейших пор, а точнее, со времен Платона и Аристотеля, первичными элементами онтологического мира считались вещи с их свойствами. Вспомним, что именно вещь и ее свойства лежат в основе теории Аристотеля о центральной логической форме мы-

шления человека — суждении (лекция 5). Взгляд на мир как на покое пространство, в котором размещены относительно независимые друг от друга и относительно статичные предметы, был значительно позже положен в основу ньютоновской физики, безраздельно господствовавшей в европейской научной мысли в течение нескольких сотен лет и не подвергавшейся сколько-нибудь серьезной ревизии вплоть до начала XX в. Аристотелевская и ньютоновская концепции о первичности вещи в течение веков не подвергались сомнению, видимо, в первую очередь именно по причине своей очевидности, наглядности, доступности восприятия на теоретическом уровне и верифицируемости (то есть подтверждаемости, проверяемости) на уровне научного эксперимента. Такой взгляд на мир подкреплялся результатами анализа обычного жизненного опыта и вполне соответствовал наивной картине мира, естественным образом складывавшейся в результате наблюдений над объектами макромира. Однако достижения естественных наук в XIX в. уже делали такой способ мировосприятия небесспорным; окончательно же дезавуировал научную ценность аристотелевско-ньютоновской картины мира в начале XX в. А. Эйнштейн, сформулировав теорию относительности. В эйнштейновский и постэйнштейновский период стала очевидной неправомерность интерпретации мира как вместителища вещей, обладающих абсолютными физическими свойствами и слабо между собой связанных. Незыблемость традиционных представлений о физическом мире оказалась иллюзорной, и укоренившиеся физические и логические теории стали рассыпаться как карточный домик — здравый смысл и наглядность, на которых основывались все предшествующие научные теории, оказались плохо приспособленными для всеохватного толкования природы, включающей макро-, микро- и мегамир.

Новый взгляд на объективную реальность позволил установить, что мир носит не статический, а динамический характер, что покой относителен, а движение абсолютно и что, следовательно, элементом первичной онтологии¹ является не вещь, взятая сама по себе и в отрыве от других вещей, а ситуация, или событие. В философской и лингвофилософской литературе для описания элемента первичной онтологии стал также применяться термин «факт». «Факт», «событие», «ситуация» стали использоваться для обозначения фрагмента, или отрезка, действительности, некоего положения дел, в минимальном пределе охватывающего вещь со всеми ее признаками и в системе ее непосредственных отношений с другими вещами. Такие минимально выделимые сегменты онтологии стали именоваться *элементарными ситуациями*, или *ато-*

¹ Под первичной онтологией понимается внешний по отношению к познающему человеку объективный физический мир.

марными фактами. Разница между ситуацией (фактом, событием) и вещью состоит в том, что вещь имеет пространственные границы, а ситуация — временные; вещь включается в ситуацию, является ее элементом, возникает, существует, изменяется и исчезает в ней. Ситуация есть форма бытия вещи, ее, так сказать, *modus vivendi*.

Как было уже сказано, формат языковой единицы для обозначения внеязыковой ситуации — предложение. Однако подобно тому как слово связано со своим денотатом не прямо, а через сигнификат (понятие, **концепт**, смысл, **ментальный референт**, образ и т. д. в разных терминологических системах), точно так же и предложение связано с обозначаемой им ситуацией не непосредственно, а через ментальную сущность, получившую название **пропозиции**.

4. ПРОПОЗИЦИЯ

Под пропозицией понимается типизированное мыслительное отражение онтологической ситуации, ее ментальный коррелят. Способность человека к образованию пропозиции основывается помимо прочего на его способности к категоризации воспринимаемого и познаваемого мира, к членению его на отдельные классы, к обобщению бесконечного разнообразия его фрагментов в конечное и обозримое множество типов. Сталкиваясь с огромным множеством самых разнообразных ситуаций, человек осознает, что все их можно в конечном итоге объединить на основе доминирующего признака в некоторое количество групп. Так, в одну группу укладываются ситуации, когда некто совершает какое-либо действие над кем-либо/чем-либо: *The boy hit the ball; The woman picked up a flower; The man threw his hat away*. При всем том, что данные предложения обозначают разные денотативные ситуации, они будут восходить к одной и той же пропозиции. Возьмем другой пример. Бывают ситуации, когда какое-либо живое существо, в частности человек, испытывает некое физическое или ментальное состояние. На синтаксическом уровне такие состояния обозначаются предложениями типа *He is hungry; The girl is ill; Mother was nervous; Father was angry*. Эти предложения также «вырастают» из одной и той же пропозиции, являющейся мыслительным аналогом схожих ситуаций, объединенных классифицирующей способностью человеческого разума в один тип.

Пропозиция является двучленной структурой. Она состоит, с одной стороны, из **реляционного предиката**, представляющего собой мыслительный коррелят реальных отношений действительности, а с другой — из некоторого количества **предикатных актантов** (семантических ролей, семантических падежей), представляющих собой мыслительные корреляты предметов объективного

мира, находящихся в некотором отношении друг с другом. Таким образом, реляционный предикат, во-первых, связывает актанты в единую структуру — пропозицию, а во-вторых — определяет их ролевые характеристики (подробнее об этом будет сказано в следующей лекции). Поэтому пропозицию иногда образно сравнивают с дощечкой (реляционный предикат), в которой просверлены отверстия (актанты). Причем по мере преобразования в предложение эти отверстия будут заполняться словами с предметным значением, обозначающими участников ситуации, а сама «дощечка» примет форму слова с признаковым значением — как правило, глагола, связывающего на отношения между участниками ситуации.

Пропозицию иногда также метафорически сравнивают с картиной. Подобно картине она содержит элемент образности, а кроме того, как и картина, не предписывает порядка рассмотрения ее деталей, предполагая симультанное (одномоментное) восприятие всего полотна в целом. Актанты в составе пропозиции семантически гетерогенны, но синтаксически равноправны — их синтаксическое неравноправие наступает лишь тогда, когда пропозиция преобразуется в предложение и один из актантов выдвигается в позицию подлежащего, другой — прямого дополнения, третий — косвенного и т. д. Преобразование пропозиции в предложение есть процесс двоякий. С одной стороны — это линеаризация; то, что в пропозиции содержится симультанно, в предложении представлено сукцессивно (последовательно, цепочечно, синтагматически). С другой стороны — это «языковление» элементов пропозиции, придание им знакового лингвистического статуса, предполагающего появление членов предложения, связанных с синтаксической структурой.

Таким образом, в триаде «онтология — гносеология — язык» пропозиция занимает срединное место, являясь средством, с помощью которого человеческое сознание моделирует ситуации объективной действительности, делая их пригодными для обозначения языковыми средствами. Моделирование — вообще полезный и широко используемый гносеологический прием, заключающийся в схематизации реально очень сложно структурированных либо чрезвычайно вариабельных (то есть представленных в виде большого количества вариантов) объектов, с тем чтобы на основе допустимой степени упрощения сделать их доступными для познающего разума. Пропозиция, моделируя онтологические ситуации, предоставляет к услугам человека компактный набор ментальных шаблонов, или схем, прорисовывающих контуры будущего предложения. Для того чтобы успешно выполнять свои функции, пропозиция должна адекватно соотноситься с коррелятивной ей ситуацией, то есть должно иметь место взаимно однозначное соотношение между количеством участников, или партиципантов, ситуации и количеством пропозициональных ак-

тантов. Иными словами, структура пропозиции должна быть *изоморфной* структуре ситуации.

В общем случае две структуры считаются изоморфными, если одному элементу первой структуры соответствует один элемент второй структуры, и наоборот. Явление, противоположное изоморфизму, называется *алломорфизмом* и определяется как взаимно неоднозначное соотношение между элементами разных структур: две структуры считаются алломорфными, если одному элементу первой структуры соответствует не один элемент другой структуры, и наоборот. Алломорфные отношения наблюдаются между пропозицией и возникающим на ее основе предложением, так как одному элементу пропозиции на уровне предложения может ставиться в соответствие 0, 1, 2 или более членов предложения. С другой стороны, в составе предложения могут появляться конститuentы, не коррелятивные ни одному актанту в структуре пропозиции. Подробнее об этом разговор пойдет в следующих лекциях.

Итак, пропозиция, представляя собой гносеологическую сущность, является промежуточным звеном между онтологией и языком. Если онтологическим коррелятом пропозиции является элементарная ситуация, или атомарный факт, то что же является коррелятом пропозиции на языковом уровне? Казалось бы, ответ на этот вопрос уже был сформулирован выше, и неоднократно: на языковом уровне коррелятом пропозиции является предложение. Однако здесь нелишним будет внести некоторое уточнение. Предложения, как известно, бывают разные: полные и неполные, распространенные и нераспространенные, простые и сложные, сложносочиненные и сложноподчиненные. Предложения могут быть осложнены различного рода элементами, например вторично-предикативными структурами, однородными членами, абсолютными конструкциями и т. п. Как же в таком случае можно соотнести предложение и пропозицию? Для ответа на данный вопрос придется прибегнуть к сформулированному выше понятию алломорфизма, а также к упомянутому положению о том, что элементы пропозиционального уровня соотносимы с элементами языкового уровня алломорфно. Это означает, что предложению может соответствовать как одна, так и более чем одна пропозиция, но это означает также и то, что пропозиция может реализовываться не только в виде предложения, но и в виде словосочетания и даже отдельного слова. Для реализации пропозиции на языковом уровне в форме слова необходимо, чтобы ее коррелятом была не всякая лексема, а особый ее тип, получивший в семантическом синтаксисе название *имя пропозитивной семантики*, или «событийное имя». К числу таких имен относятся существительные, однако не такие, денотатами которых являются объекты с пространственными границами, а такие, денотатами которых являются события с временными границами, в чем дан-

ные существительные сродни глаголам. Лексемы *revolution, smile, attack, explosion, war, negotiations, applause, departure, birth, death* и многие другие имеют событийное прочтение, а не предметное. Они обозначают события, правда делая это максимально свернутым образом, не называя участников этих событий.

Для того чтобы рассматривать в качестве коррелята пропозиции словосочетание, необходимо, чтобы оно включало имя пропозитивной семантики. Такое словосочетание уже способно именовать не только событие, но и его участника/участников: *Tom's death, the teacher's departure, the uprising of the slaves*. Вот почему, когда мы говорим, что коррелятом пропозиции является предложение, необходимо всегда делать следующее уточнение: не всякое предложение, а лишь такое, которое номинирует (одно) элементарное событие, или (один) атомарный факт. Более правильным поэтому было бы использование в качестве языкового коррелята пропозиции термина **предикатное выражение**, которое в частном случае может быть и предложением, и словосочетанием, и отдельной лексемой. Итак, рассматриваемая нами триада «онтология — гносеология — язык» преломляется в ракурсе проблематики семантического синтаксиса в триаду «элементарная ситуация/ атомарный факт — пропозиция — предикатное выражение».

5. ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

На протяжении 60—70-х гг. XX в. в области семантико-синтаксических исследований стали более или менее отчетливо различаться три основных направления.

Первое направление исходило из семантической значимости синтаксической структуры предложения и основывалось на идее о том, что синтаксическая модель предложения является показателем не только его структурного типа, но и в определенной степени характеризует его содержательные параметры. Так, в соответствии с этой концепцией предложения, структурированные, например, по модели «подлежащее — сказуемое», обозначают ситуации с одним участником, находящимся в некотором ментальном или физическом состоянии или совершающим действие, не переходящее на какой-либо объект (*The boy is sleeping; The girl stood up; Tom is well-behaved*). Если структура предложения имеет вид «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение», то, скорее всего, такое предложение обозначает ситуацию с двумя участниками, при этом сказуемое, вероятнее всего, обозначает воздействие, оказываемое субъектом на объект (*The boy is reading a book; The girl bought an ice-cream; Tom received a letter*). Однако при попытке более пристального анализа нетрудно увидеть существенные недостатки этой теории. Наиболее очевидный из них состоит

в том, что структурно идентичные предложения весьма часто обозначают различные ситуации, причем как в плане количества участников этих ситуаций, так и в плане тех семантических ролей, которые они выполняют, а также в плане характера отношений, которые устанавливаются между ними. Так, предложения, структурируемые по типу «подлежащее — сказуемое», могут обозначать ситуации, в которых вообще не выделяются участники (*It rains; It is getting dark*). Предложения, структурируемые по типу «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение», могут обозначать ситуации как с двумя участниками (*Tom received a letter*), так и с одним (*Tom received much pleasure*), а также более чем одну ситуацию в случае употребления имен пропозитивной семантики (*A terrorist attack causes death*). Из этого следует, что рассматриваемый структурно-семантический подход оказывается скорее структурным, чем семантическим, недостаточно глубинным, а потому в целом ряде случаев дает сбои при попытках применить его к анализу языкового материала.

Второе семантико-синтаксическое направление можно назвать субъектно-предикатным. Оно основывается на логике Аристотеля, согласно которой, напомним, предложение есть языковая форма суждения, построенного по формуле *S есть P*. Применение субъектно-предикатной логики представлялось весьма привлекательным именно в силу того факта, что она изначально предназначалась в качестве орудия описания средствами языка (языковой аспект) форм мышления (гносеологический аспект), отражающих положение дел в реальном мире (онтологический аспект), и таким образом включала все элементы триады (онтология — гносеология — язык). Плюсом данной концепции является и то, что она изначально фокусировалась на содержательных аспектах, а не на формально-языковых, имея цель в первую очередь постулировать законы мышления с позиций их отражательной способности по отношению к действительности и лишь во вторую очередь рассматривать способы выражения форм мышления средствами языка. Однако и это направление показало ограниченную возможность применения на практике семантико-синтаксического анализа. Непреодолимой преградой для субъектно-предикатной концепции стали те случаи, когда предложение обозначало ситуацию с несколькими партиципантами: *Tom sold Mary a book*. Какое свойство приписывается в данном случае Тому как субъекту суждения и подлежащему предложения? Какую роль играют *Mary* и *book* как элементы предиката суждения, призванного характеризовать его субъект? Как они, будучи элементами предикативной части суждения, характеризуют Тома как субъекта суждения или какую информацию о нем сообщают? На эти вопросы невозможно ответить, оставаясь строго в рамках субъектно-предикатной концепции, но ситуация с подобного рода предложениями получает

разъяснение в рамках другого семантико-синтаксического направления, называемого предикатно-аргументным.

Предикатно-аргументное направление рассматривает предложение как языковое воплощение пропозиции, чью базовую структуру можно представить в виде формулы aRb , где a и b являются актантами, отражающими партиципентов онтологической ситуации, а R — реляционным предикатом, выражающим отношения между актантами. Данная теория оказалась наиболее плодотворной и потому наиболее популярной среди семантико-синтаксических концепций. Согласно предикатно-аргументной теории предложение *Tom sold Mary a book* является языковой формализацией пропозиции, состоящей из трех актантов (в языковой репрезентации *Tom, Mary, book*) и реляционного предиката (в языковой репрезентации *sold*), выражающего отношения между тремя выше-названными актантами. Актанты, в свою очередь, являются мыслительными коррелятами партиципентов онтологической ситуации (того, кто продает; того, кто покупает; того, что продается), а реляционный предикат — мыслительным коррелятом самого отношения, соединяющего партиципентов в одну общую ситуацию — акт продажи. Предикатно-аргументная концепция оказалась наиболее жизнеспособной, и именно в ее рамках была разработана типология предикатов и предикатных актантов, о чем, в частности, речь пойдет в следующей лекции.

6. ОСОБЫЙ СТАТУС ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА

В заключение скажем несколько слов о неравноценной значимости разных частей речи для интерпретации семантической структуры предложения. С точки зрения семантики синтаксиса весь лексемный «костяк» предложения можно поделить на две группы слов — имена и предикаты. Под именами подразумеваются не только имена существительные и местоимения (хотя прежде всего именно они), но и любые частично или полностью субстантивированные части речи, главной чертой которых является способность коррелировать с актантом на пропозициональном уровне и с партиципантом на уровне онтологическом. Говоря предельно упрощенно, имена обозначают вещи (в широком смысле) или вещеподобные сущности, вовлеченные в реальные или воображаемые ситуации.

Предикаты — та часть лексики, которая используется для обозначения отношений (опять-таки в широком смысле слова, то есть отношений, включающих свойства, признаки и качества) между вещами. К предикатной лексике поэтому можно отнести и предлоги, и союзы, и прилагательные, но прежде всего, безусловно, глаголы. Особый статус глаголов придается им таким их

свойством, как *валентность*. Под валентностью имеется в виду способность глагола сочетаться (присоединять к себе, комбинироваться) с тем или иным количеством имен, причем номенклатура имен также не является произвольной, а задается семантикой глагольного слова. Так, глагол *to drop* делает возможным и высоковероятным употребление двух имен, причем не любых, а таких, одно из которых, как правило, обозначает некоего деятеля, совершающего акт, названный этим глаголом, а второе — как правило, некий предмет, являющийся объектом действия, названного данным глаголом: *Mary dropped a bag*. Не будет поэтому преувеличением сказать, что глагол своей валентностью создает проекцию всего возможного предложения, во всяком случае всех его наиболее кардинальных семантических составляющих. Неудивительно поэтому, что семантический сдвиг в глаголе, например при метафоризации, влечет немедленное изменение семантической конфигурации предложения, выражающейся, скажем, в исчезновении имени объекта глагольного действия и превращении предложения в двусоставное с фразеологическим сказуемым: *Mary dropped a remark*. В самом деле, в сочетании *to drop a bag* синтаксическая связь между компонентами полноценна и осмысленна; напротив, в сочетании *to drop a remark* синтаксическая связь между компонентами полностью выхолощена, а само сочетание обозначает, по сути, не что иное, как *to remark*: предложения *Mary dropped a remark* и *Mary remarked* вербализуют (то есть представляют в форме словесных знаков) одну и ту же пропозицию, концептуализирующую одну и ту же ситуацию действительности.

Вербоцентрическая концепция предложения (а именно так стала называться теория, согласно которой организующим центром, семантическим ядром предложения является глагол) положила, по крайней мере, на какое-то время конец длительной дискуссии синтаксистов о том, который из двух главных членов — подлежащее или сказуемое — является доминирующим в предикативной синтагме. Вопрос был однозначно решен в пользу сказуемого, так как именно оно выражается в типичном случае глаголом, а последний, как мы уже выяснили, способен открывать валентность не только на второстепенные члены предложения, например объект, но и на подлежащее.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что имеется в виду под «семантическим взрывом», произошедшим в лингвистике в середине XX в.?
2. Что имеется в виду под номинативной функцией предложения?
3. Какие свойства предложения позволяют рассматривать его как знак? Знаком чего является предложение?

4. Что имеется в виду под термином «онтологическая ситуация»? Какие термины, синонимичные ему, вы знаете?

5. Дайте определение пропозиции и раскройте ее сущностные характеристики. Проанализируйте функциональную значимость пропозиции в свете теории моделирования.

6. Каков статус пропозиции в системе отношений «внешний мир — мышление — язык»?

7. Что имеется в виду под именем пропозитивной семантики? Приведите примеры таких имен.

8. Что такое «предикатное выражение»? Каково соотношение между предикатным выражением и предложением, с одной стороны, и предикатным выражением и пропозицией — с другой?

9. Какова область применения понятий алломорфизма и изоморфизма в сфере семантического синтаксиса?

10. Назовите основные семантико-синтаксические теории, дайте их оценку.

ЛЕКЦИЯ 9

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС: ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТОВ И ПРЕДИКАТНЫХ АКТАНТОВ

1. Введение
2. Типы предикатов
3. Типология предикатных актантов

1. ВВЕДЕНИЕ

Пропозиция, как было установлено в предшествующей лекции, является бичленной структурой, состоящей из реляционного предиката и некоторого количества предикатных актантов (семантических ролей, семантических падежей). И реляционные предикаты, и актанты стали предметом многочисленных исследований, целью которых было прежде всего выявить их типы и охарактеризовать единицы, репрезентирующие каждый тип и подтип. Следует отметить, что, несмотря на годы поисков наиболее адекватных классификационных критериев и усилия в этой области большого количества специалистов (а может быть, благодаря этому), до сих пор не имеется общепризнанных таксономий (то есть классификационных обобщений) реляционных предикатов и актантов. Потому любое описание (не исключая, разумеется, и нижеследующего) будет с неизбежностью входить в противоречие с теми или иными из существующих типологий, что должно быть принято во внимание изучающими данный курс. Попытаемся дать наиболее теоретически «нейтральное», более или менее широко признанное и лишнее чрезмерной, на наш взгляд, детализации описание типов исследуемых объектов.

2. ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ

Предикаты можно классифицировать по двум взаимосвязанным основаниям:

- 1) по характеру отображаемого предикатом признака, или связи, безотносительно к актантной сетке пропозиции;
 - 2) по количеству актантных позиций, открываемых предикатом.
- Рассмотрим первый признак.

На основании того, отображает ли предикат пропозиции действие или состояние, он может рассматриваться как принадлежа-

щий к одному из двух основных типов — акциональному или статальному. Акциональные предикаты отражают действие или деятельность, а статальные — состояние или свойство. Что может помочь в практике лингвистического анализа разграничить акциональные и статальные предикаты; существуют ли какие-либо процедуры, технические приемы, нечто вроде тестов, применяя которые мы могли бы идентифицировать тип предиката?

Практика семантико-синтаксических исследований позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. В частности, предполагается, что если к предложению, содержащему лексему, которая формализует некоторый предикат, можно задать вопрос типа *What does/did he/she/it/they do?*, то такой предикат является акциональным. Например, в предложении *John hit Bill* лексема *hit* является словесным выражением акционального предиката, поскольку к предложению может быть задан вопрос *What did John do to Bill?* Напротив, в предложении *John hates Bill* лексема *hate* не является словесным выражением акционального типа предиката, поскольку к нему не может быть задан вопрос *What does John do to Bill?* В таком случае мы диагностируем тип предиката как статальный, и к такого рода предложениям будут уместными вопросы типа *What is John's attitude to Bill?*; *What are the relations between John and Bill?*; *How does John treat Bill?* и т. п.

Таким образом, несложно заметить, что к числу статальных относятся предикаты, отражающие:

- абстрактные отношения (ненормативно **What does the bridge do? — It connects the banks of the river;* **What does the kettle do? — It contains water;*);
- эмоциональные и ментальные состояния (ненормативно **What does she do? — She likes animals;* **What does the boy do? — He knows the answer;* **What do they do? — They understand it;*);
- чувственное восприятие (ненормативно **What does he do? — He hears their voices;* **What does she do? — She sees a picture.*).

Последний случай, однако, нуждается в уточнении. Когда мы говорим о предикатах чувственного восприятия, необходимо учитывать, что они представлены двумя подтипами. Первый подтип — это предикаты ненаправленного, произвольного чувственного восприятия (*to see, to hear*). Второй подтип — это предикаты направленного, произвольного чувственного восприятия (*to look, to watch, to listen*). И если в предложении представлен этот последний тип предиката, то он квалифицируется как акциональный, что следует из возможности постановки к предложениям с вышеназванными предикатами вопросов типа *What does he do?* (*What did he do? — He looked at the picture.*).

Второй критерий различия между акциональными и статальными предикатами основывается на способности первых и неспособности вторых представлять обозначаемое действие как локализованное

ное в виде точки или отрезка на временной оси. Это означает, что акциональные предикаты могут реализовываться в структуре предложения в глагольной лексеме в форме длительного вида, а стальные предикаты — не могут: *John was writing a letter; Bill was sitting on a bench*, но не **John was hating Bill; *Bill was knowing the answer*.

Возможность/невозможность локализации действия на временной оси в виде точки или отрезка имеет своим следствием и возможность/невозможность (лучше было бы сказать нормативность/ненормативность) употребления в предложении обстоятельств времени и места: *He sat (was sitting) on a bench all morning* — ср. **He hated (was hating) him all morning; *The team won the game in London* — ср. **She believes (is believing) in God in London*.

В последнюю очередь укажем на частеречную принадлежность слова, выражающего предикат, в качестве критерия разграничения между акциональным и стальным его типами. Если предикат в структуре предложения выражается глагольной лексемой, то он может быть как акциональным, так и стальным. Если же он выражается именем прилагательным, то практически всегда мы имеем дело только со стальным предикатом: *The book is interesting; Bill was nervous; The food was delicious*. Поскольку английское причастие обнаруживает в себе адъективные признаки, то предикаты, выраженные причастиями, также будут характеризоваться как стальные: *She was completely satisfied; Her manners were charming*.

Разумеется, все вышеописанные способы носят общий, а потому довольно абстрактный характер. В реальной речи часто приходится иметь дело с разного рода транспозициями, сдвигами значений и другими семантическими метаморфозами, вследствие которых, например, узуально стальной предикат осмысливается как акциональный. Так, сравнивая предложения *You are kind* и *You are being kind*, видим, что в первом из них реализован стальной тип предиката в полном соответствии с тенденциями его языковой формализации, изложенными выше. Во втором предложении прилагательное *kind* репрезентирует тип предиката, прочитываемый как акциональный, поскольку в данном случае имеется в виду не вневременной признак субъекта (свойство быть добрым), а, скорее, его поведение, его действия в данную минуту, позволяющие ему имитировать внешние проявления доброты, что способствует смысловому приращению, которое можно интерпретировать так: «Хотя ты человек недобрый, но ведешь себя (поступаешь, действуешь, проявляешь себя) так, как это свойственно доброму человеку». Возможность смысловых приращений при речевых реализациях следует всегда учитывать, и при решении вопроса об отнесении предиката к тому или иному типу всегда необходимо делать на нее поправку.

По признаку количества индуцируемых реляционным предикатом актантов предикаты делятся на следующие:

- *ноль-местные (авалентные)*;
- *одноместные (моновалентные)*;
- *двуместные (бивалентные)*;
- *трех- и многоместные (поливалентные)*.

Под *валентностью*, как было установлено в предыдущей лекции, имеется в виду способность предиката «притягивать» к себе, или сочетаться, или открывать места/позиции на то или иное количество актантов с определенными ролевыми характеристиками. При этом имеется слабо выраженная корреляция между валентностной потенцией предиката (то есть его способностью детерминировать количество актантов) и его принадлежностью к акциональному либо статальному типу. Одноместные предикаты чаще являются статальными, двуместные не проявляют выраженных предпочтений в ту или иную сторону, трехместные и остальные поливалентные предикаты, как правило, акциональны.

Ноль-местный предикат — весьма специфический тип, отличающийся тем, что он вообще не открывает мест на какие-либо актанты, то есть отражает онтологические ситуации без партиципантов. Возможны ли такие ситуации? Возможны, если речь идет об очень ограниченном круге явлений, охватывающих некоторые природные процессы, например: *It's getting dark; It rains; It snows*. Такие предложения, безусловно, обозначают некий природный или погодный процесс, однако выделить участников этого процесса не так-то просто: все происходит как бы само собой, никто/ничто конкретно не является носителем обозначенного предикатом состояния и не характеризуется обозначенным предикатом признаком. Появление же в английском предложении местоимения *it* мотивируется сугубо структурными, формальными причинами: английский язык, как известно, не выработал бесподлежащую структуру предложения, и появление слова «пустышки» *it* мотивируется лишь необходимостью заполнения соответствующей синтаксической позиции, не более того. Заметим, что соответствующие русские безличные предложения в этом смысле куда более изоморфны структуре пропозиции и природе обозначаемой онтологической ситуации, так как они не допускают появления формального подлежащего (*Вечеревет; Темнеет; Смеркается; Дождит*). В тех же случаях, когда русское предложение формально двусоставно (*Идет дождь; Идет снег*), семантический предикат реализуется не в глаголе, а в существительном; функции глагола в данном случае сводятся к привязке признака, обозначенного предикатом, к сфере настоящего (*Идет дождь*), прошедшего (*Шел дождь*), будущего (*Пойдет дождь*), к сфере реального или гипотетического (*Идет дождь; Пошел бы дождь*). Для описанных здесь ситуаций — ситуаций без участников — в семантическом синтаксисе предложен специальный термин «амбиентная ситуация».

3. ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТНЫХ АКТАНТОВ

Предваряя рассмотрение типов *предикатных актантов*, следует отметить, что семантическому синтаксису не удалось сформулировать общепринятой их классификации. В концепциях различных авторов количество предикатных актантов варьирует в довольно широких пределах — от 6—7 до 25 и более. Причины такого количественного варьирования кроются не в отсутствии объективных критериев при работе с семантическими сущностями, а в различной степени дробности, с которой ученые подходят к объекту таксономии. В данной лекции, следуя провозглашенному в самом ее начале принципу «нейтральности» описания, мы выбираем некий срединный вариант, то есть не ограничиваемся минимальным набором актантов, но и не увеличиваем их количество до максимальных величин. Все тем же принципом «нейтральности» описания диктуется избранный нами классификационный критерий, в соответствии с которым все предикатные актанты можно подразделить на два больших подтипа:

- 1) предикатные актанты, отражающие одушевленные существа;
- 2) предикатные актанты, отражающие неодушевленные предметы.

Признак одушевленности/неодушевленности партиципанта ситуации является чрезвычайно важным, так как он определяет его способность/неспособность инициировать действие, испытывать состояние, оказывать сопротивление воздействию, каузировать (быть причиной) состояние и т.д. Начнем с рассмотрения перечня предикатных актантов, которые отражают одушевленных *партиципантов ситуации*.

Агентив (агенси) — актант, отражающий одушевленного участника ситуации, часто человека, сознательно и целенаправленно действующего в некоторой ситуации, как правило, оказывающего какое-либо воздействие на некоторый объект с намерением достичь той или иной цели. В предложениях *The boy broke the window; John opened the door; Mary is writing a letter* слова *boy, John, Mary* репрезентируют семантические агентивы. Агентив в структуре пропозиции обычно сочетается с акциональным дву- или многоместным предикатом.

Пациентив (пациенс) — актант, отражающий одушевленного участника ситуации, испытывающего чье-либо действие или воздействие, пассивный объект влияния с чьей-либо стороны. В предложениях *John hit Bill; Peter underwent a surgical operation; The boy was mocked at* слова *Bill, Peter, boy* формализуют пропозициональные пациентивы. В структуре пропозиции пациентив чаще всего сочетается с агентивом посредством дву- или многоместного акционального предиката.

Бенефактив (бенефициант) — актант, отражающий одушевленного участника ситуации, к чьей выгоде или в ущерб которому совершается некоторое действие, получатель или объект отчуждения каких-либо благ или ценностей. В предложениях *John received a birthday present; Mary gave Bill a book; The mother bought her son a pair of jeans* слова *John, Bill, son* являются репрезентантами (внешними словесными выразителями) бенефактивов. Бенефактивы также ассоциируются в пропозициональной структуре с агентами и дву- или множественными акциональными предикатами. Следует отметить, что синкретизм двух семантических ролей — агента и бенефактива — не является невозможным. Это происходит в тех случаях, когда активно действующий субъект сам совершает некоторое действие к своей же выгоде или пользе: *The girl bought herself a pair of jeans*. В семантическом синтаксисе считается, что пропозиции, в состав которых входит бенефактив, отражают так называемые бенефактивные ситуации. Некоторые ученые указывают, что бенефактивные ситуации являются семантическими дериватами бенефактивных состояний, то есть положений дел, характеризующихся наличием чего-либо у какого-либо лица: *John has a car; Mary owns a house*. Бенефактивное состояние отражается на пропозициональном уровне с помощью статального предиката, а на языковом уровне обозначается глагольной лексемой *to have* или ее синонимами — *to own, to possess, to belong* и т. д. В семантико-синтаксической теории принято также различать внутренний бенефактив и внешний бенефактив: первый обязательно входит в состав пропозиции и обычно ассоциируется с бенефактивным состоянием; второй входит в состав пропозиции факультативно и обычно ассоциируется с бенефактивной ситуацией. Языковым показателем принадлежности бенефактива к числу внутренних или внешних является соответственно облигаторность/факультативность их репрезентаций в структуре предложения: невозможно опущение слов с бенефактивным значением в предложениях типа *He has an apartment; Mary owns a car*, в то время как нормативным является и *She bought a pair of jeans and she bought a pair of jeans for Tom*. Вообще, тест на возможность вынесения слова с бенефактивным значением в виде словосочетания с предлогом *for* является полезным исследовательским приемом для установления внешнебенефактивного характера соответствующего актанта.

Экспериенсив (экспериенцер) — актант, отражающий одушевленного участника ситуации, выступающего носителем некоего физического или ментального состояния; некто, испытывающий какую-либо эмоцию или являющийся субъектом чувственного восприятия. В предложениях *John knows the answer; Mary is ill; The boy is clever; Peter sees a bird* экспериенсивы формализуются словами *John, Mary, boy, Peter*. Экспериенсивы обычно входят в состав про-

позиции со статальными моновалентными, иногда бивалентными предикатами. Иногда в составе экспериенсивов выделяют особую их группу — перцептив, то есть только тот экспериенсив, который отражает субъект чувственного восприятия, что на языковом уровне находит свое выражение в виде соответствующего набора лексем: *to hear, to see, to perceive, to feel* и т. д. Пропозиции с экспериенсивами ведут себя на языковом уровне типичным для пропозиции со статальным предикатом образом:

- они «не любят» адвербиальных уточнителей (**John understood the problem at 5 p. m.; *She knows the answer at home*);
- они сопротивляются длительной аспекуализации (**He was seeing a bird; *She was knowing the answer*);
- они допускают адъективную форму выражения (*She is nervous; He is happy*).

Перейдем теперь к характеристике (по необходимости столь же краткой) предикатных актантов, отражающих неодушевленных участников ситуации.

Объектив (объект) — актант, отражающий неодушевленного участника ситуации. Это наиболее «размытый» семантический падеж, часто характеризующийся скорее отрицательно, чем положительно: под объективом многие специалисты склонны усматривать все те случаи выражения неодушевленных участников ситуации, что не описываются в терминах семантических падежей с более узким и определенным диапазоном значений. В предложениях *Mary is reading a book; John sees a bird; Peter likes ice-cream* слова *book, bird, ice-cream* являются объективами. Наличие объектива в составе пропозиции диагностируется и с помощью теста на наличие агентива; связь, однако, тут асимметричная: наличие объектива всегда свидетельствует о наличии агентива. С другой стороны, наличие агентива не всегда предполагает наличие объектива.

Фактитив (результатив) — актант, отражающий неодушевленного участника ситуации, возникающего или исчезающего в результате действия или воздействия. В типичном случае фактитив входит в состав пропозиции с бивалентным или поливалентным акциональным предикатом. Как и в случае с объективом, наличие фактитива в составе пропозиции с неизбежностью предполагает наличие агентива. Однако как и в случае с объективом, обратное неверно: наличие агентива не влечет за собой в обязательном порядке появление фактитива. В предложениях *Mary wrote a letter; John ruined the house; Peter drew a picture* слова *letter, house, picture* являются языковыми коррелятами фактитивов. Выделение фактитива в самостоятельный семантический падеж делает возможным увидеть разницу между такими, казалось бы, семантически идентичными предложениями, как *Mary is reading a book* и *Mary is writing a letter*. В первом предложении слово *book* формали-

зует объектив, так как книга не возникла и не исчезла в результате воздействия на нее со стороны Мэри; она существовала как до, так и после ее прочтения. Во втором предложении слово *letter* формализует фактитив, так как письмо в отличие от книги в первом примере не существовало до акта его написания и возникает лишь благодаря воздействию на него со стороны агента.

Инструментатив (инструменталис) — актант, отражающий неодушевленного участника ситуации, с помощью которого производится некоторое действие или оказывается некоторое воздействие. Инструментатив является частью пропозиции с поливалентным акциональным предикатом, включающей в обязательном порядке агентив, а также, как правило, объектив и/или фактитив. На языковом уровне инструментатив обычно реализуется в виде словосочетания с предлогом *with*, иногда с помощью иных средств: *by means of*, *with the help of* и др. В предложениях *The victim was killed with the hammer*; *The letter was written in ink*; *The fish was caught by means of a fishing rod*; *The flames were put down with the help of the fire-extinguisher* слова *hammer*, *ink*, *fishing rod*, *fire-extinguisher* являются лексическими обозначениями внешнего инструментатива. Помимо внешнего инструментатива, обозначаемого в предложении специализированными средствами, существует еще и внутренний инструментатив, инкорпорированный в глагольную лексему — такую, которая образована способом конверсии от соответствующего имени существительного: *He hammered the nail onto the wall*; *She pinned the notice onto the notice-board*. Глагольные лексемы в этих предложениях синкретично обозначают и действие, и тот инструмент, с помощью которого это действие совершается. Поэтому дополнительно к глаголу экспликация инструментатива в таких случаях не допускается: «*to hammer with a hammer*», «*to pin with a pin*». В отличие от случаев внутреннего инструментатива, когда определение инструмента, с помощью которого совершается действие, не вызывает никаких затруднений, квалификация (то есть однозначное определение) инструмента может быть проблематичной, когда действие обычно, но не всегда совершается определенным образом. Можно с высокой степенью вероятности предсказать, что режут обычно ножом, копают обычно лопатой, рубят обычно топором и т. п. Это, однако, не означает, что для совершения указанных действий могут быть использованы исключительно данные инструменты. Но все же считается, что предложение *They dug a deep ditch* формализует пропозицию, в составе которой имеется инструментатив, причем этот инструментатив отражает определенный онтологический объект — лопату, так как если бы рытье канавы осуществлялось не лопатой, а каким-то другим, менее привычным способом, то имя этого инструмента появилось бы в составе предложения как информационно значимое.

Элементатив — актанта, отражающий стихийные силы природы, активно проявляющие себя в некоторой ситуации. В предложениях *The wind opened the door; The storm broke the boat* слова *wind* и *storm* являются экспликаторами элементативов. Элементативы обычно встречаются в пропозициях с акциональными бивалентными предикатами, однако не только в них. Например, в предложении *The wind is blowing* предикат статальный и авалентный, причем выражен он не в глагольной лексеме *to blow*, а в существительном *wind*. По сути, мы имеем здесь дело с ambientной ситуацией наподобие тех, что обозначаются безличными предложениями с десемантизированным подлежащим *it*: *It is raining; It is getting dark*. Разница лишь в том, что в предложении *The wind is blowing* десемантизированным оказывается грамматическое сказуемое, ибо с точки зрения лексического значения оно полностью дублирует действие, обозначенное подлежащим, и предназначено лишь для выполнения грамматических функций отнесения действий к сфере настоящего (*is blowing*), прошедшего (*was blowing*), будущего (*will be blowing*), а также к сфере гипотетического (*would be blowing*). Одним из свойств элементатива, которое можно рассматривать в качестве его диагностирующей черты, является его неспособность сочетаться в составе пропозиции с инструментативом, что на языковом уровне проявляется в невозможности построений типа **The wind opened the door with a key; *The hail broke the roof of the house with balls of ice*.

Локатив — актанта, отражающий место возникновения/развертывания/совершения/бытия ситуации. На первый взгляд кажется, что поскольку любая ситуация локализована в пространстве, то локатив должен входить в состав любой пропозиции, однако на деле это не так. Несмотря на то что темпоральные и локальные характеристики действительно присущи любой ситуации, они не являются существенными для большинства пропозиций, поскольку пропозиция отражает не все параметры ситуации, а лишь наиболее релевантные, узловые, дифференцирующие одни ситуации от других. Локатив выделяется в составе пропозиции тогда, когда того требует семантика предиката, иными словами, тогда, когда место «бытия» ситуации переходит из статуса ее общего фона в статус одной из ее узловых характеристик. В предложениях *John went home; She keeps her diary in a drawer; They left the office* слова *home, drawer, office* репрезентируют локатив. Отличительной чертой локатива является то, что статальный или акциональный бивалентный предикат, открывающий валентность на локатив, в поверхностной структуре предложения очень часто выражается предложением, а не глаголом или прилагательным как наиболее типичными предикатными словами. Так, в предложениях *The book is on the table; The book is in the table; The book is under the table; The book is behind the table* слово *table* обозначает локатив, предлоги *in, on, under,*

behind выражают реляционный предикат — в данном случае стальной бивалентный.

Партитив — актант, отражающий в качестве участника ситуации часть тела человека. Из этого определения видно, что партитив можно лишь с определенной долей условности отнести к числу актантов, отражающих неодушевленных партиципантов ситуации. В предложениях *The letter is written by hand; He opened the door with his leg; The football player hit the ball with his head* слова *hand, leg, head* являются партитивами. Довольно часто слова с партитивным значением входят и в состав устойчивых коллокаций (нечто вроде идиом), обозначающих действие, производимое определенной частью человеческого тела: *to nod one's head, to shrug one's shoulders, to wink one's eyes, to clap one's hands, to shake one's head, to clench one's fists/teeth* и др. Вот почему при языковой реализации пропозициональной структуры, включающей партитив, появление слова с партитивным значением не всегда обязательно; предложение *He nodded* однозначно понимается как *He nodded his head*, потому что кивнуть можно только головой и никакой другой частью тела. Глагол *to nod* «зарезервирован» языковой системой для обозначения движений головы, что делает появление слова, обозначающего голову, в составе предложения излишним. Существуют и другого рода случаи, когда партитив, присутствуя в пропозициональной структуре предложения, никогда не выражается в поверхностной структуре предложения. Это происходит при использовании во внешней структуре предложения некоторых глагольных лексем, например *to applaud, to swallow, to kick*. Партитив в силу своей природы всегда соотносится в составе пропозиции с актантом, обозначающим одушевленного партиципанта ситуации.

Вышеприведенная типология предикатов и предикатных актантов, как было уже указано, носит некий усредненный, приблизительный характер и в принципе допускает как расширение, так и сужение охватываемой ею номенклатуры элементов. Решающим фактором расширения или сужения классификационного ряда является склонность исследователя к более дробному или, наоборот, к более обобщенному представлению элементов классификации. Так, в предложении *The letter was written in ink/with a pen/ by hand/by Tom* слова *ink, pen, hand, Tom* можно представить либо как эксплицирующие один и тот же семантический падеж, либо четыре разных семантических падежа.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. По какому критерию и на сколько групп можно подразделить реляционные типы предикатов?
2. Каковы диагностирующие процедуры, позволяющие определить принадлежность предикатов к тому или иному типу?

3. Каким образом тип предиката связан с количеством открываемых им мест для семантических падежей?
4. На основании какого критерия можно подразделить все предикатные актанты на две группы? Почему этот критерий наиболее существен?
5. Перечислите все предикатные актанты, отражающие одушевленных участников ситуации.
6. Перечислите все предикатные актанты, отражающие неодушевленных участников ситуации.
7. Что имеется в виду под бенефактивной ситуацией? Семантическим дериватом чего является бенефактивная ситуация?
8. Что такое амбиентная ситуация? В чем состоит специфика обозначения амбиентных ситуаций в русском и английском языках?
9. В чем заключается отличие между объективом и фактитивом?
10. Что такое перцептив? Подвидом какого семантического актанта он является?

ЛЕКЦИЯ 10

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС: ВКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕДИКАТЫ (НЕПРЕДИКАТНЫЕ ФУНКТОРЫ И ОПЕРАТОРЫ)

1. Введение
2. Фазовые непредикатные функторы
3. Каузативные непредикатные функторы
4. Модусные непредикатные функторы
5. Операторы

1. ВВЕДЕНИЕ

В предшествующих лекциях мы рассматривали *семантические предикаты* как форму мыслительного отражения отношений действительности и как способ связывания семантических актантов в пропозициональную структуру. Однако все ли предикаты выполняют именно эти две функции? Не следует ли искать предикатные смыслы другой функциональной природы?

Предпринятые в семантическом синтаксисе поиски в указанном направлении привели к интересным результатам. Анализ языкового материала показал, что предикатная лексика функционально гетерогенна: она может служить не только внешним знаковым способом выражения реляционного предиката пропозиции (как, например, глагол *to love* в предложении *John loves Mary*), но и выражать другие предикатные смыслы, отличные от этих. Так, не вписываются в рассматривавшуюся до сих пор модель функционирования предикатной лексики такие предикаты, как *to continue* в предложении *John continues to love Mary*, как *must* в предложении *John must love Mary*, как *to believe* в предложении *I believe that John loves Mary* и др. В связи с необходимостью распределения различных типов предикатов по классам в лингвистику был введен термин *функтор*; при этом функторы разделили на два основных типа: *предикатные* и *непредикатные*. Предикатные функторы, или функторы первого ранга, стали определяться как такие, которые открывают места для актантов в пропозиции. Непредикатные функторы, или функторы второго ранга, стали рассматриваться как такие, которые открывают места на предикатные функторы, а не на актанты. Выстроилась своеобразная иерархия функторов: непредикатные функторы, как функторы высшего порядка, получили статус включающих; предикатные, как функторы низшего

порядка, получили статус включенных. Подобно тому как предикатные функторы можно типологизировать в соответствии с определенными признаками (см. предыдущую лекцию), точно так же непредикатные функторы можно разбить на три класса: фазовые, каузативные, модусные.

2. ФАЗОВЫЕ НЕПРЕДИКАТНЫЕ ФУНКТОРЫ

Этот тип функторов отражает фазу того действия или состояния, которые отражены предикатными функторами. На языковом уровне фазовые функторы обозначаются лексемами *to start, to begin, to continue, to commence, to go on, to resume, to stop, to end, to finish, to keep* и т. п. Например, в предложении *She continued to write a letter* отношения между актантами, выраженными словами *she* и *letter*, отражаются в предикатном функторе, обозначенном в структуре предложения глаголом *to write*; именно этот глагол открывает валентности на слова с агентивным и объектным значением. Глагол *to continue*, как и положено непредикатному функтору, не открывает валентности на актанта, но открывает валентность на предикатный функтор, ибо, будучи сам по себе неполнозначным, он нуждается в знаке того действия или состояния, фазу которого он обозначает. Это как будто противоречит языковым фактам, среди которых мы встречаем случаи экспликации фазовых функторов при отсутствии знакового обозначения предикатных функторов, как, например, в предложениях *The car stopped; The girl started a letter; The artist has finished his picture at last*. На самом деле никакого противоречия здесь нет, и вот почему. Опускание в поверхностной структуре предложения слова, обозначающего процесс, действие или состояние, связывающее партиципантов ситуации, вовсе не означает, что коррелятивная предложению пропозиция лишена реляционного предиката, ибо без него пропозиция попросту не существует. На пропозициональном уровне не происходит никакой семантической редукции, и предложение *The car stopped* осмысливается как *The car stopped moving; The girl started a letter* — как *The girl started to write a letter; The artist has finished his picture at last* — как *The artist has finished to paint his picture at last*. Опускание в поверхностной структуре предложения имен отношений, связывающих аргументы пропозиции, возможно потому, что человек, опираясь на имеющуюся в его голове концептуальную картину мира, обладает способностью к выводному знанию. Эта способность помогает ему понять, например, предложение *The car stopped* как *The car stopped moving* потому, что из жизненного опыта ему известен ограниченный круг действий, который может совершать автомобиль: автомобиль — это прежде всего средство передвижения, и если автомобиль останавливается, то останавливается он в

своём движении, а не в написании (письма) или рисовании (картины), ибо вероятность этих последних действий отбраковывается нашим сознанием как несовместимая с теми обычными функциями, которые выполняет автомобиль. Таким образом, предикатный функтор имплицитно присутствует в семантике предложений рассматриваемого типа; непредикатный функтор присутствует в структуре таких предложений эксплицитно, поскольку именно он попадает в информационный фокус высказывания, становится информационно значимым.

Иногда в поверхностных реализациях пропозиций встречаются так называемые «склейки» фазового и предикатного функторов, то есть случаи, когда оба функторных смысла выражены в одной лексеме. В русском языке такие примеры встречаются довольно часто: *Он закурил = Он начал курить*; *Она запела = Она начала петь*. В английском языке с его развитой системой видовременных форм глагола некоторые из этих форм могут рассматриваться как случай вышеупомянутой «склейки»: глагол не только называет действие, но и эксплицитно указывает его фазовую специфику. Например, в предложении *This factory has been manufacturing tools for a century already* аналитическая форма глагола *to manufacture* показывает:

а) какого рода отношениями связаны партиципанты онтологической ситуации — фабрика и инструменты (отношениями производства, изготовления);

б) в какой фазе находятся эти отношения (процесс изготовления начался, в настоящий момент продолжается и еще не завершен).

Подчеркнем, что, несмотря на слитность функторных смыслов в одной лексеме на поверхностном уровне, на глубинном уровне разные функторные смыслы оказываются достаточно четко дифференцированными, поскольку осознаются как нетождественные.

3. КАУЗАТИВНЫЕ НЕПРЕДИКАТНЫЕ ФУНКТОРЫ

Данный тип функторов имеет значение причинности действия, состояния или отношения, отражаемого предикатными функторами. В поверхностной структуре предложения каузативные функторы выражаются двумя основными способами. Первый способ — это специализированные в данной функции союзы, а также некоторые предлоги: *because, since, for, as, with* и др. Когда мы имеем дело с каузативными функторами, выражаемыми подобным образом, то налицо так называемая **каузативная ситуация**, которая имеет трехчленную природу:

- событие-антецедент;
- **каузатив**;
- событие-консеквент.

Например, в предложении *Since he was severely criticized, John felt bad* событие-антецедент (критика Джона со стороны кого-то) вызывает (каузирует, является причиной) событие-консеквент (Джон чувствовал себя плохо). Связь между этими двумя событиями маркируется в поверхностной структуре предложения союзом *since*. И хотя в реальности событие-антецедент всегда предшествует событию-консеквенту, в структуре предложения часто наблюдается инверсия, или обратный порядок следования событий: *John felt bad since he was severely criticized*. Такие случаи не создают никаких трудностей в интерпретации человеком последовательности событий, так как его концептуальная картина мира включает знание о причинно-следственных связях, то есть о том, какое событие влечет некое следствие в виде другого события.

Следует отметить, что далеко не всегда каузативные ситуации представлены в структуре предложения столь изоморфно, как в только что проанализированном примере. Часто предложение демонстрирует свернутый модус семантически трехчленной каузативной ситуации, причем свертке, как правило, подвергается обозначение ситуации-антецедента. При этом в случае необходимости ситуация-антецедент может быть эксплицирована в поверхностной структуре предложения с разной степенью точности. Например, предложения *He shrieked with pain; She was crying in despair* вполне однозначно разворачиваются до полностью выраженных причинно-следственных конструкций: *He shrieked because he felt pain; She cried because she was desperate/because she was in a desperate situation*. Другие предложения со свернутым антецедентом можно восстановить до изоморфных каузативной ситуации с меньшей степенью однозначности. Например, предложение *She was late because of the plane* может допускать ряд вариантов расширения: *She was late because the plane was late/because the plane broke down/because the plane was hijacked/because the flight was cancelled* и т. п. Наконец, существуют конструкции, лишь слабо намекающие на характер причины, а потому допускающие очень широкий круг возможностей для их потенциального расширения. Так, в предложении *My whole life is ruined because of you* антецедент характеризуется слабо прогнозируемой природой: *My whole life was ruined because you don't like me/because you are not loyal to me/because you fell out of love with me/because you never follow my advice/because your business failed/because you have no respect for me* и т. д. Возможность свернутой представленности антецедента в поверхностной структуре предложения диктуется, по-видимому, тем обстоятельством, что в реальности коммуниканты всегда знают, о чем идет речь, и избегают коммуникативной избыточности, либо тем, что конкретный характер антецедента представляется коммуникантам информационно несущественным, не находится в коммуникативном фокусе высказывания и поэтому его развертыванием можно

спокойно пренебречь, не нанося этим ущерба успешности коммуникативного акта.

Вторым распространенным способом выражения каузативных функторов является использование каузативных глаголов (каузативов), которые бывают двух видов: чистые каузативы и опять-таки «склейки». Чистые каузативы специализированы в функции передачи идеи причинности и представляют собой весьма немногочисленную группу глагольных лексем: *to cause*, *to make*, *to get*, *to have*, иногда также *to force*, *to let* и другие подобные глаголы, в структуре значения которых к доминирующей семе каузации примешиваются и другие семы. Можно привести множество примеров употребления таких глаголов: *The teacher made the children sing*; *I was literally forced to comply* и т. п. Чистые каузативы, будучи малочисленными, представляют собой закрытый список слов. В отличие от них вторая группа каузативных глаголов, включающих сему каузативности наряду с другими семами, является неизмеримо более многочисленной и представляет собой открытый список. Некоторые из этих глаголов маркированы морфологически, то есть с помощью словообразовательных аффиксов. В английском языке число таких аффиксов очень невелико, к тому же они не представляют собой продуктивную словообразовательную модель, поэтому и количество глаголов с такими аффиксами сравнительно мало. Примером могут служить следующие словоформы:

- на *-en* (*to strengthen = to cause to become strong*; *to lengthen = to cause to become long*; *to widen = to cause to become wide*; *to blacken = to cause to become black*);
- на *-ize* (*to modernize = to cause to become modern*; *to familiarize = to cause to become familiar*; *to legalize = to cause to become legal*);
- на *-fy* (*to purify = to cause to become pure*; *to clarify = to cause to become clear*; *to simplify = to cause to become simple*);
- а также с префиксом *en-* (*to enlarge = to cause to become large*; *to enslave = to cause to become a slave*; *to enrich = to cause to become rich*).

В большинстве же каузативных глаголов каузативность морфологически не маркирована. Такие глаголы образуются в английском языке разными путями, из которых представляется целесообразным выделить три основных.

Во-первых, каузативные глаголы образуются как парные к исходно некаузативным по типу *to die — to kill*, *to learn — to teach*. Отметим, что некаузативное состояние всегда рассматривается как исходное, первичное, поскольку с семантической точки зрения оно более простое. Для толкования значения *to die* (*to cease to exist*) нет необходимости прибегать к толкованию значения *to kill*; для толкования значения *to kill* необходимо прибегать к толкованию значения *to die* (*to kill = to cause to die = to cause to cease to exist*).

Во-вторых, каузативные лексемы появляются в результате такого широко распространенного и в высшей степени продуктив-

ного способа словообразования в современном английском языке, как конверсия. Например, глагол *to cool* от прилагательного *cool*, глагол *to bridge* от существительного *a bridge* и т. д.

В-третьих, сема каузативности может развиваться внутри самой глагольной лексемы так, что в итоге мы имеем два аллолекса, различающихся по отсутствию/наличию этой семы (*to run*₁/*to run*₂; *to move*₁/*to move*₂; *to walk*₁/*to walk*₂), например: *He can run fast/He ran his eyes through the letter; He was moving slowly in the dark of the night/He was moving the armchair across the room; He walks in the park every evening/He walks his dog in the park every evening*. Несомненно, ведущую роль в выявлении семы каузативности в таких глагольных лексемах следует отнести синтаксису, так как именно сочетаемость глагола позволяет выявлять данную сему. Вообще, характерной чертой современного английского языка является приобретение семы каузативности изначально некаузативными глаголами, что выявляется синтагматически: *Birds fly/He flew his plane over the river; He often gambles/He gambled all his money away*.

В дополнение к двум основным способам выражения каузативности следует упомянуть еще и возможность ее выражения с помощью существительных типа *reason, cause, consequence* и т. п.: *She left home as a consequence of her father's rude behaviour*.

4. МОДУСНЫЕ НЕПРЕДИКАТНЫЕ ФУНКТОРЫ

Модусные функторы представляют собой нечто среднее между предикатными и непредикатными функторами, обнаруживая признаки и тех и других. С предикатными функторами их роднит то, что они способны отражать некую ситуацию действительности, а с непредикатными — то, что эта ситуация никогда не рассматривается как самостоятельная, самодостаточная, завершенная. Это связано с тем, что модусные функторы призваны «обрамлять» диктумную часть высказывания, или, говоря по-иному, служить ее модальной рамкой.

Учение о диктуме и модусе восходит к воззрениям французского лингвиста Ш. Балли, согласно мнению которого каждое высказывание содержит обозначение как объективного положения дел, ситуации действительности (*диктум*), так и способов «привязки» этого объективного положения дел к ситуации общения (*модус*). Диктум является «сердцевиной» высказывания, его константой, сохраняющейся при его варьировании в плане коммуникативной целеустановки, темпоральности, отрицания и т. п., составляющих его модальную рамку. Так, целый ряд предложений: *John is a student; If only John were a student; I wish John were a student; John was a student; John will be a student; I think that John is a student; John is likely to be a student; Is John a student?; John is not a*

student; *I doubt that John is a student* — обнаруживают общность диктумного компонента (есть некто Джон, который рассматривается в связи с характеристикой/свойством «быть студентом»), но различаются модусом (свойство быть студентом приписывается Джону как реальное или гипотетическое, твердо установленное или сомнительное, относимое к сфере настоящего, прошедшего или будущего, отрицаемое говорящим и т. д.). Данный краткий экскурс в историю вопроса о соотношении диктума и модуса упрощает задачу объяснения понятия модусного функтора.

Трактовка понятия модуса Ш. Балли перекликается с понятием модусного функтора в семантическом синтаксисе, однако модусный функтор интерпретируется более ограниченно: под ним имеется в виду функтор, отражающий мыслительную деятельность человека, оценивающего положение дел как фрагмент действительности, а также функтор, отражающий речевую деятельность человека.

На формально-языковом уровне модусные функторы выражаются глаголами, но только такими, которые репрезентируют весьма специфический тип реляционного предиката: такой предикат имеет одну валентность на актанта, отражающий партиципанта ситуации (это свойство модусных функторов сближает их с предикатными), а вторую — не на актанта, а на другую пропозицию, без которой значение модусного предиката остается «половинчатым», неполным, незавершенным. Эта невозможность формирования самостоятельной пропозиции без помощи другой пропозиции ставит модусный предикат в один ряд с другими непредикатными функторами. Итак, что это за глаголы?

Это глаголы типа *to think*, *to believe*, *to consider*, *to suppose*, *to presume*, *to assume*, *to guess*, используемые в функции сказуемого главной части сложноподчиненного предложения. Кроме того, это глаголы *to say*, *to tell* (но не *to speak*), а также любые другие, способные вводить комплексное дополнение: *to see*, *to watch* (но не *to look*), *to hear* (но не *to listen*). Вдобавок модусные смыслы могут выражаться модальными глаголами, глагольными словосочетаниями типа *to be likely*, *to be sure* и модальными словами *perhaps*, *maybe* и т. п.

Обратим внимание на то, что некоторые из вышеупомянутых глаголов могут функционировать и в качестве репрезентантов предикатных функторов. В этом случае они семантически вполне самодостаточны, открывая валентности на актанта, но не на пропозицию: *I believe you*; *John was thinking hard*; *Mary is considering the offer*. В качестве репрезентантов модусных функторов такие глаголы встречаются в конструкциях типа *I think (believe, suppose, etc.) that Peter is ill*. Данный пример демонстрирует языковое означивание двух ситуаций: завершенной и самодостаточной (*Peter is ill*) и незавершенной, несамодостаточной (*I think that...*). Примерно то же самое наблюдаем и в конструкциях с комплексным дополнением: *I saw him cross the street*; *I heard her sing*.

В семантико-синтаксических исследованиях было установлено, что некоторые глаголы (так называемые **предикаты пропозициональной установки**) способны маркировать вводимую ими пропозицию, то есть, по сути, диктумную часть высказывания, как фактивную или нефактивную. **Фактивность пропозиции** означает представленность ее как факта действительности, того, что имеет/имело место в реальности (вспомним понятие атомарного факта). **Нефактивность пропозиции** означает представленность ее как нефакта — такого положения дел, которое могло бы иметь место в действительности, но на самом деле его существование проблематично. Так, в предложении *I knew (understood, realized) that Tom was innocent* предикаты пропозициональной установки *to know, to understand, to realize* вводят диктумную часть высказывания как фактивную: невиновность Тома предстает как факт действительности. В предложении *I thought (believed, hoped) that Tom was innocent* предикаты пропозициональной установки *to think, to believe, to hope* представляют диктумный компонент высказывания как нефактивный: не факт, что Том невиновен; он может быть как виновен, так и невиновен.

К числу модусных предикатов, устанавливающих фактивность вводимых ими пропозиций, относятся *to ignore (She ignored his rude remarks), to resent (I resent Tom's behaviour), to be/feel sorry (I am sorry you had to wait for me for such a long time), to be glad (She was glad that John had invited her for dinner), to welcome (We welcome your decision to take part in the game), to condemn (We condemn that decision of yours), to be proud (I was proud of my sister's appointment), to be ashamed (He was ashamed of his suspicions)* и др.

К числу модусных предикатов, вводящих нефактивные пропозиции, относятся такие, как *to suspect (I suspected him of betrayal), to accuse (The judge accused him of spying), to insist (I insisted on his entering the university), to doubt (I doubt his having said this), to hope (I hope you are all right)* и др.

Следует также упомянуть о существовании модусных функторов, способных вводить как фактивную, так и нефактивную пропозиции. При этом фактивный либо нефактивный характер пропозиции определяется не по модусному функтору, а по другим признакам. Например, глагол *to remember* в сочетании с герундиальной формой глагола, выражающей предикатный функтор, показывает фактивный характер пропозиции (*I remember writing a letter to her*). Если же глагол *to remember* сочетается с инфинитивной формой глагола, репрезентирующей предикатный функтор, то вводимая им пропозиция имеет нефактивное прочтение *Remember to write her a letter!* В последнем случае глагол *to remember* имеет значение «не забудь» и маркирует действие, обозначенное глаголом *to write*, как ориентированное в план будущего, то есть как не-факт существующей реальности.

Иногда наряду с предикатами, способными вводить фактивные и нефактивные пропозиции, выделяют еще и предикаты, вводящие контрфактивные пропозиции, то есть такие, которые однозначно индицируют противоречий действительности характер пропозиционального содержания.

Ситуации, обозначаемые диктумной частью высказывания, предстают как плод воображения человека, предмет его фантазий и иллюзий. Речь идет о модусных функторах типа *to visualize, to picture, to imagine, to dream*, например: *I pictured the whole family sitting at table and talking; Just imagine you don't have a car and you have to use public transportation; She dreamt about travelling with him to far-away countries and meeting new people; I foresee your return and a happy family life.*

Отметим, что все непредикатные функторы появляются как результат субъективизации высказывания, как одна из форм проявления человеческого фактора в языке, ибо человек — не технический передатчик объективной информации о мире, а субъект сложного речемыслительного процесса, дающий оценку, приписывающий свойства, расставляющий акценты в информационном континууме.

Перейдем теперь к рассмотрению включающих предикатов иного типа, а именно операторов.

5. ОПЕРАТОРЫ

Операторы — это такие элементы семантической структуры, распространяющие свое действие на уже созданные пропозиции, которые могут представлять собой и независимые предикатно-аргументные структуры, и предикатно-аргументные структуры, осложненные включающими непредикатными функторами. Иными словами, оператор ведет себя по отношению к непредикатным функторам так же, как непредикатный функтор — по отношению к реляционному предикату. Таким образом, оператор является включающим предикатом, а непредикатный функтор — включенным. Отсюда ясно, что оператор есть предикат еще более высокого порядка, чем непредикатный функтор. Последний является включающим по отношению к реляционному предикату и включенным по отношению к оператору. Это делает правомерным рассмотрение пропозиции как с непредикатным функтором, так и без него как операнда; под **операндом** имеется в виду любое подоператорное выражение, то есть такое, на которое распространяется действие оператора.

Всего выделяется 5 операторов:

- 1) оператор отрицания;
- 2) оператор импликации;

- 3) оператор эквивалентности;
- 4) оператор конъюнкции;
- 5) оператор дизъюнкции.

Оператор отрицания, как ясно из его названия, переводит операнд в отрицательный план, превращая его из позитивного в негативный, не меняя при этом ничего в структурно-семантической организации пропозиции — количество и номенклатура актантов, тип реляционного предиката, свойства непредикатных функторов остаются без изменений. На языковом уровне оператор отрицания выражается всеми способами, предусмотренными грамматикой данного языка. Для английского языка это отрицательная частица *not*, отрицательные местоимения, а также аффиксы с отрицательным значением: *Tom did not give Mary a book; No outsider is allowed to enter this room; Nobody could utter a word; John mistrusts Mary completely*. Оператор отрицания в отличие от всех остальных операторов имеет лишь одну валентность — на пропозицию в целом.

Как было указано, этот оператор, не влияя на семантико-структурные параметры пропозиции, лишь модифицирует статус пропозиции, переводя ее в отрицательный план. Отсюда возможная квалификация оператора отрицания как модификатора.

Оператор импликации является бивалентным (двуместным) предикатом, соединяющим пропозицию-антецедент и пропозицию-консеквент в каузативной конструкции. Оператор импликации может в частном случае совпадать с описанными выше каузативными функторами, но не со всеми, а лишь с теми, которые используются в качестве коннекторов, то есть элементов, соединяющих пропозиции. Так, в предложении *As she was tired, she went to sleep* союз *as* может толковаться и как способ выражения оператора импликации, и как способ выражения каузативного функтора. Однако в предложении *She taught him French* мы находим лишь экспликацию каузативного функтора (в каузативном глаголе *to teach = to cause to know*), в то время как оператор импликации здесь отсутствует.

Еще раз подчеркнем, что оператор импликации, как и все нижеследующие операторы, является коннектором и как таковой может соединять в том числе и пропозиции, в состав которых входят каузативные функторы: *He paid her money because she taught him French*.

Оператор эквивалентности является бивалентным коннектором, устанавливающим семантическое равенство двух или более пропозиций и, как следствие, эквивалентность их языковых коррелятов — предикатных выражений. На языковом уровне он обычно выражается в виде предложений типа *Это все равно что..., Это равносильно тому, что..., Это равноценно тому, что..., Это значит, что..., Это эквивалентно...; Her marriage means she wants to have a*

family; Winning on a lottery ticket is equivalent to finding a good job; Tom's taking up the job of a school teacher is parallel to his suicide.

Оператор конъюнкции — бивалентный коннектор, соединяющий либо пропозиции (и тогда говорят о пропозициональной конъюнкции), либо пропозициональные актаны (и тогда говорят о термовой конъюнкции). Следует обратить внимание на то, что оператор конъюнкции способен связывать лишь статусно равноправные элементы: пропозиции только с пропозициями, а актаны только с актантами; он не может связывать пропозицию с актантом: *Jack met Mary and they decided to go for a walk* (and репрезентирует пропозициональную конъюнкцию); *I saw Jack and Mary at the restaurant* (союз *and* репрезентирует термовую конъюнкцию). В реальном речевом употреблении, однако, знак оператора конъюнкции, каковым, как ясно из приведенных примеров, обычно является союз *and*, не всегда соединяет названия событий с названиями событий, а знаки имен — со знаками имен. Так, в предложении *She remembered her father and his constant quarrels with his neighbours* союз *and* соединяет имя лица с обозначением ситуации. Однако на семантическом уровне такого рода конъюнкция невозможна. Существительное *father* здесь обозначает актант, имеющий событийное прочтение, то есть имеется в виду не само лицо, а событие или события, с ним связанные. Иногда структура предложения может демонстрировать и иной тип расхождения с соответствующей пропозициональной структурой. Например, синтаксически простое предложение может означать два события — в особенности когда имеет место конъюнкция двух или более подлежащих или двух или более сказуемых. Так, предложение *John and Mary stood up* обозначает, по сути, два события: *John stood up and Mary stood up*. Предложение *John stood up and ran out of the room* также обозначает два события: *John stood up and John ran out of the room*. На семантическом уровне никакой редукции не происходит. На языковом же уровне развернутая номинация событий выглядит довольно громоздко, и использование более компактных структур представляется естественным и правомерным.

Оператор дизъюнкции является бивалентным коннектором, соединяющим семантически альтернативные пропозиции. Дизъюнкция также бывает двух видов: взаимоисключающая и не взаимоисключающая. В случае взаимоисключающей дизъюнкции соединяемые пропозиции и выражающие их предикатные выражения носят несовместимый характер: *He is either stupid or smart; The song was either in Spanish or in Italian*. В случае не взаимоисключающей дизъюнкции соединяемые пропозиции и репрезентирующие их предикатные выражения не носят несовместимого характера. Например, в предложении *You can prepare for your entrance exams through the university extension courses, or working under the guidance*

of a private teacher, or by reading a lot of textbooks all by yourself содержится ряд альтернатив, не носящих взаимоисключающий характер. Они скорее дополняют друг друга и в принципе могут быть реализованы одновременно.

Завершим раздел, посвященный операторам, рассмотрением одного специфического их вида — **кванторов**. Подобно операторам кванторы действуют на весь операнд, не изменяя его структурно-семантическую конфигурацию, а лишь модифицируя его, переводя в определенный план. Поэтому кванторы не коннекторы, а моновалентные модификаторы, схожие этим своим свойством с оператором отрицания. От собственно операторов их отличает то, что они никогда или почти никогда не выражаются в поверхностной структуре предложения, оставаясь в области пресуппозиции¹ высказывания в качестве подразумеваемого, само собой разумеющегося.

В логике и семантике выделяют два квантора — **квантор существования** и **квантор всеобщности**. Первый квантор практически никогда не выражается словесно, хотя логически предшествует любому словесному утверждению. Так, утверждение *John is very intelligent* в логико-семантическом плане предваряется квантором существования *John exists*. Иными словами, перед тем как приписывать некое свойство некоему объекту и выражать его словесно, необходима «предварительная договоренность» между участниками коммуникативного акта о том, что этот объект существует.

Второй квантор — квантор всеобщности выявляется в логико-семантической структуре тогда, когда некий признак приписывается всем объектам класса, но в отличие от квантора существования квантор всеобщности иногда появляется в поверхностной структуре предложения. Так, если имеется высказывание, выражающее соответствующую пропозицию, например *Criminals should be punished by law*, на семантическом уровне имеется квантор всеобщности, который может появиться и на поверхностном уровне, — *All criminals should be punished by law*. Отсюда ясно, что можно установить эквивалентность в семантическом плане между такими высказываниями, как *People are born equal* и *All people are born equal*; *Children like to play* и *All children like to play*; *Planes fly* и *All planes fly*.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Чем различаются предикатные и непредикатные функторы? Назовите основные типы непредикатных функторов.
2. Что такое фазовый функтор и чем он выражается в структуре предложения?

¹ Понятие пресуппозиции будет рассмотрено в лекции 12.

3. Что такое каузативный функтор и чем он выражается в структуре предложения? Что представляет собой каузативная ситуация?
4. На какие группы делятся каузативные глаголы? Приведите примеры.
5. В чем заключается специфика модусного функтора по сравнению с другими непредикатными функторами?
6. Что такое диктум и модус в теории Ш. Балли?
7. Что такое операторы? Назовите их типы.
8. В чем разница между модификатором и коннектором?
9. Назовите способы выражения каждого из операторов в структуре предложения.
10. Что такое кванторы? В чем состоит специфика их выражения по сравнению с собственно операторами?

ЛЕКЦИЯ 11

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС

1. Введение
2. Грамматическая категория лица
3. Актуальное членение предложения
4. Коммуникативные типы предложения

1. ВВЕДЕНИЕ

В предшествующих трех лекциях раскрыт такой содержательный аспект предложения, как его номинативный потенциал. Настоящая лекция будет посвящена обсуждению другого его содержательного аспекта, а именно его коммуникативной природы. Здесь необходимо сделать оговорку относительно используемой терминологии.

В рамках теории коммуникации более пристало говорить не о предложении, а о высказывании. Однако и термин «предложение» в том наиболее широком и нейтральном значении, в котором он покрывает как языковые (в частности, структурно-семантические), так и речевые (в частности, функционально-прагматические) явления, приемлем для описания явлений коммуникативного синтаксиса. Специально на вопросе о разграничении семантики предложения и смысла высказывания мы остановимся в лекции 17.

Коммуникативный статус предложения обычно рассматривается как связанный в основном с тремя его параметрами: грамматической категорией лица, актуальным членением и коммуникативным типом. Действительно, каждый из них имеет прямое отношение к процессу коммуникации как речевому взаимодействию двух или более лиц. Рассмотрим теперь более подробно их природу и функциональную значимость.

2. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Категория лица обычно рассматривается в грамматиках как категория морфологическая, реализуемая в оппозициях глагольных форм типа *speak—speaks, have spoken—has spoken, have been*

speaking—has been speaking, либо как категория лексико-морфологическая, реализуемая классом личных местоимений: *I, we—you—he, she, it, they*. В глаголе категория лица носит чисто согласовательный, формальный характер, поэтому в контексте рассматриваемой проблематики глагольное лицо нас интересовать не будет. Напротив, в классе личных местоимений категория лица носит содержательный характер, и мы намерены показать не просто содержательную, а коммуникативно-значимую природу данной категории в рассматриваемой группе слов.

Коль скоро коммуникация есть общение, а общение невозможно без общающихся сторон, то соответствующие позиции маркируются местоимением первого лица (адресант речи) и местоимением второго лица (адресат речи). Из сказанного следует, что собственно коммуникативный статус признается лишь за личными местоимениями первого и второго лица; третье же лицо либо вообще исключается из рассмотрения при анализе процесса коммуникативного взаимодействия, либо определяется по отношению к последнему исключительно негативно, а именно как неучастник этого процесса.

Итак, третье лицо противопоставляется первым двум на основе участия/неучастия в акте (процессе) коммуникации. Факт невовлеченности в коммуникативное взаимодействие имеет важное следствие для субкатегории третьего лица в плане его поверхностно-языковой реализации: оно может быть выражено как именами, так и кореферентными им личными местоимениями. Например, в предложении *Tom loves Mary* существительное *Tom* может быть свободно заменено на местоимение *he*, а существительное *Mary* — на *she*: *He loves her*. Трансформация в обратном направлении также не вызывает никаких затруднений. Так, если адресат высказывания *He loves her* не понял, о ком идет речь, и попросил адресанта высказывания об уточнении, то последний может свободно заменить местоимения именами: *Tom loves Mary*. Таким образом, в случае третьего лица личные местоимения в полной мере оправдывают свое частеречное наименование — «местоимение» как раз и означает «вместо имени».

Не такова ситуация с личными местоимениями первого и второго лица. Всякие попытки заменить их кореферентными именами наталкиваются на значительные трудности, если не сказать — на неудачу. Действительно, в предложении *I love you* местоимение первого лица *I* кореферентно говорящему — автору предложения (вернее, говорящий обозначает себя местоимением первого лица *I*); местоимение *you* кореферентно слушающему — адресату речи. В данном предложении его автор сообщает о наличии у него некоего чувства по отношению к собеседнику. Но при попытке заменить *I* на кореферентное ему имя со значением «говорящий» произойдет существенная семантическая деформация: предложе-

ние *The speaker loves you* будет сообщением автора речи своему собеседнику о том, что некое третье лицо (*the speaker*) испытывает по отношению к нему некие чувства. Равным образом замена местоимения *you* на имя со значением «слушающий» приведет к столь же сильной семантической деформации. Предложение *I love the listener* будет сообщением автора речи своему собеседнику о том, что он, говорящий, испытывает некие чувства по отношению к некоему третьему лицу (*the listener*), не участвующему в данном коммуникативном акте. Таким образом, личные местоимения первого и второго лица не являются местоимениями в исходном смысле этого слова: они не употребляются вместо каких-либо имен и, соответственно, не могут быть заменены ими без существенного изменения референциальной семантики предложения.

Из сказанного следует, что личные местоимения первого и второго лица — это специализированные языковые средства, индицирующие позиции участников коммуникативного акта, и что, следовательно, категорию лица в целом можно рассматривать как коммуникативно-ориентированную грамматическую категорию.

3. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Другим коммуникативным аспектом синтаксиса является **актуальное членение предложения**, называемое еще функциональной перспективой предложения, или **тема-рематическим членением** предложения. Согласно концепции актуального членения всякое предложение с коммуникативной точки зрения делится на тематическую часть (тему, топик, данное) и рематическую часть (рему, комментарий, новое). Коммуникативное членение предложения может совпадать, а может и не совпадать с логическим членением выражаемого им суждения. Так, в предложении *John is ill* с точки зрения логического членения совершается приписывание некоему логическому субъекту (*John*) некоего логического предиката (*to be ill*) в рамках выражаемого данным предложением суждения. В то же время с коммуникативной точки зрения в этом предложении об уже известном из предшествующего контекста/ситуации предмете речи — Джоне (теме, топике, данном) — сообщается нечто неизвестное ранее (рема, комментарий, новое), а именно то, что он болен. Здесь мы имеем случай совпадения логического и актуального членений предложения. Напротив, в предложении *It is John who is ill* логическая интерпретация выражаемого им суждения остается ровно такой же, как и в предложении *John is ill*, однако коммуникативная интерпретация (а следовательно, и актуальное членение) будет иной: в качестве новой,

рематической информации выступит сообщение о Джоне, а в качестве известной, тематической информации — сведения о том, что он болен. Таким образом, для последнего примера характерно рассогласование, несовпадение логического и коммуникативного членений.

Набор способов выделения ремы носит не универсальный, а идиоэтнический характер, и он был выявлен с достаточной степенью полноты для многих языков. Для английского языка в качестве ведущих обычно указываются следующие приемы индикации ремы.

1. Так называемые *клефтированные*, или расщепленные, конструкции (*cleft constructions*), как, например, в вышеприведенном предложении *It is John who is ill*. Клефтированная конструкция удобна тем, что с ее помощью может быть рематизирован практически любой компонент любого английского предложения. Так, если существует особая необходимость «высвечивания» ремы в предложении *Laura was asked this question by the teacher at the lesson yesterday*, клефтирование помогает решить эту задачу без каких-либо проблем: *It was Laura who was asked this question by the teacher at the lesson yesterday*; *It was by the teacher that Laura was asked this question at the lesson yesterday*; *It was this question that Laura was asked by the teacher at the lesson yesterday*; *It was at the lesson that Laura was asked this question by the teacher yesterday*; *It was yesterday that Laura was asked this question by the teacher at the lesson*.

2. *Артиклевая детерминация*, когда в функции маркера ремы выступает неопределенный артикль. Особенно отчетливо актуализационная функция артикля проявляется при сравнительном анализе одинаковых по всем параметрам (за исключением артиклевой детерминации) предложений: ср. *The boy entered the room* и *A boy entered the room*. В первом предложении существительное *boy* — тема сообщения; предполагается существование некоего предшествующего контекста, в котором о мальчике было уже сказано, поэтому вопрос, на который данное предложение могло бы быть ответом, формулировался бы следующим образом: *What did the boy do?* Во втором предложении в отличие от первого существительное *boy* — рема сообщения; оно предполагает наличие последующего контекста, в котором сообщалась бы дополнительная информация о впервые упомянутом мальчике. Вопрос, на который данное предложение могло бы быть ответом, следовало бы сформулировать так: *Who entered the room?*

3. *Порядок слов*, строгость которого обычно преувеличивается нормативными грамматиками, также может служить важным средством актуального членения. При этом следует отметить, что если в русском языке порядок слов есть ведущее средство выделения ремы (обычный порядок следования коммуникативного членения в декларативном предложении — «тема — рема»: *Мальчик вошел в комнату* — ср. *В комнату вошел мальчик*), то в английском языке

порядок слов как фактор актуального членения возможен лишь в силу определенного «люфта», некоторой степени свободы элементов предложения, допускаемой контекстными и ситуационными условиями. Ср. *John was standing in the far end of the corridor* и *In the far end of the corridor John was standing*. В первом предложении говорящий рематизирует место события, как бы отвечая на вопрос: *Where was John standing?* Во втором предложении говорящий рематизирует само событие, как бы отвечая на вопрос: *What was going on in the far end of the corridor?*

4. Фразовое (логическое) ударение является важным средством выделения ремы, особенно в устной форме речи. Так, в предложении *Father was angry about Jack's departure* практически каждый его член может быть рематизирован с помощью фразового ударения, что может быть продемонстрировано в форме теста противопоставления: *Father (not mother) was angry about Jack's departure*; *Father was (not could be) angry about Jack's departure*; *Father was angry (not happy) about Jack's departure*; *Father was angry about Jack's (not Mary's) departure*; *Father was angry about Jack's departure (not his arrival)*.

5. Английская конструкция, известная под названием «*there be construction*», вовсе не случайно требует использования существительных либо с неопределенным артиклем, либо с его аналогом — местоимением *some* (в отрицательном и вопросительном вариантах *any*) — она также является одним из механизмов рематизации: *There was a pen on the table*; *There were some flowers scattered around*; *Were there any people there?* (ср. с невозможными **There was the pen on the table*; **There were the flowers scattered around*; **Were there the people there?*).

Итак, конструирование предложения в соответствии с правилами его актуального членения есть важная коммуникативно релевантная задача, так как в речи говорящий не только сообщает слушающему некие факты, но и выстраивает их в некую информационно значимую иерархию, выборочно расставляет акценты и тем самым управляет вниманием слушающего. Последний, понимая неодинаковую информационную значимость для него отдельных сегментов речи говорящего, может правильно воспринимать сигналы, посылаемые ему автором сообщения относительно неравноценной информационной значимости различных элементов речевого потока и фокусировать свое внимание на тех из них, которые несут новую, важную для него информацию.

4. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Деление предложений по цели высказывания на три основных типа — повествовательное, вопросительное, побудительное — является, пожалуй, наиболее очевидной их классификацией, в ос-

нову которой положен коммуникативный принцип. Действительно, цель, с которой говорящий вступает в коммуникативное взаимодействие с другим лицом или лицами, — это либо сообщение информации (это происходит в форме повествовательного предложения), либо запрос информации (это происходит в форме вопросительного предложения), либо, наконец, побуждение собеседника/собеседников к совершению или несвершению какого-либо действия (это происходит в форме побудительного предложения). Заметим, что в речевой практике такая взаимно однозначная корреляция между коммуникативной целью высказывания и коммуникативным типом предложения, в форме которого оно продуцируется, наблюдается далеко не всегда. Приведем некоторые примеры.

В форме вопросительного предложения может передаваться как сообщение (так называемый риторический вопрос — *Isn't it awful to behave like this? = It's awful to behave like this*), так и побуждение к действию (*Will you translate this passage? = Translate this passage, please; Would you mind opening the window? = Open the window, please*). В форме утвердительного предложения может как задаваться вопрос (*I wonder if any of you witnessed that road accident? = Did any of you witness that road accident?*), так и осуществляться побуждение к действию (*Someone promised to give me some tea = Please, give me some tea; There is too much noise in the corridor = Please, shut the door*). Лишь побудительный тип предложения выражает собственно побуждение к действию с той существенной оговоркой, что побуждаемое действие может носить речевой характер, а значит, в этом плане побудительный тип предложения прагматически эквивалентен вопросу (*Tell me what you know about it = What do you know about it?*). Возможность такой транспозиции типов предложений (то есть когда предложения одного коммуникативного типа функционируют с целью передачи коммуникативного значения, первичного для другого коммуникативного типа предложения) не должна, однако, ставить под сомнение сам принцип выделения предложений различных коммуникативных типов с их первичным коммуникативным зарядом.

Итак, первичной коммуникативной функцией повествовательного предложения является изменение эпистемического состояния собеседника посредством передачи ему определенного объема информации. Первичная коммуникативная функция вопросительного предложения — изменение собственного эпистемического состояния, достигаемого за счет получения информации от собеседника, которому задан вопрос. Первичной коммуникативной функцией побудительного предложения служит поведенческая реакция собеседника, выражающаяся в выполнении или невыполнении им (в случае запрета) какого-либо действия.

Выше нами была уже указана способность предложений одного коммуникативного типа передавать коммуникативное значение, первичное для предложений другого типа. Обратим теперь внимание на то, что иногда даже формальное отнесение предложения к тому или иному коммуникативному типу связано с значительными трудностями; это имеет место всякий раз, когда предложение представляет собой гибрид различных коммуникативных типов. Так, весьма распространенным является повествовательно-вопросительный коммуникативный тип, иллюстрируемый следующими предложениями: *It seems to me that you are angry, or are you not?; I walked along the street, turned round the corner, and who do you think did I see?* К типу повествовательно-вопросительных предложений относятся и так называемые расчлененные вопросы, представляющие собой, по сути, утверждения с запрашиванием мнения собеседника о корректности этих утверждений: *The girl looks beautiful in her new dress, doesn't she?; Tom is such a bore, isn't he?* Нередки и утвердительно-побудительные предложения: *Do it and you'll know what it's like; Behave yourself, and people will respect you even more.* Довольно распространенными являются в языке и предложения побудительно-вопросительного типа: *Do it on your own, or shall I ask Harry to help you?; Stick to your promises, or should I forget about them?* Как видим, гибридный коммуникативный тип предложения возможен при его сложной структурной организации, в основном при его построении в виде сложносочиненной структуры.

Таким образом, коммуникативно-синтаксическая теория проливает свет на функциональный аспект предложения как единицы общения. При всем многообразии языковых средств, используемых в качестве способа реализации коммуникативного потенциала предложения (грамматическая категория лица, актуальное членение предложения, коммуникативные типы предложения), они объединяются как сущности одного порядка в рамках концепции языка/речи как одной из форм межличностного взаимодействия.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. С каких позиций рассматривает предложение коммуникативно-синтаксическая теория?

2. Почему грамматическую категорию лица, реализуемую личными местоимениями, можно рассматривать в качестве коммуникативно-синтаксической?

3. В чем принципиальная разница между личными местоимениями первого и второго лица, с одной стороны, и третьего лица — с другой, в рамках теории коммуникативного синтаксиса?

4. Что такое актуальное членение предложения? Какие еще термины используются в этом значении?

5. Перечислите основные средства, используемые для выделения речевой части предложения в английском языке.

6. В чем состоит удобство применения клятированных конструкций в качестве средства выделения ремы?

7. Может ли использоваться в английском языке в качестве средства выделения ремы порядок слов? Как соотносится порядок слов как средство индикации ремы в русском и английском языках? Почему?

8. Какие коммуникативные типы предложений вам известны?

9. Всегда ли коммуникативный тип предложения совпадает с его первичной коммуникативной функцией? Приведите примеры случаев несовпадения.

10. Что имеется в виду под гибридными коммуникативными типами предложений? Какие гибридные типы возможны в английском языке? Приведите примеры.

ЛЕКЦИЯ 12

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

1. Введение
2. Теория речевых актов
3. Теория пресуппозиций

1. ВВЕДЕНИЕ

Еще одним содержательным аспектом синтаксиса является его прагматический аспект. Для того чтобы уяснить специфику грамматики в этой ее части, необходимо сказать несколько слов о том, что такое *прагматика*.

Изначально термин «прагматика» введен в научный обиход в рамках семиотики — науки о знаках и знаковых системах, рассматривающей свой объект в логико-философском плане. Наряду с *синтактикой* и *семантикой*, прагматика является одним из ключевых понятий семиотики, означая отношения между знаком и пользователем знака, в то время как синтактика означает отношения между знаками, а семантика — отношения между знаком и обозначаемым им объектом. Поскольку с начала XX в. языковая система рассматривается благодаря Ф. де Соссюру как система знаков, указанные термины стали востребованными лингвистической теорией для описания языка. С тех пор их содержание неоднократно переосмыслялось лингвистической наукой, в результате чего к концу XX в. оформились соответствующие отрасли языкознания. Одна из них — прагмалингвистика стала заниматься такими вопросами, как цели и задачи, преследуемые коммуникантами в ходе речевого взаимодействия, дискурсивные стратегии речевых партнеров, коммуникативные эффекты и т. д. — одним словом, всем тем, что имеет отношение к интенциональному потенциалу речевого высказывания, к акту речи как особого рода деятельности человека. Коль скоро деятельность человека осмысленна, осуществляется при наличии определенных условий, побуждается стремлением решить какие-либо задачи (то есть характеризуется наличием цели), реализуется с учетом возможных следствий, то и речевая деятельность должна рассматриваться с учетом всех названных свойств. В связи с этим проблематика прагмалингвистики сложилась как фокусирующаяся на двух основных теориях: теории речевых актов и теории

пресуппозиции. Однако прежде чем излагать их суть, поясним, почему прагмалингвистику надлежит рассматривать как принадлежащую области синтаксиса, а не какому-либо другому языковому уровню. Ответ прост: поскольку прагмалингвистика занимается кругом вопросов, так или иначе имеющих отношение к проблемам коммуникации, а синтаксис является минимальным коммуникативным уровнем языка, то вполне логично, что языковой уровень, на котором «работает» прагмалингвистическая теория, есть именно уровень синтаксический.

2. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В основе теории речевых актов, разрабатываемой с середины XX в., лежит идея о возможности разбиения всех высказываний, совершаемых в форме предложения на том или ином языке, на два основных типа — *констативы* и *перформативы*. Родоначальник теории, английский философ Дж. Остин, заметил, что наряду с высказываниями, описывающими некий фрагмент, или события, внеязыкового мира, или ситуацию в неязыковом мире, — иными словами, констатирующими некое положение дел в мире (отсюда их название — констативы), существуют и принципиально другие высказывания, которые не обозначают ничего лежащего за пределами языка, а являются действием, актом, поступком чисто речевого характера. Именно такого рода речения получили название перформативов, именно на их описании и типологизации сосредоточилась изначально теория речевых актов. Какие же свойства отличают высказывания-перформативы от высказываний-неперформативов?

Во-первых, как было уже упомянуто, это специфика референции перформативных высказываний. В отличие от констативов, которые служат знаками чего-либо, лежащего вне сферы языка (ситуаций, положений дел, фрагментов мира), перформативы обладают свойством автореферентности, то есть служат языковыми знаками самих себя. Что же наделяет перформативы такими референциальными возможностями? Это вторая их черта, заключающаяся в том, что состав всякого перформативного высказывания должен характеризоваться наличием перформативного глагола, представляющего собой глагол речи, употребленный в форме первого лица, единственного числа, настоящего времени, действительного залога, изъявительного наклонения (исключение составляют императивные предложения, о чем речь пойдет ниже). Так, высказывания *I name the boy Jack; I promise to be loyal to you; I swear to punish him; I congratulate you on the occasion; I order you to obey; I prohibit you to come here again; I declare the conference open* являются примерами перформативов, так как отвечают всем вы-

шеперечисленным требованиям. Несоблюдение хотя бы одного из требований, предъявляемых к форме глагола, переводит высказывание, в составе которого он употреблен, из разряда перформативов в разряд констативов. Так, высказывание *I name the boy Jack* перестает быть перформативным, если первое лицо меняется на любое другое: *You (they, he, she) name(s) the boy Jack* является знаком внеязыковой ситуации наречения кем-либо некоего мальчика именем Джек. Высказывания *We named the boy Jack; I named the Jack; The boy is named Jack; I would name the boy Jack* будут относиться к категории констативов, так как в каждом из них нарушено хотя бы одно требование, предъявляемое к форме глагола. Совершая речевой акт в форме высказывания *I name the boy Jack*, говорящий совершает действие по наречению именем Джек — заметим, действие, которое говорящий не может совершить иначе, кроме как посредством произнесения фразы *I name the boy Jack*. Именно поэтому перформативы не являются знаковым аналогом фрагмента мира: они сами по себе есть некий факт реальности. Но в отличие от любых других фактов реальности они не могут быть обозначены языковыми/речевыми средствами, так как сами по себе являются языковым/речевым феноменом.

Таким образом, выделение перформативных высказываний существенным образом расширило и модифицировало представление лингвистов о функциональной стороне языка: речевую деятельность человека уже невозможно трактовать исключительно как деятельность по семиотическому означиванию и замещению мира, протекающую параллельно или дополнительно к миру. Поскольку перформативы не являются семиотическим аналогом какого-либо фрагмента мира и не являются способом семиотического замещения фрагмента реальности, то их приходится рассматривать как деятельность человека не в параллель, а в продолжение любых других его видов деятельности. Отсюда следует правомерность применения принципов деятельностиного подхода к явлениям языка (в широком смысле), рассмотрения таких его деятельностно-значимых характеристик, как мотивы, стратегии, цели и т. д.

В теории речевых актов были разработаны различные типологии перформативных высказываний. Общая черта всех предложенных классификаций заключается в том, что название каждого типа перформативного высказывания является однокоренным с тем перформативным глаголом, который считается наиболее ярким представителем той или иной прагматической интенции высказывания. Так, выделяются:

- речевые акты-**реквестивы** (просьбы): *I request that you help me;*
- речевые акты-**прохибитивы** (запреты): *I prohibit your going alone there;*
- речевые акты-**промиссивы** (обещания): *I promise not to be late;*
- речевые акты-**директивы** (приказания) и т. д.

Что касается последних, их выражение язык вывел на категориальный уровень, предусмотрев особую форму наклонения (императив) и избавив таким образом говорящих от необходимости каждый раз обращаться к использованию перформативного глагола *to order* для выражения побуждения, повеления, приказа, директивы: *Come here!* = *I order [that you come here]*.

Теория речевых актов обогатила лингвистику и рядом деятельностно-ориентированных понятий, таких, как *локуция*, *иллокутивная сила* высказывания, *перлокутивный эффект* высказывания. Под локуцией понимается сам акт речевого продуцирования высказывания, само речевое действие, совершаемое говорящим как автором и творцом высказывания. Под иллокутивной силой высказывания имеется в виду коммуникативное намерение говорящего; именно иллокутивные силы составляют, как правило, классификационную базу речевых актов: угрозы, обещания, проклятия, приказы, просьбы, запреты, разрешения, поздравления, соболезнования — все это далеко не полный перечень иллокутивных сил. Перлокутивный эффект — это та поведенческая реакция адресата речи, на которую рассчитан речевой акт. Перлокутивным эффектом просьбы или приказа может стать действие или совокупность действий, направленных на их выполнение; перлокутивным эффектом запрета — отказ адресата речи от выполнения определенных действий; перлокутивным эффектом поздравления или похвалы — проявление положительных эмоций или большее усердие и энтузиазм в выполнении работы, за которую хвалят.

Как было уже сказано, теория речевых актов изначально фокусировала свое внимание на описании природы и типов перформативных высказываний. Однако с течением времени она значительно расширила свой объект, чему в немалой степени способствовало разграничение речевых актов на два типа: прямые и косвенные. Под прямыми речевыми актами стали пониматься такие, чья иллокутивная сила открыто маркировалась самой формой высказывания, в частности соответствующим перформативным глаголом; например, *I condemn your behaviour* — прямой речевой акт осуждения. Однако всегда ли осуждение выражается столь прямолинейно и открыто? Не прибегаем ли мы к иным способам выражения соответствующей иллокутивной силы и достижения ожидаемого перлокутивного эффекта?

В теории речевых актов было замечено, что чаще иллокутивная сила высказывания и его форма не соотносятся столь однозначно, как в только что приведенном примере. Коммуниканты, руководствуясь разными соображениями (например, соображениями такта, скромности, деликатности, стремлением выразить свою мысль нешаблонно, метафорично), часто прибегают к выражению соответствующей иллокутивной силы косвенным образом,

в формах, изначально не предназначенных для ее выражения, не закрепленных за ней в языке узואльно. Например, идея осуждения может быть передана такими высказываниями, как: *You should have behaved differently; Couldn't you have acted differently (in a different way)?; I wouldn't have behaved like this under the circumstances; One would typically disapprove of such a behaviour, I suppose; Look, people don't act like that; Your behaviour is just childish and silly.* Итак, косвенный речевой акт — это акт, в котором иллокутивная сила не маркирована никакими средствами, закрепленными в языке для его выражения. Она выражается разноструктурными конструкциями, любая из которых может служить средством выражения любой другой иллокутивной силы. Здесь возникает вопрос о том, что же позволяет говорящему использовать самые различные языковые формы для выражения определенной иллокутивной силы, а слушающему — правильно декодировать эти разнообразие формы как выражающие именно данную иллокутивную силу, а никакую-либо другую.

Невозможно дать ответ на этот вопрос, основываясь исключительно на лингвистических данных, то есть выделить формально-языковую основу объединения различных средств для выражения одной иллокутивной силы. Ответ может быть найден лишь при более широком подходе к процессу коммуникации как к совершаемому в определенном социальном контексте, с учетом норм и конвенций межличностного взаимодействия. Эти конвенции предполагают учет таких факторов, как пол, возраст, социальный и семейный статус, уровень образования коммуникантов, особенности речевого этикета в данной культуре, общий стиль отношений, сложившийся между членами данной социальной группы или представителями данной субкультуры, и т.д. Так, согласно социальным стереотипам (они же конвенции), приказы, запреты, разрешения и поощрения адресуются начальствующими лицами своим подчиненным. Просьбы, жалобы, апелляции идут в обратном направлении. Как правило, с просьбой о помощи более пристало обратиться женщине к мужчине, пожилому человеку к молодому. Советы принято выслушивать молодым от пожилых, необразованным от образованных, младшим членам семьи от старших и т.п. Как видим, процесс речевого взаимодействия — это часть социального взаимодействия людей и представляет собой сложное, полифакторное явление. Определение истинной прагматической установки высказывания требует учета всей совокупности обстоятельств речи, что предполагает наличие у коммуникантов не только языковой компетенции, но и достаточно богатого жизненного опыта. Так, вопрос о самочувствии, адресованный врачом пациенту, будет воспринят последним как просьба дать подробную информацию специалисту и вызовет в качестве перлокутивного эффекта раз-

вернутый ответ по существу. Тот же вопрос, адресованный руководителем работающему пенсионеру, может быть истолкован в качестве закамouflированного предложения уйти на заслуженный отдых и освободить место для более молодого сотрудника. Тот же самый вопрос в начале телефонного разговора между друзьями, знакомыми или сослуживцами, скорее всего, будет воспринят в качестве ритуальной фразы, принятой в такого рода дискурсе, и в большинстве случаев не вызовет никакой реакции, кроме как переадресации его собеседнику.

Из сказанного можно сделать два основных вывода. Во-первых, теория речевых актов не ограничивает свой объект исключительно перформативными высказываниями. Это обедняет и примитивизирует теорию, отсекая от нее все косвенные речевые акты и тем самым затемняя реальный механизм речевого взаимодействия. Во-вторых, теории речевых актов стоит внимательно посмотреть не столько «вовнутрь» высказывания, сколько «вокруг него», на тот широкий социальный, экстралингвистический контекст, который служит его естественным фоном. Без учета этого фона она обречена на формальное и в конечном счете неадекватное описание своего объекта.

3. ТЕОРИЯ ПРЕСУППОЗИЦИЙ

Как было указано выше, вторым источником идей для прагматического синтаксиса явилась теория пресуппозиций. Подобно теории речевых актов она также изначально разрабатывалась в логике и подобно теории речевых актов также прошла путь значительной трансформации и переосмысления, став частью лингвистической прагматики.

Логическая теория пресуппозиций сформулирована крупным немецким ученым XIX в. Г. Фреге, согласно мнению которого любое утвердительное предложение языка логически распадается на две части — ассертивную и пресуппозитивную. *Ассерция* есть основная мысль, выражаемая в предложении; *пресуппозиция* есть то условие, которое делает выражение этой мысли возможным/актуальным. Анализируя предложение *Кеплер умер в нищете*, Г. Фреге отмечал, что его ассертивный компонент состоит в приписывании некоего признака («умереть в нищете») некоему объекту (Кеплеру), а его пресуппозитивный компонент — в утверждении, что «существовал некто по имени Кеплер». *Пресуппозитивный компонент* обычно представлен в предложении имплицитно (неявно, как нечто подразумеваемое), но его экспликация (выведение во внешний план) привела бы к следующей логически полной форме предложения: *Существовал некто по имени Кеплер, и он умер в нищете*. Поскольку пресуппозитивный компонент обычно пред-

ставлен в предложении имплицитно, какова процедура его выделения? Иначе говоря, какой диагностический тест нужно применить к предложению, чтобы узнать наверняка, какое именно высказывание является его пресуппозицией?

Отвечая на эти вопросы, Г. Фреге предложил в качестве диагностирующей процедуры тест на отрицание: если сделать утвердительное предложение общеотрицательным, то отрицанию подвергнется его ассертивная часть, пресуппозитивная же его часть останется без изменений. Так, преобразовав предложение *Кеплер умер в нищете* в отрицательное *Кеплер не умер в нищете*, мы подвергаем отрицанию его ассертивную часть — отныне признак «умереть в нищете» уже не приписывается объекту (Кеплеру); пресуппозитивная же часть («существовал некто по имени Кеплер») остается неизменной, и логически полный вид общеотрицательно-го предложения будет выглядеть следующим образом: *Существовал некто по имени Кеплер, и он не умер в нищете*.

Прагматический синтаксис, восприняв саму идею о существовании пресуппозиций, радикально переработал их концепцию, чему в немалой степени способствовало обнаружение таких контекстов, в которых фрегеанский тест на отрицание не работает. Например, в предложении *I regret having punished John*, следуя рекомендациям Фреге, необходимо выделить в качестве пресуппозитивного компонента *I punished John*, так как он сохраняется при преобразовании данного предложения в общеотрицательное: *I don't regret having punished John*. Однако если расширить это общеотрицательное предложение до *I don't regret having punished John since I never punished him*, то указанная пресуппозиция — *I punished John* — аннулируется. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что пресуппозиция, вопреки мнению Фреге, не является частью содержания предложения. Но тогда что же такое пресуппозиция?

Согласно сформировавшемуся в прагматическом синтаксисе представлению пресуппозиция высказывания — это его ситуационный контекст, тот значимый фон, который делает данное высказывание осмысленным и актуальным для коммуникантов. Такое понимание пресуппозиций снимает с них прежние логические ограничения и выводит их в широкий круг явлений реальной речевой коммуникации, предполагающей наличие не только утвердительных предложений, но и побудительных и вопросительных. Так, в пресуппозицию высказывания *Please, open the door* входит наличие в ситуации общения не только закрытой двери, но и всей совокупности социальных условий, позволяющих одному человеку обратиться к другому с данной просьбой (коммуникант, стоящий далеко от двери, адресует эту просьбу коммуниканту, стоящему рядом с ней; старший по возрасту — младшему; женщина — мужчине; руководитель — подчиненному и т.д.). В пресуппозицию вопроса *How much do you take a year?* входят не толь-

ко невладение спрашивающим соответствующей информацией и желание получить ее, но и его право, оговариваемое социальными (этическими, юридическими, культурными) правилами обращаться к другому лицу с просьбой или требованием предоставить такую информацию.

Идея о том, что всякое речевое действие должно иметь в качестве условия своего осуществления некую совокупность внеречевых обстоятельств, то есть пресуппозицию, натолкнула лингвистов на мысль о том, что всякое речевое действие, по-видимому, влечет за собой и некоторые значимые для коммуникантов следствия. Иначе говоря, речевое действие характеризуется не только наличием значимых предпосылок к нему, но и наличием значимых следствий, к которым оно приводит. Этот значимый шлейф следствий речевого акта был назван его *постсуппозицией*. Пресуппозиции и постсуппозиции, таким образом, как бы обрамляют речевой акт, служат для него «естественной» средой обитания, которая делает его социально приемлемым и коммуникативно уместным.

Постсуппозиции — это своеобразный след, отпечаток речевого акта, который он оставляет в сознании коммуникантов. В итоге постсуппозиции могут формировать некое выводное знание или мнение, складывающееся у коммуникантов постфактум, как результат обработки информации, полученной в ходе речевого взаимодействия. Например, вопрос *How much do you make a year?* может вызвать у адресата следующий постсуппозитивный эффект: «Мой собеседник хочет узнать, сколько я зарабатываю в год. Интересоваться чужими заработками неприлично. Это не принято в рамках того кодекса поведения, который установлен в нашем обществе. Следовательно, мой собеседник либо невежда, ибо он не знает об этой социальной норме, либо он сознательно ведет себя со мной неподобающим образом, понимая, что задает мне неделикатный вопрос. В любом случае с таким человеком лучше не иметь дел».

Иногда понятия пресуппозиции и постсуппозиции высказывания объединяют в понятие *консуппозиции*. Консуппозиция, таким образом, есть родовое, гиперонимическое, понятие, а пресуппозиция и постсуппозиция, соответственно, видовые, гипонимические, понятия. Существует и иное понимание консуппозиции, а именно: под консуппозицией имеется в виду нечто вроде ассоциативного ряда высказывания. Например, констатация факта наступления зимы в высказывании *Winter has come* может породить у адресата целый ряд ассоциаций индивидуального характера: «Становится холодно. Появляются сугробы. Иногда морозно и ветрено»; «Приходится теплее одеваться, чтобы не заболеть»; «Зимой празднуют Рождество и наступление Нового года». Как видим, консуппозиции в отличие от постсуппозиций не порождаются как

цепочка умозаключений, приводящих к некоему информационно значимому результату в виде выводного знания или мнения. Они скорее связаны с инициализацией структур памяти, хранящих информацию, ассоциативно связанную с содержанием высказывания. Поэтому правомерным будет вывод о том, что если пресуппозиции и постсуппозиции находятся с речевым высказыванием в, так сказать, синтагматических отношениях, расширяя его значимостный потенциал, то консуппозиция находится с ним в парадигматических отношениях, углубляя его значимостный потенциал.

Теория речевых актов и теория пресуппозиций, будучи изначально отчетливо различными логико-философскими концепциями, в рамках прагматической теории постепенно сближались, результатом чего стало появление пересекающихся и налагающихся друг на друга зон проблематики. Иногда интеграция заходит так далеко, что уже становится практически невозможно определить, которой из двух субдисциплин — теории речевых актов или теории пресуппозиций — подведомственна та или иная прагматическая проблема. Такое положение дел не должно вызывать удивления: по сути, это закономерный итог интегрирования на базе общности объекта исследования и в рамках общности решаемых задач исследования. Общий для теории речевых актов и теории пресуппозиций объект исследования — реальное речевое высказывание, продуцируемое в реальной ситуации общения. Их общая задача — анализ условий, мотивов, целей и следствий (результатов) коммуникативного акта в тесной связи с формой его репрезентации и с поправкой на управляющие им правила межличностного взаимодействия. Поскольку обстоятельства, оказывающие влияние на процесс речетворчества, носят, как было показано, весьма прихотливый характер и отличаются большим разнообразием, то на сегодняшний день прагматический синтаксис не приходится считать законченной и оформившейся теорией — напротив, он скорее находится в стадии становления, и самые существенные его достижения еще впереди.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие теории послужили основой для прагмалингвистики?
2. Объясните суть теории речевых актов, изначально разрабатывавшейся как логическая проблема.
3. В чем состояла суть эволюции теории речевых актов при осмыслении ее как прагмалингвистической теории?
4. Что такое локуция, иллюкутивная сила высказывания и перлокутивный эффект высказывания?
5. Объясните разницу между прямыми и косвенными речевыми актами.

6. Дайте примеры перформативных глаголов и высказываний с ними. Каким критериям должны отвечать перформативные глаголы и почему?

7. В чем суть логической теории пресуппозиций, сформулированной Г. Фреге? Почему она непригодна для целей прагмалингвистического анализа?

8. Что такое постсуппозиции?

9. Какие два понимания консуппозиций существуют в прагмасинтаксической теории?

10. Назовите точки соприкосновения теории пресуппозиции и теории речевых актов как частей прагмалингвистической теории.

ЛЕКЦИЯ 13

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА

1. Введение
2. Прототипическая теория и грамматика
3. Психология восприятия и грамматика
4. Метафоризация и грамматика
5. Перспективизация и грамматика

1. ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная грамматика является сравнительно новым типом лингвистической теории, разрабатываемой в рамках когнитивной лингвистики. Естественным поэтому будет небольшое введение к лекции, посвященное рассмотрению базовых методологических установок и основного круга проблем этого направления в языкознании.

Когнитивная лингвистика, заявившая о себе в качестве более или менее отчетливо оформившейся теории в конце 80-х гг. XX в., приняла на вооружение следующие основные положения относительно своего объекта. Язык есть ментальное явление, продукт сознания и мышления и должен рассматриваться наряду с такими мыслительными способностями человека, как память, воображение, интуиция и т. п. Отсюда два важных вывода.

Вывод первый: язык антропоморфен; многое в нем идет от человека, коренится в особенностях его ментальной и физической природы, объясняется предназначенностью служить человеку, удовлетворять его нужды.

Вывод второй: связь языковой системы как семиотического аналога мира с самим этим миром носит субъективизированный характер, так как, строго говоря, отражает внешний мир не язык, а человек — носитель языка сообразно своей психосоматической, эмоциональной, волевой, умственной природе.

Язык, таким образом, есть результат способности человека к символьному мышлению. Сформировавшийся в сознании человека язык отвечает за наличие у него так называемой языковой картины мира, которая обуславливает модус восприятия и осознания внешнего мира как бы сквозь призму категорий родного языка (прежде всего лексических и грамматических). Признание это-

го факта могло бы привести нас к идее обусловленности мышления категориальным устройством языка, к мысли о том, что человек «видит» мир таким, каким его преподносит ему язык. Когнитивный взгляд на язык, однако, не позволяет признать в нем творца человеческого мышления, так как он постулирует наличие в сознании не только языковой, но и концептуальной картины мира. Последняя представляет собой результат отражения и переработки сознанием явлений внешнего мира, продукт интериоризации внешнего мира внутренним миром человека и как таковая в силу универсальности законов мироустройства в основных своих чертах является универсальной для всех людей. Концептуальная картина мира богаче, ярче и объемнее, чем языковая картина мира, поскольку далеко не все дискретные элементы сознания (концепты) получают в конечном итоге языковое выражение. **Концепты** — любые дискретные содержательные элементы сознания, операционные сущности, при активации и манипулировании которыми осуществляется мышление. Концепты образуются в результате чувственного (визуального, аудитивного, тактильного и т. д.) контакта человека с миром; процесс формирования концептов в мозге человека называется **концептуализацией**. Концепты не находятся в состоянии хаоса — благодаря классифицирующему началу в деятельности человеческого разума они упорядочиваются, систематизируются, выстраиваются в иерархии, группируются в типы и подтипы, совмещаются и дифференцируются на основе индивидуальных признаков и т. д. Все эти таксономические (классификационные) преобразования, происходящие с концептами, называются **категоризацией**. Будучи освоенными сознанием, концепты могут получать языковой статус, развивая в себе черты языкового знака. Этот подход позволяет прояснить и сущность **языкового значения**: оно предстает в качестве концепта, связанного, «схваченного» знаком. Такое понимание языкового значения, выработанное в когнитивной лингвистике, представляется весьма удачным, так как, с одной стороны, оно подчеркивает нетождественность собственно концептуального и собственно языкового (концепт может и не быть связан знаком, и тогда он остается, так сказать, в глубине сознания, без выхода на поверхность), а с другой — опровергает представление о «послойном» принципе устройства человеческого сознания, в соответствии с которым концепты образуют свой уровень, или стратум, сознания, а языковые знаки — свой, причем существующие между слоями границы перейти можно (переход из зоны концептов в зону языковых значений), но лишь за счет потери членства в концептивном сообществе.

В каких случаях концепты «оязыковляются», становятся семантической, десигнатной стороной словесных знаков? Очевидно в тех, когда возникает необходимость передачи концепта другому

лицу, то есть при возникновении потребности в коммуникации. Для того чтобы быть переданным собеседнику, концепт должен быть приведен в коммуникативно пригодную форму, стать частью языкового знака. На данном этапе наших рассуждений надлежит сделать существенную оговорку: при коммуникативном взаимодействии людей никакой «передачи» концептов в собственном смысле слова не происходит. Передается лишь законоситель, тело знака, манифестант его десигнаторной стороны в виде звуковых или графических колебаний, чья функция состоит в возбуждении концептуальных связей в сознании реципиента (получателя) речи в соответствии с замыслом ее адресанта. Наличие сопоставимых концептуальных систем в сознании общающихся людей является условием и залогом успеха в коммуникации. Коммуникативные неудачи или сбой, в частности, объясняются неконгруэнтностью концептуальных систем или subsystemов коммуникантов. Попытки объяснить первокласснику основы когнитивной грамматики или стремление математика растолковать музыканту сущность сложной алгебраической теории, скорее всего, ни к чему не приведут — уровень концептуальной зрелости шестилетнего ребенка еще не таков, чтобы позволить ему успешно овладеть сложной лингвистической проблематикой, а в сознании музыканта обычно отсутствует аналог той концептуальной области, которая обеспечивает математику возможность мышления на профессиональные темы.

Способность концептуальных систем разных людей к взаимодействию высвечивает еще один источник концептуализации — языковой. В более сильном варианте это утверждение могло бы выглядеть так: язык является не только одним из источников расширения и обогащения индивидуальных концептуальных систем, но и основным источником концептуализации, поскольку специализирован в функции носителя информации. Таким образом, когнитивная лингвистика смотрит на язык, с одной стороны, как на продукт концептуальной системы, а с другой — как на канал подпитки и средство насыщения концептуальной системы. Отсюда и взгляд на язык как на основное (хотя и не единственное) средство получения, хранения, переработки информации и ее передачи от одного индивидуума к другому. Вот почему лингвисты-когнитологи акцентируют роль языка в способности человека формировать новые знания. Вообще говоря, эта роль была хорошо известна и до когнитивной лингвистики, но последняя в отличие от предшествующих парадигм¹ лингвистического знания не просто констатировала ее, но и приняла в качестве одной из основных целей своей исследовательской программы, анализируя ме-

¹ Под парадигмой в данном контексте понимается система теорий, образующих единое лингвистическое течение.

ханизмы взаимодействия языка и интеллекта. Именно на пути исследования этих механизмов и были получены новые интересные результаты, часть из которых будет изложена ниже.

2. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ГРАММАТИКА

Одной из важных идей, развиваемых в рамках лингвистической когнитологии, является новый подход к принципам категоризации, противопоставляемый обычно так называемому «классическому», идущему от Платона и Аристотеля и господствовавшему в науке на протяжении большей части XX в. В соответствии с классическим подходом вопрос о членстве единицы в классе решается следующим образом: если единица обладает всем набором признаков, характерных для данного класса, то она входит в этот класс; если она не обладает хотя бы одним из признаков данного класса, то она в этот класс не входит. Из этого следует, что:

- все единицы, входящие в класс, обладают равным статусом (поскольку обладают одинаковым набором признаков членов данного класса);
- границы между классами носят четко очерченный характер;
- все единицы попадают в свой класс, ни одна единица не остается за пределами какого-либо класса или между классами.

Ряд разработанных в XX в. методов лингвистического анализа как будто подтверждал справедливость такого подхода к явлениям языка. Речь идет прежде всего об уже упоминавшемся компонентном анализе, согласно которому, напомним, семантическая структура слова разложима на определенное количество минимальных семантических признаков (сем, семантических множителей), необходимых и достаточных для формирования значения слова. Вспомним уже приводившийся пример — слово *bachelor*, чья четырехкомпонентная семантическая структура (*human being, male, adult, unmarried*) является минимально необходимой и максимально достаточной для идентификации его как такового. Любая лексическая сочетаемость, гасящая одну из указанных сем, либо ненормативна, либо приводит к тропеизации по модели оксюморона (ср. *female bachelor, infant bachelor, married bachelor*).

Однако когда слово *bachelor* из разряда виртуальных языковых знаков переходит в разряд актуальных речевых, то есть когда оно становится частью речевого высказывания со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде активации речемыслительной деятельности коммуникантов, появления фактора ситуационной и контекстной обусловленности высказывания, приобретения высказыванием статуса одного из видов человеческой деятельности, то от былой ясности и прозрачности его семантической струк-

туры не остается и следа. Правомерность высказываний с этим словом становится куда менее очевидной, чем это представлялось ранее. Можно ли, например, сказать *The Pope is a bachelor*? В данном предложении, казалось бы, ничто не мешает употреблению слова *bachelor* — ни одна из его сем не подвергается «атаке» со стороны его вербального окружения. И вместе с тем нельзя не признать, что имеется нечто, делающее это высказывание не вполне приемлемым, хотя и абсолютно грамматичным. Что это? Очевидно, это фоновые знания коммуникантов о том, что характеристика *married/unmarried* неприменима к Папе Римскому, ибо занимаемый им пост не дает своему обладателю альтернативы относительно брачного статуса — этот пост могут занимать исключительно неженатые мужчины. Таким образом, рассматриваемое предложение тавтологично, а потому неуместно. Его тавтологичность и неуместность открываются нам лишь тогда, когда происходит активация не только и не столько собственно лингвистических знаний (как, например, знание семной структуры слова *bachelor*), сколько экстралингвистических, энциклопедических знаний как информации о социальных, религиозных и иных установлениях, принятых в обществе.

Схожие проблемы возникают с предложением *You'll become a bachelor when you turn 18*. Дело в том, что статус «взрослости» не приобретается человеком в одночасье. Это целый комплекс культурных, социальных, эмоциональных стереотипов, варьировующих от культуры к культуре.

В некоторых странах взрослыми считаются люди, достигшие 14 лет, в других — 16, в большинстве — 18, а в некоторых — 21 года. В любом случае все понимают, что фактическая взрослость отнюдь не наступает в день рождения. Невозможно сказать, что накануне дня своего рождения человек был еще ребенком, а в день рождения стал вполне взрослым. Взрослость, таким образом, хотя и понятие вполне определенное, но с весьма аморфными, подвижными, субъективно устанавливаемыми границами: скажем ли мы о 16-летнем юноше, что он взрослый? Некоторые скажут, что да, другие — что нет, а многие — что надо бы лучше узнать, что он за человек, как себя ведет, насколько зрелые решения принимает, и потом уже решить, взрослый он или нет. Назовем ли мы взрослым столетнего старца? Пожалуй, мы скорее назовем его очень пожилым человеком, старым человеком, стариком, но вряд ли взрослым человеком, ибо признак взрослости предполагает в соответствии со сложившимися социальными стереотипами наличие таких характеристик, как активное социальное функционирование, способность содержать семью, ответственность за принятие решений на работе и дома, значительная степень социальной автономности и независимости, вовлеченность в работу социальных институтов и т. д.

С другой стороны, высказывание *I am a bachelor* из уст женщины-феминистки уже не выглядит в наше время ни как ненормативное, ни как стилистически отмеченное, несмотря на то что явно входит в конфликт с семей *male* в семантической структуре слова *bachelor*. Причина этого опять же нелингвистична. В современном обществе эмансипированная женщина может выполнять типично мужские виды работ, носить мужскую одежду и т. д., что нивелирует социальную разницу между женщиной и мужчиной, а на языковом уровне проявляется в нормативности предложений типа рассматриваемого.

Проанализируем еще два примера. Первый касается слова *мать*, второй — слова *одежда*. Согласно словарным дефинициям мать — женщина, родившая ребенка. Однако как быть с женщиной, родившей и потерявшей ребенка? Как трактовать статус суррогатной матери? В какой степени признак материнства присущ женщине, родившей, но не воспитывающей ребенка, а отдавшей, например, его в приют? Приложим ли признак материнства к женщине, не рожавшей ребенка, но воспитывающей чужого?

Одежда с лексикографической точки зрения есть не что иное, как совокупность предметов, которые покрывают тело. Они предназначены для защиты человека от неблагоприятного природного (в особенности погодного) воздействия. Является ли в таком случае одеждой платочек, которым женщина повязывает свою голову, входя в христианский храм? Являются ли также одеждой предметы, носимые духовными лицами — представителями разных культов, особенно во время богослужения?

В соответствии с требованиями классической категоризации мы должны были бы дать отрицательные ответы на все вопросы, сформулированные в двух предшествующих абзацах, так как определяемые нами понятия не в полной мере соответствуют их дефинициям, предложенным в языковых справочниках. Согласно же альтернативной точке зрения, которой придерживается лингвист-когнитолог, ответы будут положительными, и вот почему. Когнитивная лингвистика, отвергая классический принцип категоризации, придерживается того взгляда, что мир не состоит из четко выделяемых классов объектов, между которыми проведены контрастные границы и которые вбирают без остатка все сущее. Напротив, природа мира такова, что он текуч, подвижен и континуален. Категории формируются скорее как открытые, чем как закрытые классы, допуская множество зон соприкосновения и переходов из одной категории в другую; границы между категориями носят зыбкий, подвижный, аморфный, нечеткий, диффузный характер, в большинстве случаев трудно определимый и неуловимый. Членство единицы в категории является вопросом степени вхождения данной единицы в данную категорию: единица может обладать всем набором признаков данной категории, быстрее и легче других опознаваться

как присущая данной категории, быть типичным представителем данной категории, или, другими словами, ее *прототипом*. Но единица может и не обнаруживать всех черт, присущих данной категории. Более того, она может обнаруживать некоторые черты, присущие другой категории. Она может относиться к числу единиц данной категории лишь с определенными оговорками, но и тогда она является единицей данной категории — непрототипической, нетипичной, периферийной. Этот неклассический альтернативный подход к категоризации получил название *прототипического*, поскольку основным его понятием является понятие прототипа как центрального, ядерного представителя категории, а основной идеей — неравноценность, неравнозначность членов категории, негомогенность (неоднородность) самой категории, прозрачность и проницаемость ее границ.

Для грамматики принцип прототипической организации категории чрезвычайно важен. Он объясняет, в частности, осмысленность таких высказываний, в которых, на первый взгляд, наблюдается некий таксономический дефект, вызванный «неправильным» употреблением слов (*Tom's mother is not a real mother: she does not care for him a bit*), и неузуальность таких высказываний, между элементами которых, казалось бы, соблюдена безупречная семантическая конгруэнтность и вместе с тем при всей их «правильности» они являются изгоями реальной речевой коммуникации (*You'll become a bachelor when you turn 18*).

3. ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ГРАММАТИКА

Когнитивная грамматика, будучи одной из дисциплин когнитивного цикла, не может не учитывать результаты других наук о природе человеческого сознания. Это естественным образом связывает грамматику с психологией, особенно с психологией восприятия, которая, в частности, предоставила в распоряжение когнитологов интересную и плодотворную теорию фигурно-фонного принципа восприятия. Опираясь на данную теорию, когнитивная грамматика наконец смогла объяснить нормативность одних и ненормативность других высказываний, при том что и те и другие являются грамматически правильными. Поясним сказанное на примерах.

При необходимости дать ответ на вопросы о пространственном расположении некоторых объектов относительно друг друга человеку свойствен выбор следующей стратегии:

Where is the cat? The cat is on the mat.

Where is the mat? The mat is on the chair.

Where is the chair? The chair is on the carpet.

Where is the carpet? The carpet is on the floor, etc.

Where is the house? It's in the park.

Where is the park? It's in the downtown area of the city, between the embankment and First avenue.

Where is the city? It's in the north-west of the state.

Where is the state? It's in the north of the US, etc.

Where is the lamp? The lamp is on the table.

Where is the table? The table is on the floor, etc.

Что общего у всех этих высказываний? Общим у них является механизм описания пространственного положения объектов относительно друг друга. При нарушении этого механизма мы получим грамматически верные, но странные, неестественные высказывания типа: *Where is the table? The table is under the lamp. Where is the floor? It's under the table, etc.; Where is the city? It surrounds the park. Where is the park? It is round the house.* В чем тут дело? Дело в том, что в последней серии примеров мы нарушили принцип фигурно-фонового восприятия мира. Согласно этому принципу мы воспринимаем объект на фоне другого объекта, причем первый объект является фигурой (figure), а второй — фоном (ground). Фигура, во-первых, меньше фона по размеру, а во-вторых, как правило, более динамична, чем относительно статичный фон. Вот почему, хотя отношения между столом и полом с логической точки зрения равноправны (если стол стоит на полу, то пол лежит под столом), с психологической точки зрения они асимметричны, так как пол является естественным фоном для стола, а стол не может являться естественным фоном для пола. То же самое можно сказать про все остальные примеры. Хотя коврик лежит под кошкой, естественным способом обозначить пространственные отношения между кошкой и ковриком можно, если сказать, что кошка лежит на коврике, а не коврик лежит под кошкой. Отсюда и выражение *коврик лежит на стуле* гораздо предпочтительнее, чем выражение *стул стоит под ковриком*.

В когнитивной грамматике теория фигурно-фонового отражения получила развитие в виде использования понятий **траектора** (trajector) и **ориентира** (landmark). Под траектором понимается относительно небольшой по размерам и относительно (хотя бы потенциально) подвижный объект, меняющий или способный изменить свое местоположение. Под ориентиром имеется в виду относительно большой по размеру и относительно статичный объект, который и служит своеобразной системой координат для траектора. Так, если воздушный шарик висит или летит над домом, то ситуация будет, очевидно, описана предложением *The balloon is flying over the house*, но не предложением типа **The house is standing under the balloon*. Равным образом взаиморасположение дома и автомобиля будет описываться как *The car is by the house*, но не как **The house is by the car*, так как дом является ориентиром

по отношению к автомобилю, а автомобиль является траектором по отношению к дому.

Из сказанного видно, что данные психологии восприятия (в особенности визуального) оказываются лингвистически существенными, так как проливают свет на причины структурирования целого класса высказываний.

4. МЕТАФОРИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКА

С античных времен метафора рассматривалась как один из стилистических приемов, используемых в литературной, в первую очередь поэтической, речи. Лингвистическая когнитология, однако, кардинальным образом пересмотрела этот взгляд на метафору, признав ее одним из универсальных познавательных механизмов и обнаружив ее широкое распространение в повседневной, обыденной речи, как в устной, так и в письменной. Причина, по которой метафора столь широко используется в повседневной речевой деятельности, кроется в том, что в основе метафоры лежит сравнение, а согласно когнитологическим исследованиям, процесс познания, как правило, предполагает усвоение нового знания путем сравнения, сличения его с уже известным, освоенным. Иными словами, освоить нечто новое гораздо легче, если идти к нему через уже известное, привычное, устоявшееся. Именно это и происходит всякий раз при метафоризации — познаваемое видится сквозь призму познанного, становясь приращением интеллектуального багажа индивида.

Итак, когнитивная грамматика указала на тот факт, что любая метафора в основе своей имеет когнитивную природу. Структурно метафора состоит из элемента, называемого целью, или **целевой областью** (target domain), и элемента, называемого источником, или **областью-источником** (source domain), между которыми устанавливаются отношения тождества. Примером могут служить такие метафорические выражения, как *Life is a long journey*; *Competition is war*; *Marriage is a deal*; *Exam is no cake work*; *Information is influence*; *Knowledge is power* и т. д.

Целевая область — это, как правило, понятие, основное содержание, главная характеристика, ключевое свойство которого раскрываются в источниковой области, представляющей собой нечто более конкретное, а потому простое и наглядное, нежели цель. Действительно, уподобляя жизнь (цель, целевая область, определяемое понятие) долгому путешествию (источник, определяющее понятие), мы упрощаем и схематизируем понятие жизни, делая его более простым и наглядным, а потому более доступным для слушателя. Обычно человек знает, что длинное путешествие есть перемещение в пространстве за продолжительный

период времени, при этом с путешественником может случиться всякое: его подстерегают болезни, встречи с неприятными и опасными людьми (равно как и хорошими), существует угроза потерять или бездумно растратить деньги (но также и разбогатеть), возможны одиночество и предательство попутчиков (наряду с преданной дружбой). Кроме того, любое путешествие когда-то начинается и когда-то заканчивается. Начало и конец путешествия интерпретируются в рассматриваемой метафоре как рождение и смерть человека.

Проанализируем еще ряд метафор, структура которых, обсуждаемая нами в терминах цели и источника, проступает не столь явно, как в примерах, приведенных выше: *Prices go up and down every week*; *The train climbed up a hill*; *Tom's displeasure is growing*; *Mother's voice rose* и т.п. Все это примеры стершихся, банальных метафор, которые отличаются образностью и новизной, но именно это в метафоре и важно. Коль скоро она есть универсальный инструмент познания, естественно ожидать, что она будет встречаться на каждом шагу и, удерживаясь в языке в течение длительного времени, перестанет восприниматься как экспрессивная, выразительная форма, приобретая статус нейтральной. Отсюда справедливость когнитивного взгляда на метафору: «Язык — это кладбище метафор».

5. ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКА

Еще одной интересной идеей, возникшей как следствие когнитивного подхода к языку, явилось введение в лингвистический анализ высказывания фактора наблюдателя. Этот фактор наблюдателя становится чрезвычайно важным всякий раз, когда одну и ту же ситуацию можно описать с разных точек зрения. Говорящий может мысленно отождествить себя с неким наблюдателем, виртуально помещенным им в определенную точку пространства описываемой ситуации, и «увидеть» ситуацию его глазами, задавая соответствующую *перспективизацию*, или фокусировку, сообщения. Это свойство видеть ситуацию чужими глазами, воспринимать ее органами чувств другого человека, хотя бы и воображаемого, получило название *эмпатии*. Эмпатия существенна всякий раз, когда необходимо представить ситуацию с точки зрения лица, фактически или фиктивно в ней участвующего. Сравним следующие предложения: *The path ran down from the top of the mountain to the sea* и *The path ran up from the sea to the top of the mountain*. Первое могло бы принадлежать человеку, который, находясь на вершине горы, спускается по тропинке вниз к морю; второе — тому, кто поднимается со стороны моря по тропинке, ведущей на вершину горы. Заметим, что ни в одном из предложений при этом не упо-

мянуто никакое лицо, совершающее спуск с горы или восхождение в гору. Автор высказывания приглашает читателя или слушателя воспринять ситуацию с позиции наблюдателя: в первом случае как бы спускающегося с горы к морю, а во втором — поднимающегося от моря в гору. Еще раз акцентируем тот факт, что на самом деле тропинка не спускается и не поднимается: таковой ее видит некий наблюдатель, а вслед за ним — читатель или слушатель. Иными словами, хотя описываемая ситуация относительно статична, наш внутренний взор скользит в одном случае сверху вниз, в другом — снизу вверх.

Своеобразные формы перспективизации усматриваются и в степени детализации описания ситуации. Так, предложением *She left home for office* описывается ситуация ухода из дома в направлении офиса в самом общем виде. Однако данная ситуация, вне всяких сомнений, может быть описана куда более подробно. Ясно, что выход из дома состоит из серии необходимых действий: человек надевает уличную одежду, берет ключ, запирает входную дверь, спускается по лестнице и т.п. Каждое из этих действий, в свою очередь, состоит из ряда других. Например, чтобы надеть одежду, нужно подойти к шкафу или вешалке, взять предмет одежды, надеть его, затем, как правило, посмотреть на себя в зеркало, чтобы удостовериться, что одежда надета правильно. Дорога на работу также может быть описана более детально. Можно, например, указать, что человек поехал на собственной машине, или взял такси, или сел в автобус и т.д. Все это может быть, а может и не быть словесно выражено в высказывании. Здесь перед нами встают два вопроса:

1) чем мотивируется выбор фрагмента ситуации как подлежащего обозначению средствами языка?

2) что делает возможным словесную невыраженность большинства фрагментов ситуации?

На первый из них когнитивная грамматика отвечает так. Если фрагмент ситуации все-таки выражен словесно, то это означает, что говорящий считает данную информацию важной. Так, если говорящий предпочтет вариант *She left home at 5 p.m. and went to her office by taxi*, то слушающий правильно поймет следующий сигнал, посылаемый ему говорящим: время действия (*5 p.m.*) и способ передвижения до работы (*by taxi*) являются информационно существенными.

При ответе на второй вопрос следует обратиться к уже упомянутому понятию концептуальной картины мира и пояснить, что человек обычно знает причинно-следственные связи мира и хранит в памяти прототипические образцы жизненных ситуаций, их когнитивные модели, которые в когнитивной лингвистике называются фреймами. Отсюда вытекает способность человека к выводу к знанию, то есть, по сути, его способность восстанавли-

вать те звенья из цепи событий, которые не нашли своего языкового воплощения в высказывании. Это позволяет людям общаться как бы намеками, никогда не выражая словесно полностью все детали ситуации и полагаясь на умение собеседника актуализировать в своей памяти соответствующий фрейм, который и поможет ему восстановить все необходимые связи для достаточно полного понимания ситуации.

Как видим, когнитивная грамматика не является грамматикой в традиционном смысле слова. Это не есть учение о членах предложения, частях речи, типах словосочетаний и предложений, видах синтаксических связей и т. д. Это взгляд на язык как на ментальную способность человека, специализированную в совершении операций информационного порядка. Поскольку когнитивная грамматика ориентирована содержательно, она имеет массу точек соприкосновения с когнитивной семантикой; они взаимодействуют настолько тесно, что иногда границу между ними провести невозможно, да и вряд ли необходимо. Поскольку когнитивная лингвистика опирается на признание континуального характера континентальной содержательной стороны языка, то во многих случаях не важно, как мы назовем ту или иную лингвистическую дисциплину, в рамках которой будет проходить исследование некоей когнитивной проблемы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Определите основные положения и понятия когнитивной лингвистики.
2. В чем заключается связь между когнитивной лингвистикой и другими науками, исследующими человеческое сознание?
3. Что имеется в виду под концептуализацией и категоризацией? Что такое концепт?
4. В чем разница между классической и прототипической моделями категоризации? Что такое прототип? Какие грамматические явления подлежат объяснению с точки зрения прототипической модели?
5. В чем состоит суть фигурно-фонового принципа отражения действительности? Что такое фигура и что такое фон?
6. Что в когнитивной грамматике понимается под траектором и ориентиром? Приведите примеры.
7. Что делает возможным рассмотрение метафоры как когнитивного явления? Как структурируется метафора с точки зрения лингвистической когнитологии? Приведите примеры.
8. Что такое перспективизация/фокусировка высказывания?
9. Что такое эмпатия? Как она связана с фактором наблюдателя?
10. Что такое языковая картина мира и концептуальная картина мира? Какую роль играют эти понятия в когнитивной грамматической теории?

ЛЕКЦИЯ 14

ГРАММАТИКА ТЕКСТА

1. Введение
2. Основные единицы текста
3. Свойства текста
4. Средства внутритекстовой связи. когезия и когерентность
 - 4 1 Когезия
 - 4 2. Когерентность
5. Типы контекста
6. Текст и дискурс
7. Грамматика текста или лингвистика (теория) текста?

1. ВВЕДЕНИЕ

В 60—70-х гг. XX в. все более широкое распространение в лингвистической среде получило мнение о том, что предложение не есть высший уровень языковой иерархии, как это считалось ранее. Было подмечено, что в реальности предложения в большинстве своем лишь относительно структурно и семантически самостоятельны: качество полной завершенности предложение приобретает лишь в составе единицы более высокого уровня — текста.

Текст стал рассматриваться многими лингвистами как высший языковой уровень, обладающий собственными категориями и единицами, а также законами построения, то есть особой специфической грамматикой. К тому же стало очевидным, что и многие явления традиционной сентенциональной грамматики (такие, как артиклевая детерминация, порядок слов, структурная неполнота, тема-рематическое членение и др.) получают иное, более адекватное освещение и толкование, будучи проанализированными с точки зрения включенности предложения в лингвистический контекст, будучи рассмотренными, так сказать, не «изнутри» предложения, а «извне». В *грамматике текста* отстаивался — и небезуспешно — постулат о том, что текст обладает мощным интегративным потенциалом и, следовательно, в структурном и коммуникативном отношении представляет собой такое образование, свойства которого несводимы к сумме свойств составляющих его предложений.

2. ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА

К основным единицам текста относятся внутритекстовые блоки, представляющие собой цепочки предложений, характеризующиеся относительной структурной и смысловой завершенностью и именуемые либо *сложными синтаксическими целыми* (ССЦ), либо *сверхфразовыми единствами* (СФЕ). В некоторых ранних работах по теории текста предлагалось использовать для обозначения единицы текста также и термин «абзац», однако в дальнейшем от этого отказались, так как, во-первых, было отмечено несовпадение границ ССЦ/СФЕ и абзаца письменного текста, а во-вторых, термин «абзац» уже был востребован в полиграфии и его дубликат в теории текста создавал бы излишнюю терминологическую омонимию.

Что же касается появившихся терминов ССЦ и СФЕ, то и они далеки от совершенства в силу своей содержательной размытости. Термин «сложное синтаксическое целое» дает основание думать, что существует и простое синтаксическое целое, то есть минимальная единица синтаксиса. При этом хорошо известно, что минимальной единицей синтаксиса в традиционном понимании является словосочетание, а значит, под «сложным синтаксическим целым» вполне можно понимать предложение, хотя бы и сложное.

Не меньшие претензии и к термину «сверхфразовое единство». Во-первых, для понимания компонента «сверхфразовое» необходимо знать, что такое фраза, однако такого термина в русскоязычной лингвистической литературе не существует; в обыденном же понимании под фразой имеется в виду любая реплика, сказанная кем-либо кому-либо, причем, как правило, в устной форме (ср. идиоматичное *переброситься парой фраз*). Во-вторых, английский аналог термина «сверхфразовое единство» (*supra-phrasal unity*) содержит компонент «*phrase*», который как термин обозначает словосочетание. Следовательно, *supra-phrasal unity* логически истолковывается как «единство иерархически выше словосочетания», то есть опять-таки предложение. Несмотря на указанные недостатки, термины ССЦ и СФЕ являются общепринятыми в лингвистической литературе и широко используются для обозначения единиц текста.

3. СВОЙСТВА ТЕКСТА

К основным свойствам текста относятся *целостность* и *связность*. Под целостностью понимается обычно невозможность извлечения из текста каких-либо его фрагментов, ибо в противном случае текст либо разрушается, либо преобразуется в иной текст. В любом случае извлечение из текста любого фрагмента не может

пройти для него бесследно. Под связностью понимается логико-содержательная и формальная структурированность текста, обуславливающая невозможность перестановки его компонентов в ином порядке или включение в него каких-либо «инородных» фрагментов.

Следует отметить, что, хотя понятия «целостность» и «связность» были систематически эксплицированы лишь применительно к тексту, на самом деле они не являются специфически текстовыми, а применимы к единицам любых других лингвистических уровней. Действительно, количество и порядок морфем в слове строго определены и не могут меняться произвольно; словосочетание также структурировано вполне определенным образом и не может быть трансформировано без ущерба для своей целостности и связности. Целостность и связность в полной мере характеризуют и предложение, как простое, так и сложное. Однако надо отметить, что связность на уровне текста реализуется в качественно иных формах, нежели на уровне предложения.

4. СРЕДСТВА ВНУТРИТЕКСТОВОЙ СВЯЗИ: КОГЕЗИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ

Связность текста, как было указано выше, может быть формальной и содержательной. Для обозначения формально-лингвистических средств внутритекстовых связей в лингвистике текста используется термин *когезия*, а для обозначения содержательных средств связи — термин *когерентность*. При этом выделяются и описываются различные типы как когезии, так и когерентности.

4.1. Когезия

В целом выделяются следующие виды когезии.

1. **Референция.** Под референцией понимаются лингвистические средства отсылки либо к предшествующему контексту (*ретроспекция*), либо к последующему (*проспекция*). Ретроспективную референцию еще называют *анафорой*, а проспективную — *катафорой*. Наиболее явным средством референции в английском языке служит артиклевая детерминация: определенным артиклем обычно маркируется анафорическая связь, а неопределенным — катафорическая. Например, в предложении *The boy was pale* определенный артикль указывает на то, что денотат, обозначенный детерминируемым им существительным (*boy*), уже был упомянут в предшествующем контексте. Артикль как бы сигнализирует: «Вспомни сказанное ранее, обратись к предшествующему отрезку

речи». В предложении *I met once a boy* неопределенный артикль служит индикатором того, что существительное *boy* упомянуто впервые и что в последующем контексте о денотате, обозначенном данным существительным, будет дана какая-то дополнительная информация. Артиклевая детерминация, безусловно, не единственное средство референции. Так, в предложении *I'll tell you what...* местоимение *what* «делает заявку» на последующее сообщение и служит, таким образом, средством катафорической связи. Многие английские сентенциальные наречия (*contrariwise, likewise, similarly, etc.*) являются средствами анафорической связи, прозрачно указывая на наличие предшествующего контекста: *Similarly, Jack did not know what to do.*

2. **Субституция.** Субституция предполагает замену полнозначного элемента или элементов предшествующего контекста неполнозначным элементом или элементами в последующем контексте. Наиболее ярким и частотным примером субституции является **прономинализация** — использование местоимений вместо имен существительных: *Jack could neither read nor write. He was illiterate.* Описаны и другие способы субституции, например с помощью глагольного слова *do*: *Who knows Mary? — I do* — или приинфинитивного *to*: *Would you like to go to the theatre? — I'd love to.*

3. **Эллипсис.** Под эллипсисом понимается структурная неполнота предложения. Эллиптическое предложение, однако, всегда может быть «достроено» до полного, при этом выделяются два принципиально различных типа эллипсиса: **парадигматически восполняемые эллипсисы** и **синтагматически восполняемые эллипсисы**. Первые из названных восполняются до структурно полных аналогов при помощи обращения к лингвистической компетенции носителя языка, то есть к знанию им соответствующих правил структурирования предложения. Так, вопрос *Ready?*, адресованный одним собеседником другому, без труда восстанавливается последним до полного *Are you ready?* на основе знаний норм английской грамматики и не требует обращения к контексту речи. Этот тип эллипсиса **не** рассматривается как средство внутритекстовой когезии. Напротив, синтагматически восполняемые эллипсисы восстанавливаются до структурно полных аналогов исключительно благодаря наличию соответствующего лингвистического контекста; например, в вопросно-ответном единстве *How was your journey? — Fine* ответ может быть восполнен до структурно полного соответствия *My journey was fine* только благодаря наличию предшествующего контекста.

4. **Конъюнкция.** Под конъюнкцией подразумевается использование разного рода соединительных элементов между предложениями, прежде всего союзов (*I was terribly angry. And Ann was too*), но также и других способов, например наречий (*firstly, secondly, lastly*) и даже сентенциальных образований типа *I mean*.

5. **Изотопия текста.** Изотопия текста, именуемая еще лексической когезией или тематической сеткой, предполагает в качестве средства связи использование лексических единиц, «обслуживающих» одну и ту же предметную область. Так, если в текстовом фрагменте мы наблюдаем такие слова, как *books, librarians, to read, reading halls, shelves, journals*, то ясно, что описывается ситуация, относящаяся к библиотеке или читальному залу.

Завершая обзор средств когезии, отметим следующее. Иногда бывает довольно затруднительно определить, какое из средств когезии реализуется в каждом конкретном случае. Так, в приведенном выше примере *Would you like to go to the theatre?— I'd love to* ответная реплика может рассматриваться как демонстрирующая и референцию (*to* анафорически отсылает к предшествующему контексту), и субституцию (*to* замещает собой фразу *to go to the theatre*), и эллипсис. Данный факт, однако, не опровергает самой принципиальной возможности разграничения различных видов когезии и не препятствует выделению различных ее типов.

4.2. Когерентность

Как было сказано выше, текст представляет собой не только структурное, но и тематическое единство, а значит, можно выделить и содержательные параметры, характеризующие его как единицу высшего уровня. Заметим, правда, что иногда нижеперечисленные содержательные параметры текста рассматриваются как принадлежности и теории прагматики.

1. **Интенциональность** есть цели, задачи и намерения, которые преследует автор, порождающий текст.

2. **Акцептабельность** есть приемлемость порождаемого текста для его реципиента. Будучи комплементарной (то есть представляя собой парное понятие) по отношению к интенциональности, акцептабельность подчеркивает активную роль адресата текста.

3. **Информативность** есть степень репрезентации в тексте нового, неизвестного, неожиданного. Она акцентирует примарное (первичное, основное) свойство текста быть носителем определенно-го рода информации.

4. **Ситуационность** есть соответствие формы и содержания текста ситуации коммуникации. Ситуационность позволяет «вписывать» текст в формат общения, делая его релевантным для данных коммуникантов.

5. **Интертекстуальность** есть связь данного текста с другими текстами. Таким образом, интертекстуальность в отличие от всех остальных средств когезии и когерентности, описанных выше, рас-

смачивает не внутренние, а внешние связи текста и представляет собой явление столь важное и интересное, что на нем следует остановиться несколько более подробно.

Каждый новый текст — осознанно или нет — порождается автором с учетом уже созданных текстов, следы которых всегда можно выявить в данном тексте. Эти следы могут принимать форму цитирования, аллюзии, реминисценции, пародии, бурлеска, травести, римейка, сюжетной схожести, тематической, эстетической и идейной общности и т. д. Особо стоит отметить в этом ряду явление **прецедентных текстов** — получивших широкое распространение в данной культуре текстов, отдельные фрагменты которых регулярно воспроизводятся в позднейших текстах в виде цитат и ссылок. Как правило, прецедентные — это тексты классической литературы, культовых фильмов и песен, широко известных анекдотов и юморесок и т. п. Все эти явления интертекстуальности исследуются в литературоведении, однако интертекстуальность может быть описана и с точки зрения лингвистических параметров.

Лингвистические аспекты интертекстуальности обычно связываются с концепцией так называемой «памяти слова». При этом различают следующие ее виды: референциальную, комбинаторную, звуковую и ритмико-синтаксическую. Если комбинаторная память слова — это зафиксированная сочетаемость данного слова как в общем, так и в индивидуальном поэтическом языке, то референциальная память слова вызывает к порогу сознания круги значений и ассоциаций из прежних контекстов, создавая этим дополнительные приращения смысла в порождаемом тексте. Референциальная память слова как бы вбирает смысл предыдущих и последующих слов, расширяя этим рамки значения данного слова. Именно потому, что в референциальную память слова уже вложена его комбинаторная память, происходит расшифровка метафор, загадок и более сложных иносказаний. Восстановление интертекстуальных отношений одновременно происходит и на фоническом уровне, когда вступают в действие звуковая и ритмико-синтаксическая память слова. Под звуковой памятью слова понимается его способность вызывать в памяти близкозвучные слова, принадлежащие другим текстам, либо «собирать» слова из звуков данного текста, строя отношения с другими текстами на основании так называемой паронимической аттракции. Ритмико-синтаксическая память слова, в первую очередь, включает память рифмы, что связывает ее с комбинаторной и звуковой памятью, а во вторую очередь — устойчивые ритмико-синтаксические формулы, созданные на основе звуковых, синтаксических, ритмических и метрических соответствий. Ритмико-синтаксическая память — это память не только о ритмико-синтаксических, но и о ритмико-семантических и морфологических построениях в поэтическом языке.

5. ТИПЫ КОНТЕКСТА

Теория текста обычно предполагает и рассмотрение проблематики, связанной с контекстом. В контекстологии выделяется множество типов контекстов, из которых в данной лекции мы рассмотрим два — горизонтальный и вертикальный — как реже рассматриваемые в учебных пособиях по грамматике, но наиболее актуальные с точки зрения современных лингвистических исследований в области текста.

Под **горизонтальным** будем иметь в виду контекст, описывающий серию событий, непосредственно сменяющих друг друга в рамках динамично развивающейся во времени ситуации, например: *A boy entered the room. He came up to the window and opened it. Looking out of the window, he saw a girl crossing the street. Having crossed the street the girl disappeared behind the doors of a nearby cafe.*

Под **вертикальным** будем понимать контекст, который описывает ситуацию или ситуации, предшествующие или одновременные с той, которая задана в начальном предложении контекста; время в таком контексте как бы замирает или приобретает регрессивные свойства, например: *A boy entered the room. He was dressed poorly but neatly. He was thin and pale and looked very tired. It was obvious that he had not eaten for days as he was very weak. He was standing in the doorway ready to faint.*

Главными дифференциальными признаками двух рассматриваемых типов контекстов являются семантика и видовременные формы предикатов. Если в контекстах первого типа преобладает акциональный тип предиката (*to enter, to come up, to open, to look out, to cross, to disappear*), то в контекстах второго типа — статальные предикаты (*to be poorly dressed, to look pale, to be weak*). Если для контекстов первого типа характерно употребление предикатов в форме простого прошедшего времени (в английском языке, как известно, данная видовременная форма широко используется для описания последовательности действий в прошлом), то для контекстов второго типа обычными являются также формы прошедшего длительного (*was standing*) и прошедшего перфектного (*had eaten*) времен для обозначения соответственно действий, одновременных с действием, обозначенным предикатом в начальном предложении контекста, или предшествующих ему. Данное наблюдение, осуществленное в рамках теории контекста, делает возможным утверждать, что видовременные формы глагола можно рассматривать в качестве еще одного средства когезии.

В составе реальных текстов горизонтальный и вертикальный контексты могут встречаться как в чистом виде, так и — что чаще — в совмещенном. Совмещение контекстов означает, что горизонтальный контекст может включать элементы вертикального, и на-

оборот — вертикальный контекст может включать элементы горизонтального.

Пример горизонтального контекста с вкраплениями вертикального: *A boy entered the room. He looked pale and exhausted. He came up to the window and opened it. Having had nothing to eat for days he found it difficult to move. Looking out of the window he saw a girl crossing the street. He thought that he had already seen the girl somewhere. Having crossed the street the girl disappeared behind the doors of a nearby cafe.*

Пример вертикального контекста с элементами горизонтального: *A boy entered the room. He was dressed poorly but neatly. He said that three years before his parents had been killed in a car-crash and he was then adopted by a family who did not care much about him. His stepparents made him do all the work about the house and look after their own two babies. The boy had to quit school and do odd jobs earning money for his family. One day he met a friend who persuaded him to run away from his new family and now he was standing in the doorway of a police station asking for food and shelter.*

Существует и иное понимание вертикального и горизонтального контекстов — скорее литературоведческое, чем собственно лингвистическое. Согласно ему под горизонтальным контекстом речевого сегмента или речевой единицы подразумевается окружающий их текст данного произведения. Под вертикальным контекстом литературного произведения имеется в виду так называемый контекст эпохи, то есть весь широкий историко-культурный фон его существования, его место в эстетико-литературном направлении, его значимость в мировом литературно-художественном процессе.

6. ТЕКСТ И ДИСКУРС

В последние годы наряду с развитием теории текста активно развивается и теория дискурса. **Текст** и **дискурс** — понятия перекликающиеся, но не тождественные. Под текстом большинство исследователей понимают образчик письменной речи, литературно, жанрово и стилистически обработанной, а потому характеризующейся композиционной продуманностью, стилистической выверенностью, синтаксической правильностью и структурной завершенностью. Дискурс в отличие от текста подобными ограничениями не обременен. Во-первых, он несводим только к письменной форме речи. Во-вторых, он спонтанен, а значит, с точки зрения формы не идеален, структурно рыхл, стилистически шероховат. Дискурс есть вербальная реакция человека на ситуацию общения; это речь, «погруженная в жизнь», вид деятельности человека наряду с другими видами деятельности. Если текст характеризуется наличием собственных категорий и параметров (речь о них шла выше), то и дискурс не лишен собственных отличии-

тельных формальных признаков. В качестве важнейшего назовем наличие в дискурсе *дискурсивной лексики* (дискурсивных маркеров, дискурсивных операторов) — таких вербальных элементов, адекватная интерпретация которых возможна лишь при условии включенности их в структуру речи. К дискурсивной лексике грамматисты относят междометия (*oh, aha*), образования сентенциального типа (*you know, you see*), частицы (*even, only*) и некоторые другие. Как правильно отмечается в литературе по дискурсивным словам, при попытке их анализа в изоляции, вне рамок речевого контекста, от их семантики не остается ничего, кроме печально известной усилительности.

7. ГРАММАТИКА ТЕКСТА ИЛИ ЛИНГВИСТИКА (ТЕОРИЯ) ТЕКСТА?

В первой лекции данного курса мы уже касались вопроса об объеме термина «грамматика». Обратимся к нему снова, так как многие используемые здесь понятия — особенно при описании видов когерентности — явно не укладываются в рамки традиционной грамматики как науки о категориях морфологии и синтаксиса. В целом ряде случаев, особенно при описании видов когерентности, нам приходилось вводить ряд терминов, которые явно не вписываются в рамки традиционной грамматической теории. Так оправданно ли использование термина «грамматика» применительно к тексту?

На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Многие специалисты отвечают на него отрицательно на том основании, что:

- структурная обзримость на уровне текста заканчивается;
- моделирование на уровне текста если и возможно, то носит столь общий характер, что фактически непригодно как для познавательных, так и для практических целей;
- категории «обычной», традиционной грамматики оказываются к тексту неприменимы или применимы в малой степени;
- на уровне текста появляются категории, которые лишь с большой натяжкой можно интерпретировать как грамматические.

Если признать эти доводы убедительными, то приходится заключить, что термин «грамматика текста» неправилен, а всякое лингвистическое исследование текста должно относиться к компетенции особой области языкознания — лингвистике текста, или теории текста.

Противоположный ответ на сформулированный выше вопрос опирается на тезис о том, что термин «грамматика» допускает расширительное толкование и что появление на уровне текста категорий, чуждых традиционной грамматике, вовсе не накладывает запрета на их трактовку как категорий грамматических: ведь

и традиционные разделы грамматики — морфология и синтаксис — также довольно резко различаются и объектами исследования, и категориальным аппаратом, и методами исследования. Если признать справедливость данной аргументации, то достаточно обоснованным представляется следующий вывод:

- грамматика есть наука с довольно широкой специализацией, изучающая гетерогенные объекты;
- в соответствии с типами изучаемых объектов она делится на три раздела: морфологию, сентенциональный синтаксис и гиперсинтаксис (грамматику текста).

В конечном счете выбор той или иной точки зрения на эту проблему будет зависеть от индивидуальных предпочтений лингвиста. Отметим лишь, что тенденцией последнего времени, похоже, является отказ от термина «грамматика текста» в пользу более нейтрального и менее обязывающего «лингвистика текста», или «теория текста».

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите основные признаки текста.
2. Что такое когезия? Назовите типы когезии и найдите примеры каждого типа в художественном тексте.
3. Какие типы эллипсиса вам известны? Какой из двух типов эллипсиса является средством внутритекстовой когезии?
4. В рамках какого вида когезии рассматривается прономинализация как частный случай когезии?
5. Как иначе называются ретроспективная референция и проспективная референция?
6. Назовите виды когерентности.
7. В чем отличие интертекстуальности от других видов когерентности? Какие формы проявления интертекстуальных связей вам известны?
8. Как понимаются вертикальный контекст и горизонтальный контекст? Каковы их признаки? Найдите в англоязычных художественных текстах примеры данных типов контекстов.
9. В чем отличие понятия «текст» от понятия «дискурс»? Что имеется в виду под дискурсивной лексикой? В тексте английской художественной литературы найдите примеры дискурсивной лексики и обоснуйте свой выбор.
10. Докажите правомерность/неправомерность (с вашей точки зрения) использования термина «грамматика» применительно к уровню текста.

ЛЕКЦИЯ 15

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

1. Введение
2. Вариология
3. Типы изменчивости (варьирования)
4. Вариативность как свойство языка
5. Вариативность в грамматической подсистеме
6. Вариативность в грамматической теории

1. ВВЕДЕНИЕ

Вариативность представляет собой столь важное и фундаментальное языковое явление, что неверным было бы приниматься за анализ грамматической вариативности, не обрисовав предварительно проблематику общей теории вариативности и не рассмотрев, хотя бы кратко, вопрос языковой вариативности в самых общих чертах.

2. ВАРИОЛОГИЯ

Самые общие сведения о вариативности дает *вариология* — вспомогательная научная дисциплина, изучающая феномен изменчивости самых разных объектов. Частные задачи вариологии — это определение причин вариативности, выделение ее типов, установление ее границ, анализ факторов, которые ее вызывают, описание ее специфики в связи с природой того типа объектов, в которых она проявляется. В ходе решения этих задач вариология выработала следующий комплекс представлений о своем объекте.

Причины вариативности коренятся в самой природе мира. Законы мироустройства таковы, что среди объектов как живой, так и неживой природы невозможно обнаружить два абсолютно идентичных. Среди животных, птиц, рыб нет двух идентичных особей даже в пределах одного класса (группы, вида, подвида, породы и т. д.); нет двух генетически идентичных людей даже среди близнецов; деревья, кустарники, цветы могут быть очень похожими, но никогда — идентичными; даже камни и песчинки, лежащие на земле и под землей, а также снежинки, падающие на землю, не бывают

абсолютно идентичными. Это наблюдение в полной мере применимо и к миру искусственных предметов — даже продукты заводской штамповки обнаруживают различия, масштаб которых столь ничтожен, что его игнорируют, причем совершенно обоснованно: на эксплуатации таких изделий он никак не сказывается.

3. ТИПЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ (ВАРЬИРОВАНИЯ)

Выделение *типов изменчивости* осуществлялось преимущественно на материале наук о живой природе. Этот материал позволяет провести дифференциацию между тремя основными группами типов изменчивости:

- 1) *индивидуальные* и *групповые*;
- 2) *сомационные* и *мутационные*;
- 3) *изолированные* и *связанные*.

Индивидуальное варьирование затрагивает отдельного представителя класса и не распространяется на других представителей класса. Групповое варьирование затрагивает нескольких представителей класса или весь класс.

Сомационное варьирование не укореняется в пределах вида живых организмов, не переходит от представителей одного поколения к представителям следующего поколения. Напротив, мутационное варьирование, однажды возникнув, укореняется в рамках вида, передаваясь от представителей одного поколения к представителям другого.

Изолированное варьирование имеет точечный характер и не ведет к изменениям других участков живой системы. Связанное же варьирование всегда является частью комплекса изменений, происходящих в разных участках живой системы.

Весьма сложным оказывается решение вопроса о границах вариативности (изменчивости). Считается, что вариативность проявляется всегда в пределах одного качества; когда же качество объекта меняется, то говорят уже не об изменчивости, а о его (объекта) изменении. Здесь самым непростым оказывается определение той границы, которая отделяет изменчивость от изменения, или, иначе говоря, той линии, переход за которую качественно меняет природу объекта.

Относительно причин изменчивости и изменений нужно сказать, что они могут носить как внешний, так и внутренний по отношению к объекту характер. Внутренние причины коренятся в природе самого объекта и поэтому неотъемлемо ему присущи, в силу чего они носят, как правило, обязательный и неизбежный характер. Внешние причины лежат за пределами самого объекта, вызываются воздействием на объект другого или других объектов, а также среды, в которой он функциони-

рует, и поэтому они не носят неизбежного и обязательного характера.

Что касается результатов варьирования, то они также могут быть принципиально разными. Варьирование, возникнув как количественное колебание внутри одного качества объектов, может со временем затухать, выдвигая один из вариантов сначала в качестве доминирующего, а затем и единственно возможного. С другой стороны, варьирование как изменчивость может привести к изменению объекта, то есть к преобразованию, носящему качественный характер. Это происходит всякий раз, когда наблюдается эволюция живой системы; при этом, как правило, условием эволюции живой системы является ее *гомеостаз* — сохранение некоего внутреннего равновесия, баланса. Это означает, что изменения, возникшие в одной части системы, должны быть компенсированы, сбалансированы изменениями в другой или в других ее частях. Наконец, еще одним возможным итогом варьирования может стать гибель объекта. Это происходит в тех случаях, когда варьирование, вызвав качественные изменения объекта, по каким-то причинам не было компенсировано уравнивающими механизмами; внутрисистемный баланс объекта нарушается, и объект перестает существовать.

4. ВАРИАТИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКА

В данном разделе мы покажем, что общие положения теории вариативности оказываются вполне применимыми и к языку. Однако вначале дадим краткое разъяснение вопроса терминологического характера.

Термин *вариативность* конкурирует в языкознании с термином *вариантность*. Который из них следует предпочесть и на каких основаниях? Думается, что предпочтение следует отдать термину «вариативность», и вот почему. Термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов, похоже, склонны отрицательно ответить на вопрос о том, всегда ли в языке можно выделить инвариант речевых вариантов. Инварианты, как правило, сравнительно легко выделяются, когда речь идет о дознаковых уровнях языковой системы. Классическим примером может служить установление инвентаря фонем какого-либо языка как инвариантов, к которым восходят варианты-аллофоны, служащие, в свою очередь, инвариантами для вариантов-фонем (или экземпляров-фонем). Относительная простота выделения репертуара инвариантов на фонологическом уровне легко объясняется — здесь мы имеем дело с так называемыми фигурами, то есть единицами односторонними, не обладающими знако-

вой природой. Однако как только мы выходим на знаковые уровни языка, выделение инварианта становится задачей куда более трудно выполнимой и попытки любой ценой отыскать инвариант для реально существующих вариантов представляют собой, как правило, решения, носящие искусственный, умозрительный и в конечном счете насильственный над языком характер. Термин же «вариативность», как представляется, не накладывает на нас обязательств непременно искать инвариант — он вызван к жизни наличием в языке изменчивости как феномена и является вполне нейтральным в плане методологии ее исследования.

Итак, свойства изменчивости и изменения неотъемлемо присущи языку, что известно всякому, кто хотя бы кратко знаком с историей языка. Любой современный язык может быть прослежен в его развитии, а форма проявления его развития есть не что иное, как постепенное изменение всех его подсистем. Причины изменчивости языка также очевидны — они кроются уже в том, что носителями языка являются люди, представляющие собой часть живой природы, биологический вид. Как показано выше, изменчивость — обязательное свойство любой биосистемы.

Язык демонстрирует и все типы изменчивости. Несомненно наличие в языке огромного числа сомационных изменений, которые возникают в языке ежедневно и ежечасно. Однако подавляющее большинство из них не укореняется, поскольку в противном случае язык попросту оказался бы не в состоянии выполнять свою коммуникативную функцию — его стремительное и хаотичное изменение неизбежно привело бы к коммуникативному отчуждению людей друг от друга. Умеренно консервативный характер языка — залог того, что мутационные изменения, описанию и анализу которых, по сути, посвящены учебники по истории любого языка, оказываются в количественном отношении неизмеримо меньшими, чем сомационные, однако в качественном отношении — неизмеримо более важными, ведь именно они являются формой проявления языковой эволюции. Индивидуальное и групповое варьирование также нетрудно квалифицировать как присущие языку черты — достаточно вспомнить хотя бы об известной оппозиции «идиолект — национальный язык». Нет проблемы и в том, чтобы проиллюстрировать на языковом материале разницу между изолированным и связанным типами изменений. Примером первого типа в английском языке (в британском варианте) может служить перемещение ударения в заимствованных из французского языка словах с последнего слога на первый (*buffet, depot, garage*). Такая смена ударения была вызвана необходимостью адаптации этих слов к нормам британского произношения, но сама она не вызвала никаких других изменений ни в этих словах, ни в языке в целом. Примером изменений второго типа может служить редукция безударного вокализма в среднеанглийском языке, по-

влекшая за собой радикальную перестройку всей грамматической системы и в конечном итоге изменившая типологическое лицо английского языка.

К слову, последний пример — наглядная иллюстрация того, как в языке работают гомеостатические¹ механизмы: редукция безударного вокализма вызвала падение флективной морфологии, которое было компенсировано становлением строгого порядка слов и развитием системы аналитического словоизменения. Рассматриваемый процесс редукции безударного вокализма показателен по крайней мере еще в одном отношении: как пример изменения объекта, вызванного внутренними факторами, в противоположность изменениям вследствие внешних причин (таких, как изобретение книгопечатания, колониальная экспансия или развитие средств массовой информации).

Последнее замечание подводит нас к мысли о том, что язык, как и любой другой объект, изменяется в пространстве и во времени. Пространственная вариативность языка связана с его диалектной и вариантной разнородностью. Временная вариативность языка связана с его диахронией. Однако среди причин, обуславливающих вариативность языка, выделяют и еще один план, не свойственный подавляющему большинству других объектов и систем, а именно план социальный. Социальное варьирование языка, проявляющееся, например, в жаргоне или сленге, вызвано тем обстоятельством, что язык есть объект, имеющий не только пространственное и временное, но и, так сказать, человеческое измерение, так как его свойства релятивизированы в отношении человека и социума.

5. ВАРИАТИВНОСТЬ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ

Вариативность — это характерная черта любого естественного языка и наблюдается на всех уровнях его функционирования. Она существует как явление фонетическое в виде различных произносительно-артикуляционных вариантов слов и просодических вариантов высказываний; она существует на лексическом уровне в виде полисемии, омонимии и синонимии в силу свойства асимметричного дуализма языкового знака; она существует и на уровне грамматики, проявляясь в том, что одна и та же грамматическая форма может быть использована для выражения различного содержания, и в том, что одно и то же содержание может быть выражено различными грамматическими формами. Несмотря на то что грамматическое варьирование есть неотъемлемая черта функ-

¹ Под гомеостазом понимается способность живых систем сохранять внутреннее равновесие, баланс.

ционирования языка в любой момент его развития, должное освещение и теоретическую оценку со стороны лингвистов оно получило лишь в XX в.

До этого периода английские грамматики классического типа в качестве иллюстративного материала использовали примеры, извлеченные из произведений признанных мастеров художественного слова, и настаивали на правильности, грамматичности только одного варианта формы для выражения некоего содержания, характеризуя все остальные возможные формы в качестве аграмматичных или попросту игнорируя их. В структурной лингвистике, особенно в американском дескриптивизме, был сделан шаг вперед в плане расширения объекта грамматики — теперь предполагалось изучать всякое предложение, реально написанное или произнесенное и входящее в корпус собранных примеров. Усилия по дальнейшей диверсификации языкового материала были предприняты в трансформационно-генеративной грамматике, которая, в частности, провозгласила полный отказ от необходимости собирания корпуса примеров на том основании, что они иллюстрировали лишь то, что уже было написано или произнесено, но никак не то, что будет или могло бы быть написано или произнесено на каком-либо языке. Грамматическая теория, по мысли генеративистов, должна быть в состоянии объяснить не только реально существующие факты языка, но и обладать своего рода предсказательной силой, то есть быть применимой к любому материалу в принципе. Однако полный отказ от изучения языка на индуктивно-эмпирической основе сыграл с представителями генеративной грамматики злую шутку: его результатом явился, с одной стороны, постулат о том, что носитель языка продуцирует (генерирует) только грамматически правильные предложения, а с другой — постулат о том, что в каждом конкретном случае существует только один вариант грамматической правильности. Оба данных постулата были опровергнуты и отвергнуты последующими изысканиями в области грамматики.

Первый постулат опровергается наблюдениями над реально функционирующей устной речью, в которой даже грамотные и образованные носители языка допускают значительное число явных отклонений от грамматической нормы, причем эти отклонения в подавляющем большинстве случаев остаются неосознанными самими говорящими, так как не ведут к коммуникативным неудачам, оставаясь в рамках разрешенного ситуацией общения люфта аграмматичности. В лекции по коллоквиальному синтаксису мы указали на ряд черт, свойственных разговорной речи. Здесь же отметим, что некоторые из них (например, эмоциональность, спонтанность) становятся причинами аграмматизма, а другие (например, непосредственный характер общения, использование паралингвистических и экстралингвистических средств) — причиной

того, почему он не ведет к коммуникативным сбоям: они представляют собой компенсаторные механизмы, действующие в рамках того зазора структурной неправильности, который допустим в устной коммуникации. Таким образом, тотальная грамматичность аутентичной речи оказывается не более чем мифологемой, иллюзией дедуктивно мыслящего ученого-генеративиста, воздвигающего на пути от лингвистической компетенции к лингвистической реализации некие фильтры, якобы препятствующие появлению на свет неблагополучных в грамматическом отношении высказываний.

Второй постулат опровергается хотя бы уже тем обстоятельством, что критерий грамматической правильности оказывается зыбким и субъективным. Грамматические нормы британского варианта английского языка и его американского варианта часто не совпадают (британской норме *I have not got any money* американцы предпочтут свою — *I don't have any money*). То, что является грамматической нормой для носителей так называемого «черного английского», то есть малообразованных чернокожих жителей южных штатов США (например, *Ain't nobody's business if I do it*), будет в подавляющем большинстве случаев воспринято как ненормативное образованными представителями среднего класса как Великобритании, так и Америки (нормативно *It's none of anyone's business if I do it*). То, что вполне грамматически допустимо с точки зрения носителей некоторых английских диалектов (например, *I knows it*), в глазах носителей стандартного английского будет выглядеть явной ошибкой (единственно правильный вариант — *I know it*). В специальной литературе неоднократно описывались случаи, когда образованным носителям английского языка, действовавшим в качестве экспертов, предъявлялся достаточно обширный список английских предложений на предмет определения их правильности. Результаты таковы: лишь крайне незначительное число предложений (например, 4 из 50) было единодушно оценено экспертами либо как правильные, либо как неправильные; в отношении же абсолютного большинства предложений мнения экспертов разошлись, причем иногда до такой степени, что количество оценок предложения как грамматически правильного равнялось количеству его оценок как грамматически неправильного.

Исследование вариативности осложняется еще и тем обстоятельством, что она не только порождается территориальными, временными и социальными факторами, но и характеризует речевой портрет отдельной языковой личности. Анализ индивидуальной речевой деятельности показал, что один и тот же человек не придерживается строго определенной грамматической нормы, а время от времени использует фрагменты разных грамматик. Попытки объяснить это явление с помощью теории

переключения кодов (code-switching) ни к чему не привели: идея переключения кодов предполагает, что человек полностью меняет один грамматический код речи на другой, переходя от одной грамматической подсистемы к другой; в действительности же происходит лишь частичное и спорадическое (непостоянное, случайное) использование элементов «чужой» грамматики, которые прекрасно совмещаются в языковом сознании индивида со «своей» грамматикой. Это в какой-то степени аналогично выбору синонимов из синонимического ряда — индивид, например, может в целом отдавать предпочтение стилистически нейтральному способу выражения мысли, однако это не мешает ему время от времени прибегать к использованию стилистически маркированных синонимов в эмоционально-экспрессивной речи.

Итак, оценку правильности, грамматичности того или иного предложения следует, видимо, в большинстве случаев проводить по принципу шкалирования, предполагающему выявление степени грамматической нормативности предложения путем помещения его на шкалу оценок, варьирующих в широком диапазоне от «абсолютно правильно» до «абсолютно неправильно». Сказанное, разумеется, не означает, что в грамматике возможно все, что все нормы и правила носят относительный и субъективный характер и что любую мысль можно выразить каким угодно способом. Напротив, существует немало жестких грамматических норм и правил, не подлежащих нарушению ни при каких обстоятельствах. Невозможно употребление приинфинитивного *to* после большинства модальных глаголов (**he must to go; *she must to read*), а артикля — внутри атрибутивного словосочетания (**big the house; *thick a book*), невозможно построение по регулярной модели форм неправильных глаголов (**he speaked; *she readed*), невозможна инверсия структур вторичной предикации, сколь бы сильной ни была речевая эмфаза (**him come I saw; *his being laughed at I disapproved of*). Список строго обязательных к исполнению грамматических правил, конечно же, может быть с легкостью продолжен.

Сказанное подтверждает справедливость общелингвистического положения о том, что язык одновременно является и жесткой и нежесткой системой. Его жесткий характер связан с наличием правил, обязательных к исполнению всеми членами языкового сообщества; его нежесткость проявляется в богатстве вариантами форм выражения, а кроме того, в наличии достаточно обширной переходной зоны от зоны канонически правильных построений к зоне категорически неприемлемых форм. По всей видимости, именно переходная область и является источником грамматических и иных инноваций, укореняющихся в языке.

6. ВАРИАТИВНОСТЬ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Выше мы рассмотрели вариативность как объективное свойство языка, обусловленное самой его природой. Здесь же мы попытаемся подойти к вариативности с другой, субъективной точки зрения, а именно как к неоднозначности, множественности интерпретаций фактов грамматического строя языка. Естественным образом нам придется сосредоточить внимание опять-таки на переходных зонах, однако с той существенной разницей, что на этот раз переходный характер будет проявляться не в вариативности самих грамматических форм, а в невозможности однозначной классификации этих форм как относящихся к той или иной (но всегда четко определенной) зоне грамматических явлений.

Начнем с указания на сложности, вызываемые попытками интерпретации природы английского артикля. Во-первых, неясен статус артикля: следует ли трактовать его как морфему или как слово. От того, как решается этот первый вопрос, связанный с артиклем, зависит и решение второго вопроса: в каком разделе грамматической теории — морфологии или синтаксисе — следует рассматривать проблематику артикля. Если вопрос о статусе артикля решается в пользу признания его словом и, соответственно, второй вопрос — в пользу признания сочетания артикля с существительным разделом синтаксической теории, то встает третий вопрос: в какого рода синтаксисе (синтаксисе словосочетания, синтаксисе предложения или гиперсинтаксисе) следует заниматься анализом артикля.

В чем-то схожа с проблемой артикля — проблема интерпретации форм сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательного, образуемых с помощью *more* и *most*. В самом деле, являются ли *more beautiful* и *most beautiful* аналитическими формами степеней сравнения прилагательного *beautiful* или мы имеем здесь дело с сочетаниями двух полнозначных элементов? От того, каков будет ответ на этот вопрос, зависит и ответ на вопрос о языковом статусе *more* и *most* — является ли он морфемным или лексическим.

Далеко не очевидна и трактовка обычных для английского языка образований типа *cannon ball*, *stone wall*, *noun phrase*, *iron curtain* и т. п. С ними обычно связана постановка двух проблем.

1. Какова частеречная природа первого элемента таких сочетаний (существительные или прилагательные)?

2. Имеют ли данные образования статус словосочетаний или же они — сложные слова?

Несмотря на длительную историю изучения этих форм, в том числе и в отечественной англистике, однозначных ответов на эти вопросы получить не удалось.

Еще одним источником теоретических затруднений являются английские предложения типа *The sun rose red*, в которых так и не выясненным до конца остается тип сказуемого: простое глагольное, сочетающееся с так называемым предикативным атрибутом, или двойное, специфический подвид составного именного.

В области теории простого и сложного предложения также возникает немало вопросов, связанных главным образом с анализом предложений, которые, так сказать, «сложнее», чем простые, но «проще», чем сложные. Имеются в виду предложения со вторично предикативными структурами (*Tom saw Mary crossing the street*), включая предложения с абсолютными конструкциями (*The old woman was slowly walking along the road, her dog following her*); предложения сравнения, вводимого с помощью *than* (*Mary was better prepared than Tom*); предложения с однородными подлежащими или сказуемыми (*Bob and Mary write letters to each other; Bob writes and receives a lot of letters*). Некоторыми лингвистами в отношении таких предложений (или, по крайней мере, некоторых из них) был предложен термин «полусложные». Такой выход из теоретического тупика носит явно паллиативный (половинчатый) характер — ведь такие предложения можно с равным успехом назвать и «полупростыми», что не прибавляет ясности в этом запутанном вопросе. Сюда же примыкает и старая проблема признания/непризнания сложносочиненного предложения в качестве самостоятельного синтаксического типа. Действительно, каковы объективные критерии разграничения последовательности двух или более простых предложений от одного сложносочиненного предложения, особенно в устной речи, особенно если связь между предложениями бессоюзная?

Перечисленные выше проблемы, разумеется, далеко не исчерпывают перечня проблемных зон теоретической грамматики. Такой перечень достаточно обширен, и он постоянно пополняется новыми пунктами по мере развития лингвистики. Всякий новый угол зрения, всякая новая исследовательская платформа, всякий новый метод анализа высвечивают очередные проблемные зоны, до тех пор остававшиеся в тени и не осознававшиеся как таковые.

В заключение отметим, что трудность интерпретации объекта не должна смущать исследователя. Коль скоро сам исследуемый объект — язык — носит внутренне противоречивый характер, являясь одновременно и жесткой и мягкой системой, адекватные ему описания не могут не отражать эту противоречивость в виде проблемных вопросов о его структуре и функционировании.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каков круг проблем, изучаемых вариологией?
2. Для какого круга объектов характерно явление изменчивости/изменения?

3. В чем разница между изменчивостью и изменением?
4. Какие типы изменчивости выделяются в вариологии? Проиллюстрируйте каждый тип примерами из английского языка.
5. Какие факторы обуславливают языковую вариативность?
6. В чем суть теории переключения кодов? Почему она не обладает достаточной объяснительной силой по отношению к проблеме грамматической вариативности?
7. В чем недостаток постулатов теории трансформационно-порождающей грамматики в плане объяснения феномена языковой вариативности?
8. Что имеется в виду под «переходными зонами» языковой системы? В чем заключается важность их изучения?
9. Дайте примеры спорных вопросов, относящихся к трактовке тех или иных сегментов грамматической системы английского языка.
10. Чем обусловлены трудности интерпретации различных грамматических феноменов?

ЛЕКЦИЯ 16

ДЕЙКСИС И ДЕЙКТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение
2. Дейктики в английском языке
3. Типы дейксиса
4. Свойства дейктиков

1. ВВЕДЕНИЕ

Явление *дейксиса* стало привлекать внимание лингвистов с начала XX в. Сам термин «дейксис» происходит от греческого слова со значением «указание» и в античной традиции употреблялся для обозначения особой группы слов — местоимений, прежде всего указательных. Поскольку, как известно, греческая лингвистическая терминология была освоена римлянами, говорившими на латыни, то именно в латинизированной форме она проникла во все европейские лингвистические школы, начиная с раннего Средневековья. В связи с этим латинский термин *pronomem demonstrativum* стал интернациональным и в то же время очень узким, используемым для обозначения указательных местоимений. Вследствие этого начала ощущаться нехватка термина, который был бы применим к широкому классу явлений, общей чертой которых является способность к указанию, указательность как таковая. Поскольку термин «дейксис» воспринимался как новый, не обремененный грузом лингвистических ассоциаций, то именно он и стал использоваться в данном широком значении.

На протяжении XX в. содержание термина «дейксис» несколько раз переосмыслялось; в современной лингвистической интерпретации он используется для обозначения указания на говорящего — автора речевого акта. Неслучайно поэтому теория дейксиса называется еще и теорией эгоцентрических слов (от лат. *ego* — «я»). Появление и активная разработка в современном языкознании этой теории обусловлены прежде всего резким повышением внимания к так называемому человеческому фактору в языке, то есть к роли пользующейся языком человеческой личности, приспособивающей язык к выполнению своих коммуникативных нужд, угадываемой в категориях языка и сквозящей в форме речевых построений. Современная лингвистика, осознав свою антропоцен-

трическую сущность, признала необходимость исследования именно человека, как носителя языковой способности и агента речевой деятельности, а не языка, как имманентной, самодостаточной, автономной сущности, которую якобы можно изучить в отчуждении от человека. Вообще говоря, язык насквозь антропоморфен. Однако в его системе существуют участки, обнажающие эту антропоморфность наиболее очевидным образом, как будто специально предназначенные для того, чтобы человек мог прояснить свое присутствие в языке. Одним из таких участков и является рассматриваемая нами сфера дейксиса.

2. ДЕЙКТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дейктиками называются языковые способы выражения дейксиса. Их можно разделить на две большие группы. В первую группу входят ядерные, центральные, представители класса, репрезентирующие дейксис, так сказать, в чистом виде; во вторую группу входят периферийные члены класса, чья дейктическая природа не бросается в глаза, она как бы приглушена и выявляется только в результате научной рефлексии.

К наиболее типичным дейктикам относятся личные местоимения первого и второго лица (*I/we, you*), наречия места и времени (*here, now, there, then*), а также указательные местоимения (*this/these, that/those*). Объединяет эти слова то, что они, как никакие другие, ориентированы своим значением на акт речи, происходящий между адресантом речи (*I/we*) и адресатом речи (*you*), всегда в определенном месте (*here*) и всегда в определенный момент времени (*now*). Поэтому расположение на оси *I—here—now* считается инвариантным свойством любого речевого высказывания (автор речевого высказывания — всегда *I*; высказывание всегда совершается в той точке пространства, где находится его автор, — *here*; автором речи высказывание всегда совершается в актуальном настоящем — *now*). Каждый элемент оси *I—here—now* естественным образом имеет оппозиции в виде оси *you—there—then* (*you* — участник коммуникативного акта, но не автор данного речевого высказывания; *there* — пространственная область, в которой не происходит данный коммуникативный акт; *then* — временная область, в которой не происходит данный коммуникативный акт). Указательные местоимения входят в число ядерных членов поля дейксиса на правах элементов, чье основное назначение (темпорально-локальное) — отсылать к месту и времени совершения речевого акта (*this/these*) и к месту и времени за пределами данного речевого акта (*that/those*).

Следует отметить, что если с референцией *I* и *you* все более или менее понятно (референтом *I* всегда является говорящий, а

референтом *you* — слушающий), то референциальная отнесенность других ядерных дейктиков — вопрос сложный. Решается он, очевидно, всякий раз исходя из контекста коммуникации и ситуации общения. Так, дейктик *here* может обозначать:

- точку пространства, в которой находится говорящий (*here, behind the rostrum I feel uncomfortable*);
- помещение, в котором находится говорящий (*It's pretty stuffy in here; open the window*);
- здание, в котором находится говорящий (*There are a lot of lecture halls, classrooms, laboratories and office rooms here*);
- город, в котором находится говорящий (*I was born here, in the city of New York*);
- страну, в которой живет или находится говорящий (*I feel here much better than abroad*);
- планету, на которой живет говорящий (*here, on this planet, we find a great diversity of flora and fauna*);
- весь этот мир в противоположность потустороннему миру (*While man is here, he can do a lot of things; after death he can't make himself useful any more*).

Аналогично *now* может обозначать момент произнесения высказывания и растягивать свою референтную область почти беспредельно широко, вплоть до значения «сейчас, в нашу эпоху, эру».

К периферии дейктического поля относят следующие языковые формы и категории:

- некоторые глаголы, например *to come, to go, to bring, to fetch, to take*. В развернутом лексикографическом толковании этих лексем невозможно обойтись без упоминания некоего ориентира, к которому привязаны обозначаемые ими действия, в частности, и в особенности, таким ориентиром выступает говорящее лицо. Ясно, что предложения *He came from New York to Washington* и *He went from New York to Washington* обозначают одно и то же действие, однако первое предложение будет, вероятнее всего, принадлежать лицу, находящемуся в Вашингтоне, а второе — лицу, находящемуся в Нью-Йорке. Если эти предложения сказаны лицом, которое не находится ни в одном из указанных городов, то и это не меняет дело принципиальным образом — это значит, что говорящий мысленно переместил себя в один из данных населенных пунктов, приняв его за ориентир, относительно которого совершается действие. Примерно то же самое наблюдается в том случае, когда на просьбу или приказ одного из коммуникантов *Come here!* другой отвечает *I am coming*, поскольку он принимает за точку отсчета коммуникативного акта место положения своего собеседника и адаптирует форму своего высказывания к данному коммуникативному ориентиру. Не менее интересным представляется и развернутое толкование значения глагола *to fetch*: «от того ме-

ста, где мы сейчас находимся, пойти в другое, взять там нечто и принести сюда». Ясно, что пространственные перемещения адресата речи, задаваемые глаголами типа *to fetch* или *to bring*, будут всегда ориентированы на местоположение адресанта речи и в случае перемещения последнего выбор глагольного слова будет соответственно меняться;

• некоторые прилагательные типа *far, far away, near, nearby, left, right, front, back, opposite, remote, close, next, previous, distant* и т. п. Следует отметить, что эти прилагательные могут иметь как дейктическое, так и недейктическое прочтение. Они являются дейктическими в том случае, когда их референтная область ориентирована относительно некоего центра (как правило, «я» говорящего) и меняется по мере изменения этого центра. В недейктическом употреблении они ориентированы на некий константный центр, не зависимый от говорящего субъекта, и их референтная область не изменяется по мере изменения пространственного положения этого субъекта. Например, в предложении *At the far corner of the room there stood a piano* прилагательное *far* имеет дейктическое прочтение, так как совершенно ясно, что угол является дальним лишь по отношению к говорящему лицу. В случае приближения этого лица к углу он уже будет называться не *far*, а, скорее, *near*. В свою очередь, *near* оказывается дейктиком в контекстах типа *The man standing near me is my friend*; *near* перестает быть дейктиком в контекстах типа *The airport is near the village*, где факт близости аэропорта к деревне характеризуется объективно вне зависимости от положения говорящего, констатирующего этот факт. Ту же разницу наблюдаем между предложениями *The front car turned left* и *Passengers are expected to enter the bus through the front door*. В первом случае *front* — дейктик, так как оценивается с точки зрения говорящего лица, по отношению к которому в момент речи идущая перед ним машина действительно передняя. Во втором предложении *front* не является дейктиком, так как передняя дверь у автобуса всегда одна и прилагательное *front* будет применимо к ней в любом случае, вне зависимости от того, где находится номинирующий ее субъект. Приведем еще несколько пар примеров, которые можно анализировать схожим образом, — в первом предложении пары прилагательное является дейктиком, во втором — не дейктиком: *I am getting off at the next station.* — *The building next to the central post office is the theatre*; *Make a left turn from where you are and you'll find Fifth Ave. in no time at all.* — *If you look at the map, the left side of the world is the West*;

• наречия и наречные словосочетания типа *today, tonight, tomorrow, the day after tomorrow, yesterday, the day before yesterday*. Сюда же примыкают другие показатели времени типа *this/last/next/previous week (month, year, etc.)*. Примерами могут служить предложения *I'll do this tomorrow*; *He visited me yesterday*; *We are going to meet next Saturday*;

This happened last year; Bob promised to come next summer. Для того чтобы определить, какая конкретно дата скрывается за *today, tomorrow, yesterday, the day before yesterday* и т. д., мы должны знать дату произнесения высказывания. Ясно, что лексикографическое толкование таких слов всегда должно быть сугубо относительным — действительно, «завтра» — это день, непосредственно следующий за днем, когда было произнесено высказывание, содержащее слово «завтра»;

• некоторые предлоги и предложные сочетания типа *across, beyond, over, in front of, behind, in the back of* и т. п. На них также распространяется вывод о возможности как дейктического, так и недейктического их употребления. Например, человек может охарактеризовать местоположение некоего дома предложением *The house is across the street* в том случае, если между ним и домом находится улица. Однако перейдя улицу и оказавшись рядом с домом, он уже не сможет охарактеризовать местоположение дома тем же самым предложением; скорее всего, он скажет: *The house is on this side of the street; The house is close to me; The house is nearby* и т. п. Предложение *The river is beyond the mountain* оказывается осмысленным лишь в том случае, если человек, произносящий его, либо наблюдатель, реальный или мнимый, от имени которого произносится это высказывание, находится по другую сторону горы; для человека, находящегося рядом с рекой, указанное высказывание имеет смысл только в том случае, если оно произнесено в адрес кого-то, кому еще предстоит преодолеть гору, отделяющую его от реки, и с чьей точки зрения река действительно находится за горой. Иллюстрациями случаев дейктического и недейктического употребления предлогов могут служить следующие пары примеров: *Between my friend and me was a large paddle. — The monument to Peter the Great is between First Ave and the river; I could see a group of teenagers walking in front of me. — In front of the hotel there is a fountain;*

• некоторые имена существительные типа *passer-by, spectator, onlooker, participant, passenger, customer, driver, tourist* и т. п. На дейктический характер таких имен указывает временный, переменчивый характер членов их денотативных классов. Это означает, что они приложимы к лицам лишь на определенный, как правило, незначительный промежуток времени, по истечении которого данный словесный знак уже не распространяет на них своего действия. С другой стороны, одно и то же лицо может становиться денотатом любого из указанных словесных знаков в зависимости от обстоятельств, носящих опять-таки временный характер. Например, вышедший из дома и направляющийся к автобусной остановке человек будет называться *pedestrian*; тот же самый человек, едущий в автобусе, будет называться *passenger*; выйдя из автобуса и зайдя в магазин, он получает

наименование *buyer* или *customer*; покинув магазин и став свидетелем какого-либо происшествия на улице, этот человек получает статус *witness* или *onlooker*; приняв участие в этом происшествии (например, в драке), он становится *participant*, а пострадав от нее и будучи госпитализирован, — *patient*. В отношении этих слов следует также указать на то, что они могут иметь и недейктическое прочтение: все зависит от того, насколько тесно данные слова ассоциируются с называемым ими лицом. Так, слово *driver* будет дейктиком в том случае, когда оно применимо к водителю-непрофессионалу, то есть к любому человеку, имеющему водительские права и находящемуся за рулем автомобиля. Это же слово не будет дейктиком, если оно применимо в отношении человека, для которого вождение автотранспортного средства (автобуса, трамвая, такси и т.д.) является профессией;

- грамматические категории. При внимательном и непредвзятом рассмотрении многие грамматические категории могут рассматриваться как дейктические. Такова, например, категория временной отнесенности, реализуемая в предложении *Tom has passed his exams* по контрасту с предложением *Tom passed his exams*. В последнем предложении констатируется некое событие, происшедшее какое-то время назад и не связанное своим результатом с моментом речи; в первом предложении названо то же самое событие, однако связь его с моментом акта речи констатируется как существенная, причем делается это при помощи соответствующей грамматической категории. Наиболее очевидна дейктическая функция у грамматической категории времени. Видовременная форма глагола выбирается говорящим с учетом соотношения времени события, о котором идет речь, с моментом речи. Например, в речевом акте, совершенном в 1995 г., празднование наступления нового тысячелетия обозначалось бы формой будущего времени: *In the year 2000 we will celebrate/will be celebrating the new millenium*. В речевом акте, произнесенном в 2000 г., следовало бы употребить форму настоящего времени: *This year we celebrate/are celebrating the new millenium*. В речевом акте на эту же тему, произнесенном в 2003 г., правильным было бы употребление формы прошедшего времени: *In the year 2000 we celebrated the new millenium*. Категория времени является одной из наиболее очевидных дейктических грамматических категорий, так как всякий раз говорящий, совершая речевой акт, мысленно соизмеряет его с тем временным отрезком, в который он помещает описываемое им событие (как предшествующим акту речи, совпадающим с актом речи или следующим за актом речи). Исследование же других грамматических категорий в плане их дейктического потенциала находится в настоящее время лишь на самой начальной стадии.

3. ТИПЫ ДЕЙКСИСА

Обычно в литературе говорят о трех основных *типах дейксиса*: темпорально-локальном, дискурсивном и эмоциональном.

Темпорально-локальный — основной тип, устанавливающий корреляции между местом и временем произнесения высказывания и формой дейктика. Сюда относятся, например, правила употребления *this/these* в отношении объектов, находящихся в непосредственной пространственной или временной близости от говорящего, и *that/those* для обозначения объектов, находящихся в пространственном и временном отдалении от говорящего. Аналогично и с другими ядерными дейктиками:

- *here* и *now* — временная и пространственная близость к говорящему;

- *there* и *then* — временная и пространственная отдаленность от говорящего;

- *I* и *you* — контакт участников коммуникативного акта, следовательно, их пространственная и временная совмещенность;

- *he, she, it, they* — лица и предметы, находящиеся вне зоны коммуникативного контакта, следовательно, пространственная и/или временная отдаленность от участников коммуникативного акта.

Дискурсивный дейксис устанавливает правила употребления дейктиков в зависимости от вербального контекста связной речи, устной или письменной. Например, констатируется, что для введения катафоры может использоваться только *this*, а не *that*: *What I really meant to say, is this.... There* имеет в дискурсе скорее анафорическую функцию, *here* — скорее катафорическую. В целом следует признать, что дискурсивный фактор, влияющий на употребление дейктиков, остается еще сравнительно малоизученным.

Эмоциональный дейксис объясняет использование тех или иных дейктиков как результат аффекта говорящего или его негативного отношения к сообщаемому. Так, в литературе отмечается, что *that*, вопреки своему основному темпорально-локальному значению, часто используется говорящим для обозначения частей собственного тела, вызывающих у него неудовольствие или другие отрицательные эмоции (боль, дискомфорт и т.д.: *Look at that dishevelled hair of mine!*). *That* используется для выражения отрицательного отношения к лицам вне зависимости от того, находятся ли они близко или далеко от говорящего: *I don't like that husband of yours.*

4. СВОЙСТВА ДЕЙКТИКОВ

Для того чтобы элемент языковой системы был причислен к разряду дейктиков, он должен отвечать следующим основным требованиям.

Первым и главным признаком дейктиков является зависимость их референции от ситуации общения, в которой они употребляются. Это означает, что референты нежестко закреплены за языковыми знаками — дейктиками и имеют тенденцию меняться в каждой новой коммуникативной ситуации. Действительно, референтом *I* будет всегда лицо — автор речи, то есть любой человек, обозначающий себя как *I*. Референтом *you* всегда будет адресат речи, то есть любое лицо — участник коммуникативного акта, к которому обращается адресант высказывания. *Now* нельзя описать иначе как временной промежуток, включающий речевой акт. Для любого другого речевого действия *now* естественным образом сдвигается так, чтобы охватить временную сферу именно данного речевого действия. Таким образом, референциальные области дейктиков постоянно меняются: в диалогическом речевом акте один и тот же человек то обозначает себя как *I*, то обозначается собеседником как *you*; то, что в одном из предшествующих речевых актов могло быть обозначено как *there*, в другом вполне может быть обозначено как *here*; то, на что указывалось в одном из речевых актов как *that*, в данном речевом акте вполне может быть определено как *this*; то, что когда-то было *far*, сейчас становится *near*; то, что раньше обозначалось с помощью *close*, в актуальном речевом акте может обозначаться как *distant*; лицо, на определенной точке временной оси и в определенной точке пространства называвшееся *passenger*, в любой другой точке пространства может называться *passer-by*, *onlooker*, *TV-viewer*, *reader*. В сегодняшнем разговоре мы сошлемся на завтрашний день как на *tomorrow*, в завтрашнем разговоре — как на *today*, в разговоре послезавтра — как на *yesterday*, однако это будет один и тот же календарный день, референция к которому осуществляется всякий раз иными языковыми средствами в зависимости от того, когда происходит речевой акт. Из сказанного было бы ошибкой сделать вывод, что дейктики лишены значения как такового. Значение у дейктиков есть, но в отличие от большинства слов оно релятивизировано относительно параметров речевого акта: *this* атрибутирует объект как находящийся поблизости от говорящего, *that* — как находящийся вдалеке от него.

Второй особенностью дейктиков является невозможность или крайне редкая возможность употребления их в составе подчинительных словосочетаний со словами, имеющими ограничительную или уточнительную семантику в отношении дейктиков. В самом деле, какой атрибут можно предложить к *I* или к *you*! Неуместность атрибуции таких слов особенно наглядно видна на фоне привычности атрибуции слов недейктической природы. Так, слово *table* обозначает любой стол вне зависимости от его специфических черт, а словосочетание *a wooden table* значительно ограничивает референциальную область лишь деревянными столами,

отсекая все другие столы, изготовленные из любых других материалов. Подобное ограничение класса объектов невозможно с *I* или *you*, *here* или *there*, *now* или *then*. Данное требование, однако, выдерживается лишь в отношении центральных, ядерных, дейктиков и становится значительно слабее, будучи предъявленным к периферийным членам дейктической категории. Так, значение некоторых прилагательных и наречий может быть уточнено в форме подчинительного словосочетания, правда, реестр слов-уточнителей крайне узок: *Extreme right/left, very far, strictly opposite, quite near, immediately next* и т. д. Существительные-дейктики, представляющие собой крайнюю периферию поля дейксиса, практически свободны в плане вхождения в словосочетания рассматриваемого типа: *the first (nervous, unpleasant, young, irritated, etc.) passenger*.

Третьей особенностью дейктиков является специфика их поведения при отрицании. Следует отметить, что этот признак также приложим к ядерным представителям поля дейксиса и не распространяется или почти не распространяется на его периферийных представителей. Отрицание слов недейктической природы обычно обозначает отсутствие объекта или его признака, например: *There were no books on the table* (книги на столе отсутствуют); *The play was not interesting* (отсутствует свойство быть интересным) и т. д. При отрицании дейктиков происходит нечто другое, а именно: их отрицание не ведет к констатации несуществования их референтов, а происходят сдвиги другого рода. Например, в предложении *It was not me who said it* вовсе не отрицается существование «меня» как некоего объекта, отрицанию подвергается совершенное «мною» действие говорения. В высказывании *We'll discuss it not here and not now* не отрицается существование места произнесения высказывания (*here*) или времени его произнесения (*now*), а отрицается возможность или целесообразность обсуждения какого-либо вопроса там и тогда, где и когда это высказывание произносилось. Таким образом, референты центральных представителей поля дейксиса при отрицании неуничтожимы. Даже сочетаясь с показателями отрицания (*no/not*), дейктик не указывает на несуществование референта, скорее, он указывает на неосуществление им некоего действия и неналичия некоего признака, о котором идет речь в предложении: *Would anyone like to say a few words? — Not me; Harry and I helped her to get out of water. — Maybe Harry, but not you; If anyone ever insults you, it won't be me.*

В заключение отметим, что изучение дейксиса и дейктиков — одна из актуальных задач современного языкознания. Среди исследователей, работающих в области лингвофилософии, высказывается мнение, что в истории языкознания можно выделить три глобальные исследовательские парадигмы, последовательно сменявшие друг друга, — философию имени, философию предиката и философию эгоцентрических слов. На этой третьей пара-

дигмальной ступени и находится современное языкознание с его обостренным интересом к роли человека в языке и к формам проявления человека в языке.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прокомментируйте содержание термина «дейксис». Что такое дейктики?
2. Какие элементы языковой системы относятся к ядру поля дейксиса? Почему?
3. Какие элементы языковой системы относятся к периферии поля дейксиса? Почему?
4. Какие грамматические категории можно считать в основе своей дейктическими?
5. Что имеется в виду под локально-темпоральным дейксисом?
6. Что такое дискурсивный дейксис?
7. Что такое эмоциональный дейксис?
8. Могут ли представители ядра дейктического поля входить в качестве главных членов в атрибутивные или иные словосочетания? Почему?
9. В чем заключается специфика отрицания дейктиков?
10. Каким образом исследование проблематики дейксиса вписывается в современную антропоцентрически ориентированную парадигму языкознания?

ЛЕКЦИЯ 17

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ЕГО СМЫСЛ

1. Введение
2. Базовая семантика предложения и смысл высказывания
3. Узуальный и окказиональный смыслы
4. Типы смыслопорождающих операторов
 - 4.1. Лексические операторы
 - 4.2. Морфологические операторы
 - 4.3. Синтагматические операторы
 - 4.4. Артиклевые операторы

1. ВВЕДЕНИЕ

Высказывание рассматривается в современной грамматике как принадлежащее сфере речевой деятельности и противопоставляется предложению как единице языка. Если высказывание понимается как носитель определенного рода смысла (смыслов), предложение трактуется как носитель определенного значения (семантики). Рассмотрение феномена базовой семантики предложения поможет нам понять феномен смысла высказывания.

2. БАЗОВАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Базовая семантика предложения складывается как интеграл трех его содержательных компонентов: лексической семантики (значений слов, из которых состоит предложение), комбинаторной семантики (сочетаемых значений, выводимых из взаимодействия лексических единиц, составляющих предложение) и структурной семантики (значения структурного типа предложения). С некоторыми оговорками можно приравнять базовую семантику предложения его пропозициональному значению. Базовая семантика предложения составляет его десигнатную часть как сложного словесного знака, посредством которой он соотнесен с обозначаемым им фрагментом действительности, определенной ситуацией, некоторым положением дел. В данном, номинативном, отношении предложение, представляя собой языковой знак, служит

основой для совершения высказывания в его форме, что предполагает приобретение этим знаком коммуникативного статуса. Это изменение статусной характеристики предложения ведет не просто к переводу его из плана языка в план речи, но и к приобретению им качественно новых свойств, прежде всего функциональных, которыми оно не характеризовалось ранее. В частности, одним из таких ценных новоприобретений является смысл, под которым понимается информация, соответствующая замыслу речи, формируемому в сознании ее отправителя, и предназначенная для усвоения ее получателем речи.

Смысл высказывания может находиться в разных отношениях с базовой семантикой предложения, в форме которого высказывание осуществляется. Смысл высказываний может быть тождествен базовой семантике предложения, может отклоняться от нее до степени вхождения в прямое с ней противоречие и может добавляться к ней, наслаиваться на нее, обволакивать ее таким образом, что усвоенная реципиентом речи информация уже мало или почти никак не сопрягается с его пропозициональным значением. Нас, разумеется, в первую очередь будет интересовать то, каким образом создается указанная неконгруэнтность между базовой семантикой предложения и смыслом высказывания. Отметим, что такие способы носят весьма многочисленный и гетерогенный характер.

Начнем с того, что разобьем их на три основных типа:

- 1) экстралингвистические;
- 2) паралингвистические;
- 3) собственно лингвистические.

Экстралингвистические средства (мимика, жестикуляция) способны как акцентировать, так и модифицировать прямое базовое значение предложения, в форме которого совершается высказывание, вплоть до противоположного. Например, высказывание *I am so glad to see you*, произнесенное с кислым выражением лица и сопровождаемое жестом отстранения указывает на эмоциональное состояние говорящего, прямо противоположное тому, которое утверждается в высказывании как присущее говорящему. Точно такой же эффект может быть достигнут при использовании паралингвистических (интонационно-просодических) средств. Например, использование в американском английском так называемой иронической назализации ведет к генерированию смысла, прямо противоположного значению предложения: высказывание *Harry is a genius*, произнесенное с иронической назализацией, будет означать, что Гарри может являться кем угодно, но не гением. Несмотря на безусловную важность экстралингвистических и паралингвистических средств в порождении смысла, ведущую роль в этом процессе мы все же должны отдать средствам собственно лингвистическим. Причина этого состоит в том, что язык по своей природе специализирован в информационной функ-

ции, а значит, и в функции генерирования смысла. Следовательно, именно с помощью языковых средств возможна наиболее тонкая и дифференцированная нюансировка смысловых оттенков высказываний, что, в свою очередь, наталкивает на идею о типологизации языковых средств, функционирующих в качестве механизма смыслопорождения. Однако перед тем как приступить к выделению таких средств, необходимо указать на пределы их информационных возможностей, для чего требуется и более внимательный взгляд на феномен смысла.

3. УЗУАЛЬНЫЙ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛЫ

Граница между двумя типами смыслов (*узualmente* и *оказиональным*) проходит по линии, по одну сторону которой находятся прогнозируемые, исчисляемые, конечные смыслы, а по другую — непрогнозируемые, неисчисляемые, бесконечные. Бесконечность окказиональных смыслов легко доказывается простым лингвистическим экспериментом. Возьмем, к примеру, высказывание *Bill borrows books from the library every day*, адресованное одним собеседником другому. В зависимости от огромного количества самых разных обстоятельств (ситуации общения, вербального контекста, пола и возраста коммуникантов, их социального и образовательного уровня, индивидуальных предпочтений бытового плана и т.д.) отправитель сообщения вкладывает, а получатель сообщения извлекает следующий окказиональный смысл из высказывания о том, что некто Билл ежедневно пользуется библиотекой: *Билл умный и хорошо образованный человек; А почему бы тебе не воспользоваться библиотечными ресурсами, подобно тому как это делает Билл; Билл — отставший от жизни и старомодный человек, он пользуется библиотекой, хотя книги можно теперь читать и по Интернету, не выходя из дома; Билл говорил нам, что не будет дальше учиться, а на самом деле готовится к поступлению в университет; Билла не стоит приглашать на вечеринку, так как он скучный и нудный человек; Билл — целеустремленный и волевой молодой человек, его ждет блестящее будущее ученого и т.д.* Как видим, список окказиональных смыслов, извлекаемых из рассматриваемого сообщения, отличается необозримостью и пестротой. Возможность порождения и понимания окказиональных смыслов основывается на всем спектре самых разнообразных знаний индивида: на знаниях энциклопедического порядка, на жизненном (житейском) опыте, на понимании (иногда интуитивном) причинно-следственных связей, а также на верованиях, убеждениях, мнениях и т.д. Очертить круг окказиональных смыслов поэтому можно лишь с большей или меньшей степенью вероятности и никогда вполне определено. Каким же образом людям всегда или почти всегда

удается вскрыть тот единственный смысл, носителем которого выступает то или иное речевое высказывание?

Никакой мистики в способности одного человека вложить, а другого — извлечь окказиональный смысл из некоторого высказывания нет: несмотря на то что на смыслопорождение и смысловосприятие влияет огромное количество факторов, каждый конкретный речевой акт всегда уникален, то есть происходит в конкретной временной и пространственной точке, между конкретными людьми, в конкретных обстоятельствах, на конкретном социокультурном фоне. Все это радикальным образом сужает потенциально необозримый список окказиональных смыслов высказывания, делая его эффективным средством межличностного взаимодействия. Как видим, по форме самого высказывания невозможно определить, какого рода окказиональный смысл в нем кодируется, источник декодирования окказионального смысла высказывания также лежит за пределами его формы. Можно сказать, что он лежит в области социальной жизни, частью которой и является речевой акт. Именно поэтому описание механизмов порождения окказиональных смыслов в собственно лингвистических терминах обречено на неудачу — слишком далеко эти механизмы отстоят от языковой системы, слишком тесно вплетены они в многоаспектную неязыковую деятельность индивидов.

Узуальный же смысл куда ближе стоит к языку, сравнительно легко считывается с самого высказывания, а потому средства его экспликации могут быть выделены и описаны. Назовем эти средства смыслопорождающими операторами. Посмотрим, какие их группы можно выделить на материале английского языка и проанализируем примеры некоторых высказываний, в составе которых они обнаруживаются.

4. ТИПЫ СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИХ ОПЕРАТОРОВ

Материал английского языка позволяет выделить четыре основные группы смыслопорождающих операторов.

4.1. Лексические операторы

К лексическим операторам относятся все те лексемы, в структуре словозначения которых доминирует не сема «информация о мире», а сема «информация об информации». Поясним это на примерах, для чего рассмотрим следующие предложения:

- 1) *Tom entered the university;*
- 2) *Tom failed to enter the university;*
- 3) *Tom managed to enter the university.*

Первое предложение отлично от двух других тем, что, будучи рассмотренным как речевое высказывание, несет узуальный смысл, сводимый к его языковому (пропозициональному) значению: «Том поступил в университет». Смысл высказываний 2) и 3), напротив, несводим к пропозициональному значению предложений и может быть эксплицирован следующим образом: 2) «Том пытался поступить в университет, но не поступил»; 3) «Том поступил в университет, хотя это нелегко, так как требует приложения усилий: не всякий может поступить в университет». Узуальные смыслы легко порождаются говорящим и легко «считываются» слушающим, так как несут кодифицированный характер. Задачу и передачи именно этих смыслов в ходе коммуникативного акта и может ставить себе говорящий. Но, очевидно, не только их. Целью высказывания может быть и передача окказиональных смыслов, которые, как мы уже установили, «идут» дальше узуальных смыслов, несут контекстно обусловленный и ситуативный характер, а поскольку количество реальных коммуникативных ситуаций неисчислимо и каждый коммуникативный акт является уникальным событием, постольку окказиональные смыслы неисчислимы и необозримы. Окказиональные смыслы, «вытекающие» из пропозиционального значения и узуального смысла вышеприведенных высказываний, могли бы быть, например, такими, как:

1) «Том поступил в университет, теперь может немного и отдохнуть», «Том поступил в университет, теперь в его жизни начинается интересная (тяжелая, долгая, ответственная и т.д.) пора, связанная с учебой», «Теперь придется много платить за учебу», «Теперь Том уже не мальчик, он студент» и т.д.;

2) «Том настолько глуп, что не смог поступить в университет», «Том — лентяй (бездарь, тупица и т.д.)», «У Тома слабое здоровье (слабая сила воли)», «А вообще-то Том и не очень хотел поступать в университет» и т.д.;

3) «Том очень умен (трудолюбив, целеустремлен, работоспособен и т.д.)», «Мы гордимся Томом», «Мы рады за Тома», «Не каждому удается поступить в университет, а вот Том смог» и т.д. В дальнейшем мы воздержимся по указанной выше причине от попыток экспликации окказиональных смыслов, хотя, повторим, именно они и могут быть в фокусе коммуникативного акта.

К числу лексических операторов относятся также единицы дискурсивной лексики (в традиционной частеречной классификации относимые обычно грамматистами к разряду частиц и/или наречий) и междометия. Что касается частиц типа *even* и *only*, то они уже давно рассматриваются как средства реализации имплицитной предикативности. В высказывании *Even he came* помимо пропозиционального значения «он пришел» передаются узуальные смыслы «пришел кто-то еще» и «не ожидалось, что он придет».

Среди такого типа операторов выделяется группа, прототипический узуальный смысл которых можно было бы обозначить как «наличие ситуации, противоположной обозначаемой данным предложением»: *once, no longer, no more, at first, at the beginning, until now*. Например, *She was once naive* на смысловом уровне читается «она была наивной, но затем перестала быть наивной», а *At first he was nervous* читается как «он испытывал нервное состояние, затем перестал его испытывать».

Можно говорить и о группе лексических операторов, прототипическим узуальным смыслом которых является смысл «подобие, похожесть, схожесть»: *too, also и as well*. Например, *She was angry too* эксплицируется «она была сердита, и кто-то еще был сердит». *Again* есть оператор узуального смысла «повторяемость».

К лексическим операторам относятся также всевозможные парентетические элементы типа *by the way, I think, I guess, I suppose, I presume, I am afraid, perhaps, probably, may be, surely, possibly, certainly, of course, I wonder, you know, you see* и т. п. Возьмем для примера оператор *by the way*, как в предложении *By the way, John has gone away*. Смысл этого высказывания мог бы быть эксплицирован следующим образом: «Джон уехал; я хочу сказать кое-что другое; не думай, что это важно для дела, о котором я говорю».

Особняком стоит в рассматриваемом классе смыслопорождающих операторов наречие *allegedly*, которое, строго говоря, нельзя отнести к числу дискурсивных слов, так как его семантика поддается достаточно четкому лексикографическому описанию и во внеконтекстных условиях. Тем не менее это лексический оператор, играющий весьма существенную роль в порождении и понимании смысла высказывания. Так, смысл предложения *John is allegedly a coward* может быть эксплицирован весьма пространно: «Джон — трус, но я, говорящий, этого не утверждаю, так как это не мое мнение о Джоне, а мнение других людей, полностью доверять которому у меня нет оснований». Таким образом, узуальный смысл высказываний с *allegedly* может быть в самом общем виде обозначен как «отстраненность субъекта высказывания от оценки истинности содержащейся в предложении информации».

Говоря о междометиях, которые в традиционной грамматической теории рассматриваются в качестве слов, выражающих эмоции и аффективные состояния говорящих, необходимо указать и на их дискурсивно-релевантные, смыслопорождающие функции. Как это представлено в работах некоторых лингвистов, английское *oh* способно эксплицировать речевые смыслы, которые можно было бы описать так: «я, говорящий, переориентируюсь в отношении информации (оценки ее коммуникативной значимости, истинности, актуальности)», «я, говорящий, заменяю один информационный блок другим», «я, говорящий, осознаю, что уже известная информация стала коммуникативно важной», «я, гово-

рящий, получаю новую информацию для ее интеграции в уже существующую базу знаний», «я, говорящий, узнаю уже известную мне информацию», «я, говорящий, реагирую аффективно (т.е. с ярко выраженной эмоциональностью) и субъективно на дискурсную информацию». Таким образом, *oh* играет важную коммуникативную роль, мотивированную с когнитивной точки зрения.

4.2. Морфологические операторы

К операторам этого класса будем относить все те, которые представляют собой «неканонизированную» форму реализации грамматических категорий. Проиллюстрируем это на примерах глагольной категории вида и именной категории числа.

Рассмотрим высказывание *You are being kind*. По нормам английской грамматики глагол-связка *be*, как правило, не может употребляться в форме длительного вида. Следовательно, нарушение грамматической нормы оказывается значимым в смысловом отношении. Говорящий как бы посылает слушающему сигнал: «Ищи в моем высказывании другой смысл, кроме (а иногда вместо) кодифицированного пропозиционального значения». И действительно, такой смысл в высказывании мы обнаруживаем: «ты поступаешь (ведешь себя, говоришь и т.д.) как человек добрый, хотя, вообще-то, доброта тебе не свойственна».

Смысловые транспозиции имеют место и в случае употребления форм времени. Так, в высказывании *John is leaving* форма настоящего длительного времени, обычно используемая для обозначения действия, происходящего в момент речи, эксплицирует смысл: «уход (отъезд) Джона состоится в ближайшем будущем».

В сфере категории числа имени существительного внимание привлекают формы множественного числа тех имен, которые нормативно должны употребляться лишь в форме единственного числа. К ним относятся, в частности, так называемые вещественные существительные типа *sand, water, snow, wine, brandy* и т. п. Форма множественного числа таких слов маркирует следующий узуальный смысл: «я, говорящий, имею в виду не только обозначенное данным словом вещество, но и его массовидность, огромность, как в высказывании *The snows of the Arctic spread over the vast territory*, или сортность, порционность, как в высказывании *There were a lot of wines on the table*».

Относительно абстрактных существительных, употребление которых в форме множественного числа должно иметь серьезную смысловую мотивировку, можно постулировать вариант следующей смысловой экспликации. Высказывание *He was amazed at the intricacies of political life* эксплицируется «он был изумлен запутан-

ностью политической жизни, столкнувшись с различными формами (видами, способами, случаями) проявления этой запутанности».

4.3. Синтагматические операторы

Под синтагматическими операторами экспликации узуального смысла будем понимать все случаи так называемой «внешней категоризации» — явления, характерного для английского языка как языка с ярко выраженными изолирующими чертами с типологической точки зрения. Интерпретационно значимым считается при внешней категоризации числовая форма слова-индикатора, «сигнализирующего» тот узуальный смысл, который говорящий вкладывает в содержание всего высказывания или его части. Рассмотрим два примера: *The army was retreating* и *The army were retreating*. В первом случае к пропозициональному значению «армия отступала» добавляется узуальный смысл «как нечто единое целое, как некая структурная единица, организовано». Во втором случае к тому же пропозициональному значению добавляется иной узуальный смысл: «не как единое целое, а как некая совокупность отдельных индивидов, когда каждый из них совершает действие отступления сам по себе, в независимости от других, разрозненно, возможно, хаотично и неорганизовано».

Приведем еще два контрастных примера внешней категоризации несколько иного рода: *A series of windows looks out into the garden* и *A series of windows look out into the garden*. Помимо общего для сравниваемых высказываний пропозиционального значения «окна выходят в сад» данные высказывания содержат разный узуальный смысл: «я, говорящий, воспринимаю окна, о которых идет речь, в целостности, как единый архитектурный фрагмент дома» (первый пример); «я, говорящий, воспринимаю окна, о которых идет речь, как расчлененную множественность, каждое в отдельности, независимо от соседних, подчеркивая идею множественности объектов, а не единичности фрагмента, частью которого они являются» (второй пример).

Еще одним синтагматическим оператором является порядок слов в высказывании, а точнее — выбор из соответствующих альтернатив подлежащего как наиболее топикализованной части высказывания. Так, в соответствующей литературе отмечено, что в большинстве языков существует более одного предиката для описания некоторого определенного состояния, события или действия. Например, коммерческая сделка, включающая двух участников и объект, может быть вербализована либо как *Doug bought a sheep from Malcolm*, либо как *Malcolm sold a sheep to Doug*. Разница между этими двумя пропозиционально идентичными высказыва-

ниями заключается в выборе говорящим слова, обозначающего участника, инициирующего и контролирующего событие. Если в случае сделки между Дагом и Малколмом Даг считается говорящим, главным действующим лицом и инициатором сделки, тогда подходящим будет предложение с глаголом *buy*. Если, с другой стороны, Малколм считается участником, инициирующим и контролирующим сделку, тогда подходящим будет предложение с глаголом *sell*. Иными словами, узуальный смысл, добавляемый к пропозициональному значению в первом предложении, будет читаться «я, говорящий, считаю Дага инициатором, каузатором, контролером данной ситуации», а узуальный смысл, добавляемый к пропозициональному значению во втором предложении, будет читаться «я, говорящий, считаю Малколма инициатором, каузатором, контролером ситуации».

4.4. Артиклевые операторы

Вносить артикль в отдельный класс операторов вынуждает нас нерешенность вопроса о том, к какому уровню языковой иерархии его следует отнести. Разброс мнений об уровневой принадлежности артикля чрезвычайно широк — грамматисты рассматривают его как явление и морфологическое, и лексическое, и синтаксическое, и текстовое. Поэтому включение артикля в любой из предшествующих разделов было бы насильем над его во многом уникальной природой. Выделение специального раздела для артикля, таким образом, представляется вполне оправданным.

Начнем с критики утверждения, что английский определенный артикль указывает на определенность референта существительного, с которым он употребляется, а неопределенный артикль — на неопределенность референта существительного. В литературе, посвященной рассмотрению этого вопроса, указывается, в частности, что когда говорят о нескольких собаках, то число собак бывает или неизвестно, или не выражено, но оно не неопределенно. Неопределенность отражает не реальное отсутствие у объекта каких-либо отличительных признаков, а лишь некоторое отношение к этому говорящего: незнание, нежелание или отсутствие необходимости в подобном уточнении и т. п. Уже из этого видна субъективность значения неопределенности, ибо в реальности все объекты имеют индивидуальные отличительные признаки, то есть не являются неопределенными (ни в количественном, ни в качественном плане). Что же актуализируется в речи при помощи артиклей, если отказаться от стереотипного указания на категорию определенности/неопределенности?

Употребляя неопределенный артикль, например, перед существительным *letter* в высказывании *I received a letter yesterday*, го-

ворящий исходит из того факта, что слушающий не знает, о каком именно письме идет речь, хотя сам говорящий имеет, естественно, вполне определенное представление о нем. Таким образом, узуальный смысл данного высказывания можно эксплицировать следующим образом: «я, говорящий, сообщаю тебе, что получил письмо, предполагая, что ты не знаешь, о каком письме я говорю».

Таким образом, по мнению некоторых лингвистов, говорящий маркирует именную группу артиклем как определенную, когда он предполагает, что слушающий может однозначно идентифицировать ее референт. Можно предложить следующую воображаемую, хотя и абсолютно реальную, ситуацию. Предположим, к вам приходит друг и говорит: *Fred bought the car*. Он полагает, что вы понимаете, о какой машине идет речь. Если вы не знаете референта слова *car*, вы спросите: *Which car?* Если, с другой стороны, он говорит: *Fred bought a car*, то и тогда он говорит об определенной машине, но при этом не предполагает, что вы знаете, о какой именно машине идет речь. Итак, в обоих случаях говорящий имеет в виду определенную машину (слово *car* является референтной именной группой). Но когда именная группа маркирована определенным артиклем *the*, говорящий предполагает, что слушающий может идентифицировать референт. При маркировании же именной группы артиклем *a* говорящий предполагает, что слушающий не может однозначно идентифицировать референт.

Исследовавшие данную проблему американские авторы считают, что определенность именной группы отнюдь не предполагает автоматического маркирования ее определенным артиклем. Во многих случаях референтно определенная именная группа маркируется неопределенным артиклем столь же свободно, как и референтно неопределенная. В английском языке существуют случаи, когда определенность/неопределенность референта именной группы выявляется лишь в контексте, причем неопределенным артиклем маркируются обе именные группы. Предложение *I am looking for a snake* может означать либо «Я ищу определенную змею», либо «Я ищу любую змею», что можно продемонстрировать следующими предложениями: *I am looking for a snake. It is 4 feet long and has red stripes* и *I am looking for a snake; any will do*. *A snake* в первом примере — референтно определенная именная группа; из описания ясно, что говорящий имеет в виду определенную змею с определенными чертами. *A snake* во втором примере является референтно неопределенной группой, поскольку любая змея подойдет говорящему. Отсюда ясно видно, что определенность референта имени существительного и его детерминация определенным артиклем далеко не всегда совпадают в высказывании.

Итак, выше мы установили, что узуальный смысл артиклевой детерминации, «наслаивающийся» на пропозициональные значе-

ния, может быть выявлен как «я, говорящий, предполагаю, что слушающему известен/неизвестен предмет, о котором идет речь». Какие еще узуальные смыслы эксплицируются артиклем?

Ответ на этот вопрос дает оригинальная и в целом малоизвестная теория локализации Дж. Хокинза. Согласно этой теории использование определенного артикля служит инструкцией для слушающего локализовать референт определенной именной группы как одного из членов набора объектов, которые прагматически определяются на основании различных типов общего для говорящего и слушающего знания и на основании ситуации речевого акта. Слушающий локализует референт в том смысле, что он понимает, что объект, к которому осуществляется референция, является членом соответствующего прагматически определимого набора. Отношения между определенной дескрипцией и всеми объектами, удовлетворяющими дескриптивному предикату, внутри соответствующего прагматического набора можно определить как отношения «включения». Этот вывод, касающийся «инклюзивности» (включенности), относится и к существительным в форме множественного числа, и к вещественным существительным, равно как и к исчисляемым существительным в форме единственного числа с определенным артиклем. Так, предложение *Bring the wickets in after the game of cricket* обычно понимается как относящееся ко всем *wickets* (воротцам), о которых идет речь. Что касается предложения *The king of France is bald*, то общее количество королей Франции, по отношению к которым осуществляется референция, равняется единице. И уникальность определенных дескрипций является лишь частным проявлением более общего правила — правила инклюзивности внутри прагматически определенных параметров. Введение понятия инклюзивности объясняет и фундаментальную разницу между выбором говорящим определенного либо неопределенного артикля, которая заключается, по Хокинзу, в следующем: *the* относится ко всем релевантным, прагматически отграниченным объектам инклюзивно; *a* относится не ко всем — эксклюзивно (на основе исключения), то есть считается, что существуют другие объекты, которые исключаются из референции неопределенной дескрипции. Отсюда нормативность предложения *Fred lost a leg in the war* и ненормативность предложения **Fred lost a head in the war*. Данная теория расширяет диапазон узуальных смыслов, выражаемых английским артиклем.

Подытоживая анализ смыслопорождающих операторов, отметим следующее. При выявлении реестра таких операторов мы исходили из возможности регистрации и классификации лишь узуальных смыслов, то есть нас интересовал лишь «первый шаг перехода» от значения к смыслу. Дальнейшие «шаги» привели бы нас к зыбкой и практически нетипологизируемой средствами современных лингвистических методик области окказиональных

смыслов. Мы считаем, однако, что область окказиональных смыслов вовсе не является принципиально закрытой для исследователя. Возможно, в дальнейшем будут предложены адекватные аналитические процедуры и инструментарий для научных изысканий именно в этой области и именно с ней будут связаны исследовательские перспективы в сфере теории смысла высказывания.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что имеется в виду под базовой семантикой предложения? Из каких компонентов она складывается?
2. В каких отношениях находятся базовая семантика предложения и смысл высказывания?
3. Какие типы формирования смысла высказывания вам известны?
4. Что имеется в виду под экстралингвистическим способом формирования смысла высказывания?
5. Что имеется в виду под паралингвистическим способом формирования смысла высказывания?
6. Почему собственно языковые способы формирования смысла высказывания являются в этом плане ведущими?
7. В чем принципиальная разница между узуальным и окказиональным смыслами высказывания?
8. Что такое смыслопорождающие операторы?
9. Какие типы смыслопорождающих операторов в английском языке вам известны?
10. Существуют ли в современном языкознании исследовательские методики для выявления и описания реестра окказиональных смыслов?

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА СЕМИНАРОВ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Seminar 1. Grammar: general notions

1. Grammar as a branch of linguistics. Types of grammatical descriptions.
2. The plane of content and the plane of expression. Polysemy, homonymy, synonymy in grammar.
3. Syntagmatic and paradigmatic relations. Types of syntagms.
4. Hierarchic structure of language. Segmental and suprasegmental units (levels). Language and speech.

Seminar 2. The morpheme

1. Notion of the morpheme. Traditional types of morphemes.
2. The terms "suffix" and "inflection" ("ending"). Types of word-derivation.
3. Distributional analysis in studying morphemes. Types of distribution.
4. Distributional morpheme types.
5. The morpheme and the language type. The role of the morpheme in English as an isolating language.

Seminar 3. Parts of speech

1. The notion of parts of speech. The criteria applied in discriminating parts of speech.
2. The problem of notional and formal parts of speech.
3. The field theory and the prototype theory in parts-of-speech classification.
4. Theory of functional categorization.
5. Different classifications of parts of speech in English. Ch. Fries' classification (syntactico-distributional classification).
6. The problem of referring a word to a part of speech in an isolating language.

Seminar 4. The noun, its categories

1. The noun as a part of speech.
2. The problem of the category of gender. Its notional substratum.
3. The category of number. Its notional substratum.
4. The problem of the category of case. The expression of case relation in different language types.

Seminar 5. The article

1. The article as represented in the theory by B. Ilyish.
2. The article as represented in the theory by M. Blokh.
3. The article as represented in the theory by I. Ivanova.
4. The article as represented in the theory by A. Smirnitzky.
5. The article as represented in the theory by B. Khaimovitch & B. Rogovskaya.
6. The article as a sense-generating operator.

Seminar 6. The adjective and the pronoun

1. The adjective as a part of speech. Degrees of comparison.
2. Substantivization of adjectives. Adjectivization of nouns.
3. The pronoun as a part of speech. The categories of case and number.
4. Different subclasses of pronouns.
5. Deictic and non-deictic adjectives and pronouns.

Seminar 7. The verb (part 1)

1. The verb as a part of speech.
2. The category of aspect. Its notional substratum.
3. The category of tense. The problem of the perfect forms.
4. The notional substratum of the category of tense.

Seminar 8. The verb (part 2)

1. The categories of person and number. Their notional substrata.
2. The category of mood. Its notional substratum.
3. The category of voice. The cognitive approach to the Middle Voice.

Seminar 9. The verbals

1. Characteristics of the verbals.
2. The infinitive.
3. The participle.
4. The gerund.

Seminar 10. The structural parts of speech

1. The adverb.
2. The preposition. Deictic and non-deictic use of prepositions.
3. The conjunction.
4. The particle.
5. Modal words.
6. The interjection. Its role in discourse.

Seminar 11. The phrase (part 1)

1. Definition of the phrase.
2. The study of the phrase in Russian and foreign linguistics.
3. Types of phrases.
4. The phrase and the sentence: which is primary?

Seminar 12. The phrase (part 2)

1. Syntactical relations between the components of the phrase.
2. Syntactic processes.
3. The theory of the phrase as represented by H. Sweet, E. Kruisinga and O. Jespersen ("The Three Ranks", "Junction and Nexus").

Seminar 13. The sentence

1. Notion of the sentence. Basic properties of the sentence. Modality and predicativity.
2. Classification of sentences. Types of sentences (communicative and structural).
3. Actual division of the sentence (functional sentence perspective).
4. The sentence and the text.

Seminar 14. Parts of the sentence

1. The subject.
2. The predicate. Types of the predicate.
3. The object.
4. The attribute.
5. The adverbial modifier.
6. The principal of prototypicality in defining parts of the sentence.

Seminar 15. Syntax

1. Word order in English. The role of word order in the isolating language type.
2. Complicated sentences.
3. The composite sentence. The compound sentence.
4. The correlation between the structure of the sentence and the underlying semantic structure (proposition).

Seminar 16. Complex sentences (part 1)

1. Complex sentences. Types of complex sentences.
2. Subject clauses.
3. Predicative clauses.

Seminar 17. Complex sentences (part 2)

1. Object clauses.
2. Attributive clauses.
3. Adverbial clauses.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, РЕКОМЕНДУЕМОЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Основная литература

1. *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка (на англ. яз.). — М., 2001.
2. *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. — М., 1981.
3. *Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка (на англ. яз.). — Л., 1971.
4. *Иофик Л. Л. и др.* Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка (на англ. яз.). — Л., 1981.
5. *Хаймович Б. С., Роговская Б. И.* Теоретическая грамматика английского языка (на англ. яз.). — М., 1967.

Дополнительная литература

1. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М., 1975.
2. *Бархударов Л. С.* Синтаксис простого предложения английского языка. — М., 1975.
3. *Воронцова Т. Н.* Очерки по грамматике английского языка. — М., 1960.
4. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. — М., 1959.
5. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. — М., 1957.

ТЕСТ ПО КУРСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Пояснения

1. В некоторых случаях возможны несколько правильных ответов.
2. Студенты могут оценить уровень усвоения материала по следующим критериям (исходя из количества правильных ответов):

90—100 — отлично
70—90 — хорошо
50—70 — удовлетворительно
< 50 — неудовлетворительно

1. Внешняя категоризация относится к _____ грамматическим способам:

- 1) синтетическим;
- 2) аналитическим.

2. Английский язык с точки зрения типологической классификации языков проявляет черты:

- 1) языков флективного аналитического и инкорпорирующего типов;
- 2) языков всех типов;
- 3) языков инкорпорирующего и изолирующего типов;
- 4) языков флективного синтетического и флективного аналитического типов.

3. Конструкция группового притяжательного падежа в английском языке является проявлением черт:

- 1) языка флективного типа;
- 2) языка изолирующего типа;
- 3) языка инкорпорирующего типа;
- 4) языка агглютинативного типа.

4. Вторично-предикативные структуры в английском языке являются проявлением черт:

- 1) языка флективного типа;
- 2) языка изолирующего типа;
- 3) языка инкорпорирующего типа;
- 4) языка агглютинативного типа.

5. К числу формально-синтаксических теорий относятся:

- 1) теория коммуникативного синтаксиса;
- 2) теория конструктивного синтаксиса;

¹ Вопросы к тесту составлены совместно с Т.А. Клепиковой.

- 3) теория прагматического синтаксиса;
- 4) теория коллоквиального синтаксиса.

6. Из перечисленных аналитических грамматических способов редко используемыми в английском языке являются:

- 1) порядок слов;
- 2) вспомогательные глаголы;
- 3) внешняя категоризация;
- 4) редупликация.

7. Синкретичное выражение разных грамматических категорий одним морфологическим показателем есть:

- 1) синтетосемия;
- 2) гаплосемия;
- 3) фузия;
- 4) агглютинация.

8. Корпусная грамматика является:

- 1) диахронической грамматикой;
- 2) синхронической грамматикой;
- 3) грамматикой, построенной с учетом узуса;
- 4) диахронической грамматикой, построенной с учетом узуса.

9. Денотатом предложения являются:

- 1) предмет объективной действительности;
- 2) несколько предметов объективной действительности;
- 3) ситуация объективной действительности;
- 4) пропозиция.

10. Явление гаплосемии свойственно языкам:

- 1) флективного типа;
- 2) изолирующего типа;
- 3) инкорпорирующего типа;
- 4) агглютинативного типа.

11. Явление синтетосемии свойственно языкам:

- 1) флективного типа;
- 2) изолирующего типа;
- 3) инкорпорирующего типа;
- 4) агглютинативного типа.

12. Явление гармонии гласных свойственно языкам:

- 1) флективного типа;
- 2) изолирующего типа;
- 3) инкорпорирующего типа;
- 4) агглютинативного типа.

13. Явление ассимиляции согласных аффиксов согласным корня свойственно языкам:

- 1) флективного типа;
- 2) изолирующего типа;
- 3) инкорпорирующего типа;
- 4) агглютинативного типа.

- 14.** Явление фузии свойственно языкам:
- 1) флективного типа;
 - 2) изолирующего типа;
 - 3) инкорпорирующего типа;
 - 4) агглютинативного типа.
- 15.** Семантический падеж перцептив является разновидностью:
- 1) бенефактива;
 - 2) экспериенсива;
 - 3) результатива;
 - 4) объектива.
- 16.** Мыслительный референт является коррелятом:
- 1) семантической категории;
 - 2) актуализованного денотата;
 - 3) референта;
 - 4) предмета объективной действительности.
- 17.** Ономазиологический подход к изучению языковых явлений предполагает анализ фактов языка:
- 1) от формы к содержанию;
 - 2) от содержания к форме.
- 18.** Актуальное членение предложения относится к теории:
- 1) прагматического синтаксиса;
 - 2) конструктивного синтаксиса;
 - 3) коллоквиального синтаксиса;
 - 4) коммуникативного синтаксиса.
- 19.** Категория степеней сравнения прилагательных в английском языке выражается:
- 1) бинарной оппозицией;
 - 2) эквиполентной оппозицией;
 - 3) привативной оппозицией;
 - 4) градуальной оппозицией.
- 20.** Представление ситуации с точки зрения лица, фактически или фиктивно в ней участвующего, именуется:
- 1) эмпатия;
 - 2) перлокутивный эффект высказывания;
 - 3) иллокутивная сила высказывания;
 - 4) фокусировка сообщения.
- 21.** Скрытые грамматические категории:
- 1) отсутствуют в данном языке и присутствуют в другом языке;
 - 2) являются понятийными категориями;
 - 3) не имеют средств морфологического выражения в слове;
 - 4) выражаются лексически.
- 22.** В теории коммуникативного синтаксиса рассматриваются:
- 1) коммуникативные типы предложения;
 - 2) актуальное членение предложения;

- 3) категория лица глагола;
4) категория лица личных местоимений.
- 23.** К модальности объективного типа относятся:
1) деонтическая, аксиологическая;
2) алетическая, деонтическая;
3) аподиктическая, ассерторическая, деонтическая;
4) алетическая, эпистемическая.
- 24.** К модальности субъективного типа относятся:
1) алетическая, деонтическая;
2) аксиологическая, эпистемическая;
3) ассерторическая, эпистемическая;
4) аподиктическая, эпистемическая.
- 25.** Не подлежит грамматическому выражению:
1) эпистемическая модальность;
2) аксиологическая модальность;
3) алетическая модальность;
4) деонтическая модальность.
- 26.** Не подлежит исчислению, типологизации и таксономизации:
1) окказиональный смысл высказывания;
2) узуальный смысл высказывания;
3) базовая семантика предложения.
- 27.** К смыслопорождающим операторам относятся:
1) артиклевый оператор;
2) оператор дизъюнкции;
3) оператор импликации;
4) морфологический оператор.
- 28.** Предикатный актант является:
1) партиципантом ситуации;
2) мыслительным коррелятом партиципанта ситуации;
3) языковым выражением партиципанта ситуации;
4) языковым коррелятом партиципанта ситуации.
- 29.** Не являются предикатными актантами:
1) перформатив;
2) перцептив;
3) реквестив;
4) результатив.
- 30.** Отношения между знаками — это:
1) синтактика знака;
2) прагматика знака;
3) семантика знака;
4) синтагматика знака.
- 31.** Отношения между знаком и пользователем знака — это:
1) синтактика знака;
2) прагматика знака;

- 3) семантика знака;
 - 4) синтагматика знака.
- 32. Отношения между знаком и обозначаемым им объектом — это:**
- 1) синтактика знака;
 - 2) прагматика знака;
 - 3) семантика знака;
 - 4) синтагматика знака.
- 33. К речевым актам не относятся:**
- 1) промиссив;
 - 2) бенефактив;
 - 3) экспериенсив;
 - 4) директив.
- 34. Коммуникативное намерение говорящего есть:**
- 1) локуция;
 - 2) иллокуция;
 - 3) перлокуция;
 - 4) эмпатия.
- 35. К чертам коллоквиального синтаксиса относятся:**
- 1) фонетическая редуцированность;
 - 2) устный характер коммуникации;
 - 3) наличие дискурсивных маркеров;
 - 4) обильное использование аббревиатур.
- 36. Собственно речевой акт именуется в теории речевых актов:**
- 1) локуция;
 - 2) иллокуция;
 - 3) перлокуция;
 - 4) эмпатия.
- 37. К предикатным актантам, выражающим одушевленных участников ситуации, относятся:**
- 1) элементатив;
 - 2) локатив;
 - 3) агентив;
 - 4) бенефактив.
- 38. К средствам внутритекстовой когезии не относятся:**
- 1) парадигматически восполняемый эллипсис;
 - 2) синтагматически восполняемый эллипсис;
 - 3) конъюнкция;
 - 4) тематическая сетка текста.
- 39. Взаимно неоднозначное соотношение между элементами разных структур (когда одному элементу первой структуры соответствует не один элемент второй структуры, и наоборот) называется:**
- 1) алломорфизм;
 - 2) гомоморфизм;
 - 3) изоморфизм;
 - 4) параллелизм.

40. Ассерция есть:

- 1) утвердительность как семантическая характеристика предложения;
- 2) основная мысль, выражаемая в предложении;
- 3) неявно выводимое суждение;
- 4) речевой акт утверждения.

41. Атрибуцией именуется:

- 1) связь между определяемым и определяющим словами;
- 2) выделение определения как второстепенного члена предложения;
- 3) способ приписывания признака предмету;
- 4) естественно-языковой рефлекс атрибутивного словосочетания.

42. Способность предиката открывать места/позиции на то или иное количество актантов с определенными ролевыми характеристиками называется:

- 1) реляционность предиката;
- 2) валентность предиката;
- 3) «местность» предиката;
- 4) актантность предиката.

43. Высказывание есть:

- 1) речевой акт;
- 2) синоним термина «предложение»;
- 3) предложение, актуализованное в речи;
- 4) элемент дискурса в виде диалогической реплики.

44. Сохранение внутреннего равновесия, баланса, живой системы называется:

- 1) гомоморфизм;
- 2) гомеостаз;
- 3) изоморфизм;
- 4) изотопия.

45. Тип дейксиса, устанавливающий правила употребления дейктиков в зависимости от вербального контекста связной речи, устной или письменной, называется:

- 1) темпорально-локальный дейксис;
- 2) дискурсивный дейксис;
- 3) эмоциональный дейксис.

46. Тип дейксиса, устанавливающий корреляции между местом и временем произнесения высказывания и формой дейктика, называется:

- 1) темпорально-локальный дейксис;
- 2) дискурсивный дейксис;
- 3) эмоциональный дейксис.

47. К числу коллоквиальных синтаксических конструкций относятся:

- 1) абсолютный атрибут;
- 2) комплексное дополнение;
- 3) абсолютные причастные конструкции;
- 4) эллиптические конструкции.

48. Глаголы *to come, to go, to fetch, to bring, to take* относятся к:
- 1) каузативным глаголам;
 - 2) глаголам пропозиционального отношения;
 - 3) периферийным дейктикам;
 - 4) фазовым функторам.
49. Эгоцентрические слова — это:
- 1) дейктики;
 - 2) модусные функторы;
 - 3) местоимения;
 - 4) существительные — имена собственные.
50. При варьировании высказывания в плане коммуникативной целеустановки, темпоральности, отрицания и т. п. не изменяются:
- 1) модус;
 - 2) дейксис;
 - 3) модальная рамка высказывания;
 - 4) диктум.
51. Взаимно однозначное соотношение между пропозицией и коррелятивной ей ситуацией называется:
- 1) изоморфизм;
 - 2) гомоморфизм;
 - 3) моделирование;
 - 4) концептуализация.
52. Использование в качестве средств внутритекстовой связи лексических единиц, принадлежащих к одной и той же предметной области, называется:
- 1) изотопия текста;
 - 2) когерентность;
 - 3) когезия;
 - 4) лексическая когезия.
53. Угрозы, обещания, проклятия, приказы, просьбы, запреты, разрешения, поздравления, соболезнования и т. п. — это:
- 1) речевые акты;
 - 2) констативы;
 - 3) иллокутивная сила высказывания;
 - 4) перлокутивный эффект высказывания.
54. Основной чертой морфологии языков инкорпорирующего типа является:
- 1) наличие внутренней флексии;
 - 2) наличие комплексных многокомпонентных слов, характеризующихся способностью к предикциированию;
 - 3) отсутствие внешней флексии;
 - 4) аналитические конструкции.
55. Неодушевленных участников ситуации отражают:
- 1) партитив;
 - 2) локатив;

- 3) инструментатив;
- 4) бенефактив.

56. Формально-лингвистические средства внутритекстовых связей называются:

- 1) когезия;
- 2) когерентность;
- 3) лексическая когезия;
- 4) изотопия текста.

57. К числу коллоквиальных синтаксических конструкций не относятся:

- 1) комплексное подлежащее;
- 2) парцелированные конструкции;
- 3) вопросно-ответное построение монологической речи;
- 4) построение предложения по модели атрибутивного словосочетания.

58. Высказывание, описывающее некий фрагмент, или событие, внеязыкового мира или ситуацию в неязыковом мире, называется:

- 1) перцептив;
- 2) констатив;
- 3) перформатив;
- 4) пропозиция.

59. Концептуализация есть:

- 1) процесс «оязыковления» концептов;
- 2) процесс «опредмечивания» концептов;
- 3) процесс выявления языковых средств выражения концептов;
- 4) процесс формирования концептов в сознании человека.

60. Использование соединительных элементов между предложениями (союзов, наречий, сентенциальных образований) именуется:

- 1) импликация;
- 2) конъюнкция;
- 3) изотопия текста;
- 4) интертекстуальность.

61. Дискурсивные маркеры — это:

- 1) невербальные элементы дискурса (жесты, мимика и т.п.);
- 2) эгоцентрические слова;
- 3) вербальные элементы дискурса, адекватная интерпретация которых невозможна в изоляции и возможна лишь при условии включенности их в структуру речи;
- 4) элементы дискурсивного дейксиса.

62. Модель предложения, описываемая в терминах «субъект», «предикат», «объект» и т.д., именуется:

- 1) функциональной;
- 2) категориальной;
- 3) функционально-категориальной;
- 4) пропозициональной.

63. Модель предложения, отражающая частеречную природу слов, входящих в состав предложения, и описываемая в терминах «существительное», «глагол», «прилагательное» и т. д., именуется:

- 1) функциональной;
- 2) категориальной;
- 3) функционально-категориальной;
- 4) пропозициональной.

64. К средствам выражения модальности в структуре предложения не относятся:

- 1) интонация;
- 2) дискурсивные маркеры;
- 3) формы наклонения глагола;
- 4) модализованные глаголы.

65. С помощью модусов *de dicto* в предложении реализуется:

- 1) субъективная модальность (эпистемическая);
- 2) субъективная модальность (эпистемическая и аксиологическая);
- 3) объективная модальность (алетическая и деонтическая);
- 4) объективная модальность (ассерторическая и аподиктическая).

66. С помощью модусов *de re* в предложении реализуется:

- 1) субъективная модальность (эпистемическая);
- 2) субъективная модальность (эпистемическая и аксиологическая);
- 3) объективная модальность (алетическая и деонтическая);
- 4) объективная модальность (ассерторическая и аподиктическая).

67. Объектом изучения морфологии является:

- 1) словообразование;
- 2) словоизменение;
- 3) словообразование и словоизменение;
- 4) парадигматика и синтагматика слова.

68. Словосочетания *for clarity's sake — for clarity sake* являются случаем:

- 1) нейтрализации оппозиции форм притяжательного падежа;
- 2) оппозиции форм притяжательного и общего падежей;
- 3) индивидуального варьирования;
- 4) группового варьирования.

69. Под узусом понимаются:

- 1) отклонения от грамматической нормы;
- 2) идиоэтнические образования;
- 3) превалирующие тенденции в употреблении языковых форм;
- 4) случаи соматического варьирования языковых форм.

70. Оператор импликации в частных случаях может совпадать:

- 1) с каузативным функтором;
- 2) с каузативным функтором, соединяющим пропозиции;
- 3) с дискурсивным оператором;
- 4) с глаголом-каузативом.

71. Оппозиция форм единственного и множественного числа имени существительного (напр., *house—houses*) является:
- 1) эквиполентной оппозицией;
 - 2) градуальной оппозицией;
 - 3) привативной оппозицией;
 - 4) бинарной оппозицией.
72. Оппозиция, представленная в русском языке формами рода *мастер—мастерица*, является:
- 1) эквиполентной оппозицией;
 - 2) градуальной оппозицией;
 - 3) привативной оппозицией.
73. Своеобразной системой координат для траектора в теории фигурно-фонового восприятия служит:
- 1) фокус;
 - 2) перспектива;
 - 3) фигура;
 - 4) ориентир.
74. Закономерности изменения формы слова по имеющимся у него как у части речи словоизменительным категориям именуется:
- 1) синтагматика слова;
 - 2) синтактика слова;
 - 3) парадигматика слова;
 - 4) прагматика слова.
75. Предикатный актант, отражающий одушевленного участника ситуации, который испытывает чье-либо действие или воздействие, является объектом влияния с чьей-либо стороны, именуется:
- 1) объектив;
 - 2) бенефактив;
 - 3) партитив;
 - 4) пациентив.
76. Возможность описать одно и то же положение дел, одну и ту же ситуацию с разных точек зрения в когнитивной грамматике именуется:
- 1) концептуализация;
 - 2) категоризация;
 - 3) перспективизация;
 - 4) фокусировка высказывания.
77. Высказывание, не обозначающее ничего лежащего за пределами языка, являющееся действием, актом, поступком речевого характера, именуется:
- 1) перцептив;
 - 2) перформатив;
 - 3) пациентив;
 - 4) фактитив.
78. Способностью маркировать диктумную часть высказывания как фактивную или нефактивную обладают:
- 1) реляционные предикаты;
 - 2) семантические предикаты;

- 3) предикаты пропозициональной установки;
 - 4) операторы импликации.
79. Способность предложения называть признак (в широком смысле слова) того, о чем в предложении идет речь, именуется:
- 1) предикативность;
 - 2) предикация;
 - 3) предицирование;
 - 4) номинативность.
80. Механизм реализации предикативности — это:
- 1) модальность;
 - 2) предикация;
 - 3) предицирование;
 - 4) пропозиция.
81. Условие, которое делает выражение основной мысли предложения возможным/актуальным, называется:
- 1) модальность;
 - 2) ассерция;
 - 3) пресуппозиция;
 - 4) постсуппозиция.
82. В следующем фрагменте текста: *Jack could neither read nor write. He was illiterate* — использование местоимения является примером:
- 1) субституции;
 - 2) прономинализации;
 - 3) апеллятивного местоимения;
 - 4) местоименной репризы.
83. Ментальный коррелят онтологической ситуации есть:
- 1) предложение;
 - 2) пропозиция;
 - 3) реляционный предикат;
 - 4) смысл высказывания.
84. Способность единицы обнаруживать черты разных категорий и тем самым входить в разные классы признается:
- 1) классической теорией категоризации;
 - 2) прототипической теорией;
 - 3) принципом внешней категоризации;
 - 4) фигурно-фоновой теорией.
85. Лингвистические средства отсылки к предшествующему контексту именуются:
- 1) ретроспекция;
 - 2) анафора;
 - 3) катафора;
 - 4) проспекция.
86. Лингвистические средства отсылки к последующему контексту именуются:
- 1) ретроспекция;
 - 2) анафора;

- 3) катафора;
- 4) проспекция.

87. Логико-содержательная и формальная структурированность текста именуется:

- 1) когезия;
- 2) когерентность;
- 3) лексическая когезия;
- 4) связность текста.

88. Сложное синтаксическое целое определяется как:

- 1) совокупность словосочетаний внутри предложения;
- 2) несколько предложений подряд в отдельно взятом фрагменте текста;
- 3) несколько предложений, внутритекстовый блок, характеризующий относительной структурной и смысловой завершенностью;
- 4) текст.

89. Приемы (механизмы) экспликации контенсивной стороны языка именуются:

- 1) грамматические способы;
- 2) грамматические оппозиции;
- 3) грамматические категории;
- 4) грамматические формы.

90. К числу синтетических грамматических способов не относятся:

- 1) супплетивизм;
- 2) редупликация;
- 3) внутренняя флексия;
- 4) внешняя категоризация.

91. Представленность пропозиции как факта действительности (того, что имело/имеет место в реальности) именуется:

- 1) объективная модальность;
- 2) темпоральность;
- 3) фактивность;
- 4) предикативность.

92. Предикатный актант, отражающий неодушевленного участника ситуации, возникающего или исчезающего в результате действия или воздействия, называется:

- 1) результатив;
- 2) фактив;
- 3) пациентив;
- 4) партитив.

93. Функтор, открывающий места для актантов в пропозиции, именуется:

- 1) предикатный функтор;
- 2) функтор первого ранга;
- 3) включающий предикат;
- 4) функтор второго ранга.

94. Функтор, открывающий места на предикатные функторы, именуется:

- 1) включенный предикат;
- 2) непредикатный функтор;
- 3) функтор высшего порядка;
- 4) функтор первого ранга.

95. Лексемы *to start*, *to begin*, *to continue*, *to commence*, *to go on* обозначают:

- 1) фазовые функторы;
- 2) каузативные функторы;
- 3) модусные функторы;
- 4) предикатные функторы.

96. Предложение и пропозиция:

- 1) изоморфны друг другу;
- 2) алломорфны друг другу;
- 3) гомоморфны друг другу;
- 4) никак не соотносятся друг с другом.

97. Пропозиция и онтологическая ситуация:

- 1) изоморфны друг другу;
- 2) алломорфны друг другу;
- 3) гомоморфны друг другу;
- 4) никак не соотносятся друг с другом.

98. Проявлением фактора наблюдателя в языке является:

- 1) предикативность;
- 2) перспективизация высказывания;
- 3) эмпатия;
- 4) пропозиция.

99. Примерами имен пропозитивной семантики являются:

- 1) *hope*, *belief*, *idea*;
- 2) *city*, *village*, *region*;
- 3) *prohibition*, *order*, *apology*;
- 4) *arrival*, *exam*, *wedding*.

100. Не являются содержательными параметрами текста:

- 1) перформативность;
- 2) информативность;
- 3) предикативность;
- 4) интенциональность.

КЛЮЧИ К ТЕСТУ

№ вопроса	Ответ	№ вопроса	Ответ	№ вопроса	Ответ	№ вопроса	Ответ
1	2	26	1	51	1	76	3, 4
2	2	27	1, 4	52	1, 4	77	2
3	3	28	2	53	1, 3	78	3
4	3	29	1, 3	54	2	79	1
5	2	30	1	55	2, 3	80	2, 3
6	4	31	2	56	1	81	3
7	1	32	3	57	1	82	1, 2
8	2, 3	33	2, 3	58	2	83	2
9	3	34	2	59	4	84	2
10	4	35	1, 2	60	2	85	1, 2
11	1	36	1	61	3	86	3, 4
12	4	37	3, 4	62	1	87	4
13	4	38	1	63	2	88	3
14	1	39	1	64	2	89	1
15	2	40	2	65	1	90	2, 4
16	2	41	3	66	3	91	3
17	2	42	2	67	3	92	1, 2
18	4	43	3	68	1	93	1, 2
19	4	44	2	69	3	94	2, 3
20	1	45	2	70	2	95	1
21	3	46	1	71	1, 4	96	2
22	1, 2, 4	47	1, 4	72	3	97	1
23	2, 3	48	3	73	4	98	2, 3
24	2	49	1	74	3	99	3, 4
25	2	50	4	75	4	100	1, 3

СПИСОК ВОПРОСОВ ДЛЯ ЭКЗАМЕНА

Часть 1 (лекции)

1. Предмет грамматики, типы грамматик. Норма и узус. Разделы грамматики. Связь грамматики с другими лингвистическими дисциплинами.
2. Грамматическое значение, грамматическая форма, грамматическая категория. Типы грамматических оппозиций. Грамматические способы.
3. Теория модальности. Модальность и предикативность. Способы выражения различных типов модальности в английском языке.
4. Английская грамматика в типологическом аспекте. Морфологическая типология и синтаксическая типология. Политипологический характер английской грамматической системы.
5. Понятийные категории в их отношении к грамматическим. Разработка теории понятийного субстрата грамматики. Типы понятийных категорий.
6. Основные проблемы конструктивного синтаксиса.
7. Семантический синтаксис. Понятие атомарного факта. Проблема изоморфизма. Понятие валентности. Основные типы семантико-синтаксических теорий.
8. Понятие пропозиции. Структура пропозиции. Типы реляционных предикатов. Типология семантических ролей.
9. Диктум и модус. Предикатные и непредикатные функторы. Типы непредикатных функторов.
10. Способы вынесения семантики в синтаксическую структуру. Операторы и операнды. Кванторы и квантификаторы, их типы и способы выражения в английском языке.
11. Коммуникативный синтаксис. Грамматическая категория лица. Актуальное членение предложения. Коммуникативные типы предложения.
12. Прагматический синтаксис. Теория речевых актов, типы речевых актов. Теория пресуппозиций, типы пресуппозиций.
13. Когнитивная грамматика. Понятие прототипа. Фигура и фон. Когнитивная метафора. Перспективизация.
14. Грамматика текста. Основные единицы текста. Свойства текста. Средства внутритекстовой связи. Контекст. Текст и дискурс.
15. Значение предложения и смысл высказывания. Узуальный и окказиональный смысл. Смыслорождающие операторы в английском языке.
16. Грамматическая вариативность. Основные положения вариологии. Вариативность в грамматической системе (английского) языка. Вариативность в теории грамматики (английского) языка.

17. Дейксис и дейктики в английском языке. Типы дейксиса. Свойства дейктиков.

18. Развитие английской грамматической теории до XX в. Различные способы описания грамматики. Характеристика наиболее значимых трудов по английской грамматике.

19. Коллоквиальный синтаксис. Основные особенности разговорной речи. Синтаксическая типология английских коллоквиальных конструкций.

Часть 2 (семинары)

1. The principal parts of the sentence.
2. The secondary parts of the sentence.
3. The compound sentence. The complex sentence. Complicated sentences.
4. The noun as a part of speech. The problem of the category of gender.
5. The notion of the morpheme. Types of morphemes. Types of word-formation. Types of distribution. Distributional morpheme types.
6. Parts of speech. Systemic and functional categorization. Field theory approach. Prototypical approach to parts-of-speech classification. Notional and structural parts of speech.
7. The verbals.
8. The category of number of the noun. The notional substratum of the category.
9. The category of case of the noun. Different case theories. The notional substratum of the category.
10. The article. Its morphological, syntactic and semantic functions. Its role in generating the sense of the utterance.
11. The verb as a part of speech. The category of aspect. Different aspect theories. The notional substratum of the category.
12. The pronoun. The categories of case, number and gender. Subclasses of pronouns. Deictic and non-deictic pronouns.
13. The plane of content and the plane of expression. Polysemy, homonymy, synonymy. Syntagmatic and paradigmatic relations. Language and speech.
14. The category of tense of the verb. The problem of the perfect forms. The notional substratum of the category of tense.
15. The category of mood of the verb. The notional substratum of the category. Mood and modality.
16. The category of voice of the verb. The cognitive approach to the Middle Voice.
17. The theory of the sentence. Classification of sentences. Types of sentences. The sentence and the proposition.
18. The adjective. The category of degrees of comparison. Substantivization of adjectives. Adjectivization of nouns. The statives.
19. The theory of the phrase. Types of phrases. Syntactic relations between the components of a phrase. Syntactic processes.

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

1. Прагматические импликации способов реализации категории времени в английском языке.
2. Предикаты состояния в современном английском языке.
3. Функционально-семантические особенности предикатов пропозициональной установки в английском языке.
4. Статус категории модальности на уровне текста.
5. Медиальные конструкции в английском языке в когнитивном аспекте.
6. Психосистематика английского артикля.
7. Проблема шифрования на примере коммуникативных типов предложения в английском языке.
8. Сентенциональные наречия в английском языке.
9. Коммуникативная природа категории артикля в современном английском языке.
10. Прагматическая маркированность синтаксических структур (на материале английского языка).
11. Интертекстуальность как категория текста в произведениях О. Хаксли.
12. Вопросительное предложение в косвенном речевом акте.
13. Функционально-семантическое поле условия в современном английском языке.
14. Речевой акт несогласия: семантика, структура, прагматика.
15. Речевой акт согласия: семантика, структура, прагматика.
16. Характер интертекстуальных связей пародийных произведений Дж. Тербера.
17. Вариативность конструкций *AS + V-ing*: структурно-семантический аспект.
18. Функционально-семантические особенности предикативного компонента, выраженного словом-интенсификатором (*degree-word*).
19. Категориальный статус и функционально-семантические особенности частиц в современном английском языке.
20. Артикль как смыслообразующий оператор в английском языке.
21. Дейктическая функция артикля в английском языке.
22. Квазибессмысленные высказывания в английском языке.
23. Сравнительно-типологический анализ коллоквиальных конструкций в английском и русском языках на примере текстов пьес современных английских и русских драматургов.
24. Современный англоязычный политический дискурс (на примере языка английской и американской прессы).

25. Модели взаимодействия вертикального и горизонтального контекстов в произведениях А. Мёрдок.

26. Функционально-прагматическая категория категоричности в современном английском языке.

27. Сопоставительный анализ средств реализации понятийной категории имперсональности в английском и русском языках.

28. Безглагольные способы выражения побуждения в современном английском языке (структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты).

29. Прагматика безразличия: мотивационные основы категории и средства ее экспликации в современном английском языке.

30. Дискурсивные операторы сентенциональной природы в современном английском языке.

31. Когнитивно-прагматический потенциал сентенциональных наречий в современном английском языке.

32. Специфика семантики, синтактики и прагматики частеречного класса междометий в современном английском языке.

33. Молчание как значащее отсутствие речевого сигнала: его функционально-прагматические импликации.

34. Сопоставительный анализ речевых стратегий манипуляций общественным мнением в английском и русском политическом дискурсе.

35. Консуппозиции речевого конфликта.

36. Компьютерно-опосредованная коммуникация: проблема ее атрибуции к письменной или устной форме речи.

37. Смысловая рассогласованность, ее причины и способы преодоления в диалогической речи.

38. Диахронический анализ прагматики вежливости и способы ее реализации в английском языке.

39. Сопоставительный анализ концепта жизненного успеха у представителей русскоязычной и англоязычной культуры.

40. Неканонический тип когнитивной метафоры (*water is life*), специфика механизма ее осмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуализация предложения: В 2 т. — СПб., 1997.
2. *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. — М., 1971.
3. *Алферов А. В.* Дейксис de dicto: функциональный класс интеракционных индексалов // НДВШ. Филологические науки. — 2001. — № 2.
4. *Аринштейн В. М., Пиеницын С. Л.* The Syntactic and Communicative Division of a Sentence: Учеб. пособие по теоретической грамматике английского языка. — СПб., 1995.
5. *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Лингвистические проблемы референции. — М., 1982.
6. *Арутюнова Н. Д.* О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. — 1971. — № 6.
7. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56. — № 1.
8. *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М., 1993.
9. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М., 1974.
10. *Богданов В. В.* Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты // Прикладное языкознание: Учебник. — СПб., 1996.
11. *Богданов В. В.* Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание: Учебник. — СПб., 1996.
12. *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л., 1977.
13. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. — Тамбов, 2000.
14. *Бондарко А. В.* Синтаксическая семантика и речевой смысл // Проблемы синтаксической семантики: Материалы науч. конф. — М., 1976.
15. *Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. — Л., 1987.
16. *Бондарко А. В.* Грамматические категории и контекст. — Л., 1971.
17. *Бондарко А. В.* О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. — Л., 1973.
18. *Бондарко А. В.* Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. — М., 1974.
19. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
20. *Вейхман Г. А.* Новое в английской грамматике. — М., 1990.

21. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975.
22. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. — М., 1998.
23. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992.
24. *Гринбаум С., Уиткат Дж.* Словарь трудностей английского языка. — М., 1990.
25. *Гуревич В. В.* Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие. — М., 2001.
26. *Дегтярев В. И.* Основы общей грамматики. — Ростов н/Д., 1973.
27. *Есперсен О.* Философия грамматики. — М., 1958.
28. *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. — М.; Л., 1965.
29. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.
30. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. — Л., 1986.
31. *Кацнельсон С. Д.* Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации // Progress in Linguistics. — The Hague; Paris, 1970.
32. *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. — 1984. — № 4.
33. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
34. *Кобозева И. М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. ст. — М., 2000.
35. *Кобрина Н. А.* Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация: Сб. ст. — Л., 1989.
36. Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Ч. 1—2: Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26—30 мая 1998. — Тамбов, 1998.
37. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. — М., 1975.
38. *Крылова О. А., Ремчукова Е. Н.* Вариативность грамматических форм как источник текстовой экспрессии // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5.
39. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.
40. *Кузнецов П. С.* О принципах изучения грамматики. — М., 1961.
41. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
42. *Линский Л.* Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Лингвистические проблемы референции. — М., 1982.
43. *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке на современном этапе развития // Русский язык в школе. — 1948. — № 6.
44. *Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. — 1945. — № 1.
45. *Мещанинов И. И.* Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. — М., 1960.
46. *Мещанинов И. И.* Типологические сопоставления и типология систем // НДВШ. Филологические науки. — 1958. — № 3.

47. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — Л., 1954.
48. Москальская О. И. Грамматика текста. — М., 1981.
49. Мухин А. М. Вариантность синтаксических единиц. — СПб., 1995.
50. Никитин М. В. Знак. Значение. Язык. — СПб., 2001.
51. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996.
52. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб., 2003.
53. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М., 1988.
54. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. — М., 1978.
55. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985.
56. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. — М., 1986.
57. Общение. Текст. Высказывание. — М., 1989.
58. Падучева Е. В. Акцентный статус как фактор лексического значения // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2003. — Т. 62. — № 1.
59. Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960.
60. Почецов О. Г. Основы прагматического описания предложения. — Киев, 1986.
61. Рейман И. А. Английский артикль. Коммуникативная функция. — Л., 1988.
62. Реферовская Е. А. Лингвистическая концепция Гюстава Гийома // Вопросы языкознания. — 1967. — № 3.
63. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1967.
64. Семантические типы предикатов. — М., 1982.
65. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. — Саратов, 1985.
66. Скрелина Л. М. Грамматическая синонимия. — Л., 1987.
67. Скрелина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Ч. 1. — СПб., 1997.
68. Скрелина Л. М. Об одном направлении во французской лингвистике: Школа Гийома // НДВШ. Филологические науки. — 1971. — № 2.
69. Скрелина Л. М. Система языка и речевой деятельности: Методы исследования. — Л., 1981.
70. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. — 1984. — № 2.
71. Спорные вопросы английской грамматики. — Л., 1988.
72. Старикова Е. Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. — Киев, 1974.
73. Старикова Е. Н. Имплицитные аспекты предложения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. — М., 1988.
74. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. — М., 1998.
75. Структурный синтаксис английского языка. — Л., 1972.
76. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения: Учеб. пособие. — Калинин, 1980.
77. Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. — Рязань, 2002.

78. Трунова О. В. Природа и языковой статус категории модальности — Барнаул; Новосибирск, 1991.
79. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М., 1984.
80. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. — М., 1981.
81. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. — М., 1981.
82. Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. — М., 1997.
83. Худяков А. А. Семиозис простого предложения. — Архангельск, 2000.
84. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — М., 1982.
85. Чейф У. Л. Значение и структура языка. — М., 1975.
86. Шендельс Е. И. Грамматика текста и грамматика предложения // Иностранные языки в школе. — 1985. — № 4.
87. Штеллинг Д. А. Английский артикль и его роль в грамматике текста // Иностранные языки в школе. — 1978. — № 6.
88. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношения уровней // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5.
89. Biber D., Johansson S., Leech G. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. — L., 2000.
90. Close R. A. A Reference Grammar for Students of English. — М., 1983.
91. Collins Birmingham University International Language Database English Grammar / Ed. J. Sinclair. — L., 1993.
92. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. — N. Y., 1996.
93. Greenbaum S., Quirk R. A Student's Grammar of the English Language. — L., 1990.
94. Guillaume G. Foundations for a Science of Language. — Amsterdam; Philadelphia, 1984.
95. Gumperz J. J. Discourse Strategies. — Cambridge, 1982.
96. Hutson R. Word Grammar. — Oxford, 1984.
97. Iofic L. L., Chakhoyan L. P., Pospelova A. G. Readings in the Theory of English Grammar. — L., 1981.
98. Janda L. Cognitive Linguistics // <http://www.indiana.edu/~slavconf/SLING2k>.
99. Kempson R. Grammar and Conversational Principles // Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. 2: Linguistic Theory: Extensions and Implications / Ed. F. J. Newmeyer. — Cambridge, 1988.
100. Lakoff G. Irregularity in Syntax. — N. Y., 1970.
101. Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, or, Why Conservatives Have Left Liberals in the Dust // <http://www.wgcd.org/issues/Lakoff.html>.
102. Langacker R. W. An Overview of Cognitive Grammar // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. B. Rudzka-Ostyn. — Amsterdam; Philadelphia, 1988.
103. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. — Stanford, 1987.
104. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. — М., 1983.

105. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. — L.; N. Y., 1983.
106. *Quirk R., Greenbaum S., Leech J. et al.* A University Grammar of English. — M., 1982.
107. *Rodionov A. F.* Variants in Current English Grammar. — M., 1981.
108. *Searle J. R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. — Cambridge, 1970.
109. *Schiffrin D.* Discourse Markers. — Cambridge, 1987.
110. Speech Acts Theory and Pragmatics / Eds. J. R. Searle et al. — Dordrecht, 1980.
111. Subjectivity and Subjectivisation. Linguistic perspectives / Eds. D. Stein, S. Wright. — Cambridge, 1995.
112. *Ungerer F., Schmid H.-J.* Introduction to Cognitive Linguistics. — L.; N. Y., 1996.

Терминологические словари

1. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 3rd ed. — Oxford: Blackwell Paperback, 1991.
2. *Ducrot O., Todorov T.* Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language / Trans. by Catherine Porter. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972.
3. Encyclopedia of Rhetoric and Composition. — N. Y.: Garland Publishing, Inc., 1996.
4. Encyclopedia of Semiotics. — Oxford: Oxford University Press, 1998.
5. Glossary of Linguistic Terms / Gen. ed. E. E. Loos. — SIL International, 1997.
6. *Hartmann R. R. K., Stork F. C.* Dictionary of Language and Linguistics. — L.: Applied Science Publishers, 1972.
7. International Encyclopedia of Linguistics. — N. Y.: Oxford University Press, 1992.
8. *Nash R.* Multilingual Lexicon of Linguistics and Philology: English, Russian, German, French. — Coral Gables, FL: University of Miami Press, 1968.
9. *Palmatier R. A.* A Glossary for English Transformational Grammar. — N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1972.
10. *Richards J., Platt J., Weber H.* Longman Dictionary of Applied Linguistics. — L.: Longman, 1985.
11. The Encyclopedia of Language & Linguistics. — Oxford: Pergamon Press, 1994.
12. *Trask R. L.* A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics. — N. Y.: Routledge, 1993.

КАТАЛОГ WEB-РЕСУРСОВ ПО ЛИНГВИСТИКЕ И ГРАММАТИКЕ¹

<http://www.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/> — глоссарий, содержащий более 950 лингвистических терминов с перекрестными ссылками и списком источников (SIL International). Ред. E. E. Loos, S. Anderson, D. H. Day Jr., P. C. Jourdan, J. D. Wingate

http://www.sil.org/linguistics/glossary_fe/ — словарь лингвистических терминов на английском и французском языках Ред. Th. Bearth

<http://tristram.let.uu.nl/UiL-OTS/Lexicon/> — словарь лингвистических терминов (Утрехтский институт лингвистики, Утрехтский университет). Ред: J. Don, J. Kerstens, E. Ruys

<http://www.usingenglish.com/glossary.html> — словарь по практической грамматике английского языка

<http://home.bluemarble.net/~langmin/> — Language Miniature Collection: коллекция эссе (миниатюр) на лингвистические темы (включая грамматику). Автор W. Z. Shetter

http://dir.yahoo.com/Social_Science/linguistics_and_human_languages/ — ресурсы сети в области лингвистики и изучения языков

<http://www.uni-kassel.de/fb8/misc/lfb/html/text/0.html> — курс лингвистики для начинающих на английском языке

<http://www.cal.org/ericcll/faqs/RGOs/linguistics.html> — сайт Центра прикладной лингвистики (the ERIC Clearinghouse on Languages and Linguistics, the Center for Applied Linguistics). Предоставляет материалы для изучающих иностранные языки и теорию языка

<http://www.cal.org/ericcll/digest/cal00001.html> — дайджест общих вопросов лингвистики (ERIC/CLL)

<http://www.lingnet.org/> — LingNet BBS и другие ресурсы в области лингвистики/изучения языков (Defense Language Institute Foreign Language Center)

<http://www ldc.upenn.edu/> — Linguistic Data Consortium: лингвистический сайт университета Пенсильвании

<http://orlapubs.org/ORLAPUBS-L/L81.html> — электронные учебники по отдельным вопросам лингвистики и грамматики

<http://www.sciencedirect.com/science/referenceworks/0080430767> — международная энциклопедия по социальным наукам (International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences)

<http://www.psyc.leeds.ac.uk/research/metaphor/> — исследования по теории метафоры

¹ Указанные web-адреса сайтов действительны на момент публикации учебного пособия Составлен Т. А. Клепиковой.

ГЛОССАРИЙ¹

Агенс — см. *Агентив*.

Агентив (агенс) — *предикатный актант*, отражающий одушевленно-го *партиципанта/участника ситуации*, часто человека, сознательно и целенаправленно действующего в некоторой ситуации, как правило, оказывающего какое-либо воздействие на некоторый объект с интенцией достижения той или иной цели (см. лекцию 9).

Актант предикатный (падеж семантический, роль семантическая) — мыслительный коррелят предмета объективного мира (партиципанта ситуации), находящегося в некотором отношении с другими предметами. Вместе с реляционным/семантическим предикатом входит в состав пропозиции (см. лекции 8, 9).

Актант пропозициональный — мыслительный аналог ситуации объективного мира, входящий в структуру *пропозиции*, при этом *реляционный/семантический предикат* носит характер включающего (см. лекцию 8).

Актант семантический — элемент пропозициональной структуры предложения (вместе с *предикатом*, открывающим места для актантов); различают *предикатные актанты* (языковые корреляты *партиципантов ситуации*) и *пропозициональные актанты*, структура которых представляет собой *пропозицию*, являющуюся элементом другой пропозиции) (см. лекцию 8).

Актуальное членение предложения (перспектива предложения функциональная, членение предложения тема-рематическое) — см. *Членение предложения актуальное*.

Алломорфизм — явление, противоположное *изоморфизму*, определяется как взаимно неоднозначное соотношение между элементами разных структур: две структуры считаются алломорфными, если одному элементу первой структуры соответствует не один элемент другой структуры, и наоборот (см. лекции 4, 8).

Анафора — см. *Ретроспекция* (см. лекцию 14).

Асиндетическая связь — см. *Связь асиндетическая*.

Ассерция (компонент предложения ассертивный) — основная мысль, выражаемая в предложении; противопоставляется *пресуппозиции* (см. лек-

¹ Данный глоссарий содержит краткие дефиниции основных понятий настоящего курса; более подробный перечень терминов, снабженных ссылками на соответствующую лекцию курса, приводится в Терминологическом указателе. Перекрестные сноски оформлены курсивом. Количество примеров ограничено, более детальная иллюстрация понятия приводится в соответствующей лекции. Составлен совместно с Т. А. Клепиковой.

цию 12). Согласно мнению Г. Фреге, любое утвердительное предложение языка логически распадается на две части — ассертивную и пресуппозитивную.

Ассертивный компонент предложения — см. *Ассерция*

Атомарный факт (денотат предложения, ситуация элементарная, событие) — см. *Факт атомарный*.

Атрибуция — способ приписывания присущего вещи признака, при этом признак мыслится как присущий предмету постоянно, неизменно, как неотъемлемая характеристика предмета, которая не может быть от него отделена. Естественнo-языковым рефлексом логической атрибуции является атрибутивное словосочетание: *a green apple, a beautiful building, cold water*. Противопоставляется *предикации* (см. лекцию 5).

Базовая семантика предложения — см. *Семантика предложения базовая*.

Бенефактив (бенефициант) — предикатный актант, отражающий одушевленного *партиципанта/участника ситуации*, к чьей выгоде или в ущерб которому совершается некоторое действие, получатель или объект отчуждения каких-либо благ или ценностей. Различают внутренний и внешний бенефактив (см. лекцию 9).

Бенефициант — см. *Бенефактив*.

Валентность предиката — способность *предиката* «притягивать» к себе, или сочетаться, или открывать места/позиции на то или иное количество *предикатных актантов* с определенными ролевыми характеристиками (см. лекции 8, 9).

Вариантность — в отличие от *вариативности* акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта (см. лекцию 15).

Вариативность языковых единиц — изменчивость языковых единиц как в синхронном, так и в диахроническом плане, является характерной чертой любого естественного языка и выявляется на всех уровнях его функционирования (см. лекцию 15).

Вариология — вспомогательная научная дисциплина, изучающая феномен изменчивости (*варьирования*) самых разных объектов (см. лекцию 15).

Варьирование языковых единиц — изменчивость (*вариативность*) языковых единиц. Различают следующие виды варьирования: индивидуальное/групповое, сомационное/мутационное, изолированное/связанное (см. лекцию 15).

Вертикальный контекст — см. *Контекст вертикальный*.

Высказывание — *предложение*, актуализованное в речи (см. лекцию 17).

Выражение подоператорное — см. *Операнд*.

Выражение предикатное — языковой коррелят *пропозиции*. В частном случае может быть *предложением*, но также словосочетанием и отдельной лексемой (в этом случае лексема является *именем пропозитивной семантики*) (см. лекцию 8).

Гаплосемия — взаимнооднозначное соотношение между формой и значением аффикса. Например, форма множественного числа существительного образуется всегда с помощью одного и того же аффикса, причем данный аффикс имеет значение только множественного числа и не может передавать никакое другое значение (см. лекцию 3).

Гомеостаз — сохранение внутреннего равновесия, баланса, между частями живой системы, необходимое условие эволюции живых систем: изменения, возникнувшие в одной части системы, должны быть компенсированы, уравновешены, сбалансированы, изменениями в другой части системы или в других ее частях (см. лекцию 15).

Горизонтальный контекст — см. *Контекст горизонтальный*.

Грамматика — согласно сложившейся лингвистической традиции данный термин используется для обозначения: а) грамматического строя языка; б) отрасли языкознания, изучающей этот строй; в) учебника, содержащего сведения об этом строе. Различают следующие виды грамматического описания языка: описательные (дескриптивные), объяснительные (экспланаторные), синхронные, диахронические (исторические) грамматики. Разделы грамматики: *морфология, синтаксис, грамматика текста* (см. лекцию 1).

Грамматика текста — раздел *грамматики*, занимающийся анализом таких проблем, как способы связи между *предложениями*, закономерности структурирования предложения в зависимости от его лингвистического окружения, типология текста и др. (см. лекции 1, 14).

Грамматическая категория — см. *Категория грамматическая*.

Грамматическая норма — см. *Норма грамматическая*.

Грамматический способ — см. *Способ грамматический*.

Грамматическое значение — см. *Значение грамматическое*.

Дейксис — в современной лингвистической интерпретации термин «дейксис» используется для обозначения указания на говорящего — автора речевого акта; различают *дискурсивный, темпорально-локальный* и *эмоциональный дейксис* (см. лекцию 16).

Дейксис дискурсивный — один из типов *дейксиса*, устанавливает правила употребления *дейктиков* в зависимости от вербального контекста связной речи, устной или письменной. Например, констатируется, что для введения *катафоры/проспекции* может использоваться только *this*, а не *that*: *What I really meant to say, is this... There* имеет в *дискурсе* скорее анафорическую функцию, *here* — скорее катафорическую (см. лекцию 16).

Дейксис темпорально-локальный — является основным типом *дейксиса*, устанавливающим корреляции между местом и временем произнесения высказывания и формой *дейктика* (см. лекцию 16).

Дейксис эмоциональный — один из типов *дейксиса*, объясняет использование тех или иных *дейктиков* как результат аффекта говорящего или его негативного отношения к сообщаемому (см. лекцию 16).

Дейктик — языковое средство выражения *дейксиса*. Дейктики деляют на две большие группы: 1) ядерные, центральные, представители класса, репрезентирующие дейксис в «чистом» виде (личные местоимения первого и второго лица *I/we, you*, наречия места и времени *here, now, there, then*, а также указательные местоимения *this/these, that/those*); 2) периферийные члены класса, чья дейктическая природа выявляется только в результате научной рефлексии (глаголы *to come, to go, to bring, to fetch, to take*; прилагательные типа *far, faraway, near, nearby, left, right, front, back, opposite, remote, close* и др.; наречия и наречные словосочетания типа *today, tonight, tomorrow*; некоторые предлоги и предложные сочетания типа *across, beyond, over, in front of, behind* и т. п.) (см. лекцию 16).

Денотат предложения — см. *Факт атомарный*.

Диктальная/диктумная часть высказывания — см. *Диктум*.

Диктум (диктальная/диктумная часть высказывания) — составная часть развернутого высказывания, обозначение объективного положения дел, ситуации действительности. Диктум является «сердцевиной» высказывания, его константой, сохраняющейся при его варьировании в плане коммуникативной целеустановки, темпоральности, отрицания и т.п. Противопоставляется *модусу* (см. лекции 5, 10).

Директив — речевой акт приказания (см. лекцию 12).

Дискурс — понятие, перекликающееся с понятием *текст*, но не тождественное ему. В отличие от текста дискурс не сводится только к письменной форме речи, спонтанен, а значит, не идеален с точки зрения формы, структурно рыхл, стилистически шероховат. Дискурс есть вербальная реакция человека на ситуацию общения; он есть речь, «погруженная в жизнь», вид деятельности человека наряду с другими видами деятельности. Обладает рядом отличительных формальных признаков, например наличием так называемой *дискурсивной лексики* (см. лекцию 14).

Дискурсивная лексика — см. *Лексика дискурсивная*.

Дискурсивные маркеры — см. *Маркеры дискурсивные*.

Дискурсивный дейксис — см. *Дейксис дискурсивный*.

Дискурсивный оператор — см. *Лексика дискурсивная*.

Единство сверхфразовое (сложное синтаксическое целое) — основная единица *текста*, внутритекстовый блок, представляющий собой цепочки предложений, характеризующиеся относительной структурной и смысловой завершенностью (см. лекцию 14).

Значение грамматическое — содержательная сущность, объединяющая группы слов и типы предложений на основе реализации ими неких обобщенных семантических параметров, таких, как «предметность», «действие», «акциональность», «статальность» и т.п. (см. лекцию 2).

Значение языковое — концепт, связанный, «схваченный» знаком (см. лекции 2, 12).

Идиоэтничность — специфичность некоторого языкового явления для отдельного языка (см. лекции 2, 6).

Изоморфизм — две структуры считаются изоморфными, если одному элементу первой структуры соответствует один элемент второй структуры, и наоборот; в частном случае изоморфизм есть взаимно однозначное соотношение между *пропозицией* и коррелятивной ей ситуацией, между количеством *партиципантов/участников ситуации* и количеством *пропозициональных актантов* — в противоположность *алломорфизму* (см. лекции 4, 8).

Изотопия текста (когезия лексическая, сетка текста тематическая) — средство внутритекстовой *когезии*, предполагает в качестве средства связи использование лексических единиц, «обслуживающих» одну и ту же предметную область. Так, если в текстовом фрагменте присутствуют такие слова, как *books, librarians, to read, reading halls, shelves, journals*, то ясно, что описывается ситуация, относящаяся к библиотеке или читальному залу (см. лекцию 14).

Иллокутивная сила высказывания — см. *Иллокуция*.

Иллокуция (сила высказывания иллокутивная) — коммуникативное намерение говорящего; иллокутивные силы составляют классификаци-

онную базу речевых актов: угрозы, обещания, проклятия, приказы, просьбы, запреты, разрешения, поздравления, соболезнования и т. п. (см. лекцию 12).

Имя пропозитивной семантики (имя событийное) — существительные, денотатами которых являются события с временными границами, а не объекты с пространственными границами, в чем данные существительные сродни глаголам (например, лексемы *revolution, smile, attack, war, applause, departure*) (см. лекцию 8).

Имя событийное — см. *Имя пропозитивной семантики*.

Инструменталис — см. *Инструментатив*.

Инструментатив (инструменталис) — *предикатный актант*, отражающий неодоушевленного *партиципанта/участника ситуации*, с помощью которого производится некоторое действие или оказывается некоторое воздействие (см. лекцию 9).

Катафора — см. *Проспекция*.

Категориальная модель предложения — см. *Модель предложения категориальная*.

Категоризация — 1) таксономические преобразования, происходящие с *концептами*: концепты не находятся в состоянии хаоса — благодаря классифицирующему началу в деятельности человеческого разума они упорядочиваются, систематизируются, выстраиваются в иерархии, группируются в типы и подтипы, совмещаются и дифференцируются на основе индивидуальных признаков и т. д.; 2) процесс приобретения единицей признаков класса. Различают классический, неклассический (альтернативный) и прототипический способы категоризации (см. лекции 2, 13).

Категоризация прототипическая — см. *Теория прототипа*.

Категория грамматическая — в широкой трактовке термин «грамматическая категория» употребляется применительно к любому классификационному объекту грамматики, например «категория имени», «категория глагола», «категория предложения», «категория текста» и т. д. В более привычной, узкой трактовке грамматическая категория понимается как обозначение конкретных содержательных параметров *морфологии* и *синтаксиса*. В этом смысле говорят о грамматических категориях рода, числа, падежа, вида, наклонения и т. д. Грамматические категории делятся на именные и глагольные, общие и частные, словоизменительные и классификационные, открытые и скрытые, морфологические и синтаксические (см. лекции 2, 5).

Категория понятийная — релевантная для языка ментальная категория, ориентированная, с одной стороны, на логико-психологическую категорию, а с другой — на *грамматическую/семантическую категорию* языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, понятийные категории, в свою очередь, являются основой грамматических/семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом (см. лекцию 4).

Каузатив — языковое средство (например, каузативный глагол, специализированный в функции каузации союз, предлог и т. п.), отражающее в свернутом виде *каузативную ситуацию*, т. е. ситуацию/состояние каузации — причинно-следственную связь событий или состояний, вне-

шнюю/внутреннюю силу, оказывающую воздействие на предметы, вызывающую изменение их состояния (см. лекцию 10).

Каузативная ситуация — см. *Ситуация каузативная*.

Каузативный функтор — см. *Функтор каузативный*.

Квантор — в семантическом синтаксисе — языковые единицы, действующие подобно *операторам* на весь *операнд*, не изменяя его структурно-семантическую конфигурацию, а лишь модифицируя его, переводя в определенный план. Различают *квантор всеобщности* и *квантор существования* (см. лекцию 10).

Квантор всеобщности — выявляется в логико-семантической структуре тогда, когда некий признак приписывается всем объектам класса, но в отличие от *квантора существования* иногда появляется в поверхностной структуре предложения (см. лекцию 10).

Квантор существования — практически никогда не выражается словесно, хотя логически предшествует любому словесному утверждению. Так, утверждение *John is very intelligent* в логико-семантическом плане предваряется квантором существования *John exists* (см. лекцию 10).

Классификация языков (типология языков) — языки мира могут классифицироваться по трем признакам: 1) по происхождению (генетическая классификация); 2) по внутривидовому устройству (структурно-типологическая классификация, морфологическая классификация или типология) (см. *Типология языков морфологическая*); 3) по синтаксическому принципу (см. *Типология языков синтаксическая*) (см. лекцию 3).

Когезия — формально-лингвистические средства внутритекстовых связей (см. лекцию 14).

Когезия лексическая — см. *Изотопия текста*.

Когерентность — содержательные средства связи текста, параметры, характеризующие его как единицу высшего уровня. К данным параметрам относятся интенциональность, акцептабельность, информативность, ситуационность, интертекстуальность (см. лекцию 14).

Коллоквиалистика — теория разговорной речи (см. лекцию 7).

Компонент предложения ассертивный — см. *Ассерция*.

Компонент предложения пресуппозитивный — см. *Пресуппозиция*.

Констатив — высказывание, описывающее некий фрагмент, событие, ситуацию внеязыкового мира, или, иными словами, констатирующее некое положение дел в мире (отсюда название — констатив), противопоставляется *перформативу* (см. лекцию 12).

Консуппозиция — родовое, гиперонимическое понятие для *пресуппозиции* и *постсуппозиции*, которые соответственно являются видовыми, гипонимическими, понятиями. Существует и иное понимание консуппозиции, а именно нечто вроде ассоциативного ряда высказывания (см. лекцию 12).

Контекст вертикальный — контекст, который описывает ситуацию или ситуации, предшествующие или одновременные с той, которая задана в инициальном предложении контекста; время в таком контексте как бы замирает или приобретает регрессивные свойства (см. лекцию 14).

Контекст горизонтальный — контекст, описывающий серию событий, непосредственно сменяющих друг друга в рамках динамично развивающейся во времени ситуации (см. лекцию 14).

Концепт — любой дискретный содержательный элемент сознания; операционная сущность, при активации и манипулировании которой осуществляется мышление. Будучи вовлеченными в речемыслительный процесс, концепты становятся *мыслительными референтами*. При этом следует отметить разницу между мыслительным референтом и просто референтом (см. лекции 4, 13).

Концептуализация — процесс формирования *концептов* в мозге человека в результате его чувственного (визуального, аудитивного, тактильного и т. п.) контакта с миром (см. лекцию 13).

Конъюнкция — средство внутритекстовой *когезии*, использование разного рода соединительных элементов между предложениями: союзов (*I was terribly angry. And Ann was too*), наречий (*firstly, secondly, lastly*) и синтаксических образований типа *I mean* (см. лекцию 14).

Лексика дискурсивная (маркеры дискурсивные, оператор дискурсивный) — вербальные элементы *дискурса*, адекватная интерпретация которых невозможна в изоляции, а возможна лишь при условии включенности их в структуру речи. К дискурсивной лексике грамматисты относят междометия (*oh, aha*), образования синтаксического типа (*you know, you see*), частицы (*even, only*) и некоторые другие (см. лекцию 14).

Лексическая когезия — см. *Изотопия текста*.

Локатив — *предикатный актант*, отражающий место возникновения/развертывания/совершения/бытия ситуации (см. лекцию 9).

Локуция — сам акт речевого продуцирования высказывания, само речевое действие, совершаемое говорящим как автором и творцом высказывания (см. лекцию 12).

Маркеры дискурсивные — см. *Лексика дискурсивная*.

Модальная рамка высказывания — см. *Модус*.

Модальность — *грамматическая категория*, в трактовке которой различают широкий и узкий подходы. В рамках широкого подхода модальность трактуется как категория *предложения*, выражающая отношение его содержания к действительности с точки зрения говорящего и включающая такие аспекты высказывания, как его эмотивность/экспрессивность, коммуникативная целеустановка, отрицание, оценочность, время. Узкое понимание модальности базируется на ее истолковании в логике как характеристики одной из основных логических форм — суждения. Различают *модальности объективного типа*: алетическую (внутри которой выделяют ассерторическую и аподиктическую) и деонтическую и *модальности субъективного типа*: эпистемическую и аксиологическую (см. лекцию 5).

Модальность объективная — способность *предложения* определять степень присущности признака тому, о чем идет речь в предложении, и посредством этого устанавливать связь между содержанием предложения и внеязыковой действительностью (см. лекцию 5).

Модальность субъективная — если *объективная модальность* есть степень присущности признака предмету, то субъективная модальность является степенью познанности говорящим степени присущности признака предмету (см. лекцию 5).

Модель предложения функциональная — опирается на понятие члена предложения и описывается в терминах «субъект», «предикат», «объект» и т. д. (см. лекцию 6).

Модель предложения категориальная — в отличие от функциональной модели предложения отражает частеречную природу слов, входящих в состав предложения, и описывается в терминах «существительное», «глагол», «прилагательное» и т. д. Категориальная модель предложения *John took a book* будет выглядеть следующим образом: *N1-V-Art-N2* (см. лекцию 6).

Модус (рамка высказывания модальная) — составная часть высказывания, способ «привязки» описания объективного положения дел — *диктума* — к ситуации общения; средство репрезентации *модальности* в структуре предложения. К числу модусов относятся формы наклонения глагола, модальные и модализованные глаголы, модальные слова, а также интонация. Модусы принято делить на две группы — модусы *de re* (лат. «о вещи»), с помощью которых реализуется *модальность объективная*, и модусы *de dicto* (лат. «о сказанном»), с помощью которых реализуется *модальность субъективная* — эпистемическая (см. *Функтор модусный*; лекции 5, 10).

Модусный функтор — см. *Функтор модусный*.

Морфологическая классификация языков — см. *Типология языков морфологическая*.

Морфологическая типология языков — см. *Типология языков морфологическая*.

Морфологическая структура слова — см. *Структура слова морфологическая*.

Морфология — раздел науки о языке, изучающий, с одной стороны, словообразование, а с другой — словоизменение. Объектом морфологии как науки о словообразовании является морфологическая структура слова, описываемая в таких терминах, как «корень», «префикс», «флексия» и т. д. Объектом морфологии как науки о словоизменении является парадигматика слова, т. е. закономерности изменений его формы по имеющимся у него как у части речи словоизменительным категориям, например по категории числа у существительных (*table—tables*), по категории времени у глаголов (*walk—walked*), по категории падежа у некоторых классов местоимений (*he—him*) и т. д. (см. лекцию 1).

Мыслительный референт — см. *Референт мыслительный*.

Нейтрализация оппозиции — в случае нейтрализации *оппозиция* исчезает, ее члены перестают быть противопоставлены друг другу; происходит в определенных контекстных условиях, т. е. в речи (см. лекцию 2).

Непредикатный функтор — см. *Функтор непредикатный*.

Нефактивность пропозиции — представленность *пропозиции* как не-факта, т. е. такого положения дел, которое могло бы иметь место в действительности, но на самом деле его существование проблематично (ср. *Фактивность пропозиции*; см. лекцию 10).

Норма грамматическая — свод правил, которыми надлежит руководствоваться в речевой деятельности, которым специально и целенаправленно обучают и нарушения которых рассматривается как отклонение от общепринятого стандарта, а потому порицается и обычно корректируется (см. лекцию 1).

Область действия оператора — см. *Операнд*.

Область-источник — структурный элемент когнитивной метафоры, понятие, раскрывающее основное содержание, главную характеристи-

ку, ключевое свойство *области-цели*. Между областью-целью и областью-источником устанавливаются отношения тождества. Примером могут служить такие метафорические выражения, как *Life is a long journey; Competition is war; Marriage is a deal; Exam is no cake work; Information is influence; Knowledge is power* и т.д. (выделены лексемы, обозначающие область-источник) (см. лекцию 13).

Область целевая — см. *Область-цель*.

Область-цель (область целевая) — структурный элемент когнитивной метафоры, понятие, подлежащее обозначению. Между областью-целью и *областью-источником* устанавливаются отношения тождества. Основное содержание, главная характеристика, ключевое свойство области-цели раскрываются в источниковой области, представляющей собой нечто более конкретное, а потому простое и наглядное, нежели цель. Примером могут служить такие метафорические выражения, как *Life is a long journey; Competition is war; Marriage is a deal; Exam is no cake work; Information is influence; Knowledge is power* и т.д. (выделены лексемы, обозначающие область-цель) (см. лекцию 13).

Объект — см. *Объектив*.

Объектив (объект) — *предикатный актант*, отражающий неодушевленного *партиципанта/участника ситуации*. Это наиболее «размытый» семантический падеж, часто характеризуемый скорее отрицательно, чем положительно: под объективом многие специалисты склонны усматривать все те случаи выражения неодушевленных *партиципантов/участников ситуации*, что не описываются в терминах семантических падежей с более узким и определенным диапазоном значений (см. лекцию 9).

Объективная модальность — см. *Модальность объективная*.

Окказиональный смысл высказывания — см. *Смысл высказывания окказиональный*.

Ономасиологический подход — см. *Ономасиология*.

Ономасиология (подход ономасиологический) — подход к изучению единиц языка от содержания к форме (в отличие от *семасиологии*) (см. лекцию 4).

Операнд (выражение подооператорное, область действия оператора) — выражение, на которое распространяется действие *оператора* (см. лекцию 10).

Оператор — элемент семантической структуры, распространяющий свое действие на уже созданные *пропозиции*, которые могут представлять собой и независимые предикатно-аргументные структуры, и предикатно-аргументные структуры, осложненные включающими *непредикатными функторами*. Иными словами, оператор ведет себя по отношению к *непредикатным функторам* так же, как *непредикатный функтор* ведет себя по отношению к *реляционному/семантическому предикату*, т.е. оператор является включающим предикатом, а *непредикатный функтор* — включенным. Различают следующие виды операторов:

оператор дизъюнкции — бивалентный коннектор, соединяющий семантически альтернативные *пропозиции*. Дизъюнкция бывает двух видов: взаимоисключающая и не взаимоисключающая;

оператор импликации — бивалентный (двухместный) предикат, соединяющий *пропозицию-антецедент* и *пропозицию-консеквент* в кау-

зативной конструкции. Оператор импликации может в частном случае совпадать с *каузативными факторами*, но не со всеми из них, а лишь с теми, которые используются в качестве коннекторов, т.е. элементов, соединяющих *пропозиции*;

оператор конъюнкции — бивалентный коннектор, соединяющий либо *пропозиции* (и тогда говорят о пропозициональной конъюнкции), либо *пропозициональные актанты* (и тогда говорят о термовой конъюнкции);

оператор отрицания — моновалентный модификатор, переводящий операнд в отрицательный план, превращающий его из позитивного в негативный, не меняя при этом ничего в структурно-семантической организации *пропозиции* — количество и номенклатура актантов, тип *реляционного/семантического предиката*, свойства *непредикатных факторов* остаются без изменений. На языковом уровне оператор отрицания выражается всеми способами, предусмотренными грамматикой данного языка;

оператор эквивалентности — бивалентный коннектор, устанавливающий семантическое равенство двух или более *пропозиций* и, как следствие, эквивалентность их языковых коррелятов — предикатных выражений. На языковом уровне он обычно эксплицируется в виде предложений *Это все равно что..., Это равносильно тому, что..., Это равноценно тому, что..., Это значит, что..., Это эквивалентно...* (см. лекцию 10).

Оператор дискурсивный — см. *Лексика дискурсивная*.

Оператор смыслопорождающий — языковое средство, призванное кодировать (декодировать) *узальный смысл высказывания*. Для английского языка выделяют лексические, морфологические, синтагматические, артиклевые смыслопорождающие операторы (см. лекцию 17).

Оппозиция — определенного типа формальное противопоставление, в рамках которого реализуется *грамматическая категория*. Оппозиции различаются по количественному признаку (бинарные, тринарные и многочленные) и качественному признаку (эквивалентные, привативные и градуальные) (см. лекцию 2).

Ориентир — понятие в когнитивной грамматике, соответствующее термину «фон» согласно принципу фигурно-фонового восприятия и отражающее относительно большой по размеру и относительно статичный объект, который служит своеобразной системой координат для *траектора* (см. лекцию 13).

Падеж семантический — см. *Актант предикатный*.

Парадигматика слова — закономерности изменений формы слова по имеющимся у него как у части речи словоизменятельным категориям, например по категории числа у существительных (*table—tables*), по категории времени у глаголов (*walk—walked*), по категории падежа у некоторых классов местоимений (*he—him*) и т.д. (см. лекцию 1).

Парадигматически восполняемый эллипсис — см. *Эллипсис парадигматически восполняемый*.

Партитив — *предикатный актант*, отражающий в качестве *партципанта/участника ситуации* часть тела человека (см. лекцию 9).

Партципант ситуации (участник ситуации) — внеязыковой (онтологический) коррелят некоторого *предикатного актанта* (см. лекции 9, 10).

Пациенс — см. *Пациентив*.

Пациентив (пациенс) — *предикатный актант*, отражающий одушевленного *партиципанта/участника ситуации*, испытывающего чье-либо действие или воздействие, пассивный объект влияния с чьей-либо стороны (см. лекцию 9).

Перлокутивный эффект высказывания — см. *Перлокуция*.

Перлокуция (эффект высказывания перлокутивный) — поведенческая реакция адресата речи, на которую рассчитан речевой акт. Перлокутивным эффектом просьбы или приказа может стать действие или совокупность действий, направленных на их выполнение; перлокутивным эффектом запрета — отказ адресата речи от выполнения определенных действий; перлокутивным эффектом поздравления или похвалы — проявление положительных эмоций или большее усердие и энтузиазм в выполнении работы, за которую хвалят (см. лекцию 12).

Перспектива предложения функциональная — см. *Членение предложения актуальное*.

Перспективизация высказывания (фокусировка сообщения) — отражение в структуре высказывания так называемого фактора наблюдателя, при этом одно и то же положение дел можно описать с разных точек зрения. Говорящий может мысленно отождествить себя с неким наблюдателем, виртуально помещаемым им в определенную точку пространства описываемой ситуации, и «видеть» ситуацию уже глазами наблюдателя, задавая соответствующую перспективизацию, или фокусировку сообщения (см. лекцию 13).

Перформатив — высказывание, не обозначающее ничего лежащего за пределами языка, а являющееся действием, актом, поступком чисто речевого характера; противопоставляется *констативу* (см. лекцию 12).

Подоператорное выражение — см. *Операнд*.

Подход ономаσιологический — см. *Ономаσιология*.

Подход семасиологический — см. *Семасиология*.

Понятийная категория — см. *Категория понятийная*.

Постсуппозиция — значимое для коммуникантов следствие некоторого речевого действия, значимый шлейф следствий речевого акта, своеобразный след, отпечаток речевого акта, который он оставляет в сознании коммуникантов. В итоге постсуппозиции могут формировать некое выводное знание или мнение, складывающееся у коммуникантов постфактум, т.е. как результат обработки информации, полученной в ходе речевого взаимодействия. *Пресуппозиции* и *постсуппозиции*, таким образом, как бы обрамляют речевой акт, служат для него «естественной» средой обитания, которая делает его уместным, социально приемлемым и прагматически релевантным, являются гипонимическими терминами для *консуппозиции* (см. лекцию 12).

Прагматика знака — одно из ключевых понятий семиотики, означающее отношения между знаком и пользователем знака (см. лекцию 12).

Предикат — элемент пропозициональной структуры, связывающий актанты и определяющий их количество и номенклатуру (см. лекцию 9).

Предикат авалентный (0-местный) — *реляционный предикат*, индуцирующий (способный притягивать) 0 актантов, не открывает мест на какие-либо актанты, т.е. отражает онтологические ситуации без *партиципантов* (см. лекцию 9).

Предикат бивалентный (двухместный) — *реляционный предикат*, индуцирующий (способный притягивать) 2 актанта (см. лекцию 9).

Предикат включающий — см. *Функтор непредикатный*.

Предикат включенный — см. *Функтор предикатный*.

Предикат моновалентный (одноместный) — *реляционный предикат*, индуцирующий (способный притягивать) 1 актанта (см. лекцию 9).

Предикат поливалентный (многоместный) — *реляционный предикат*, индуцирующий (способный притягивать) 3 и более актанта (см. лекцию 9).

Предикат пропозициональной установки — *включающий предикат*, способный маркировать вводимую им *пропозицию* (*диктальную/диктумную часть высказывания*) как фактивную или нефактивную (см. также *Нефактивность пропозиции; Фактивность пропозиции*; лекцию 10).

Предикат реляционный — см. *Предикат семантический*.

Предикат семантический (предикат реляционный) — данный тип *предиката* в семантическом синтаксисе рассматривается как 1) мыслительный коррелят реальных отношений действительности; 2) способ связывания *семантических актанта* в пропозициональную структуру. Вместе с семантическими актантами входит в состав *пропозиции* (см. лекции 4, 8, 10).

Предикативность — соответствие содержания *предложения* обозначающей им внеязыковой действительности; способность предложения называть признак (в широком смысле этого слова) того, о чем в предложении идет речь. Свидетельством предикативности предложения является наличие в предложении *предиката*. Предложение языка реализует базовую модель суждения *S есть P*. *P* как предикат суждения появляется в результате мыслительной операции *предикации* и обеспечивает наличие в предложении предикативности (см. лекции 5, 6).

Предикатное выражение — см. *Выражение предикатное*.

Предикатный актанта — см. *Актанта предикатный*.

Предикатный функтор — см. *Функтор предикатный*.

Предикация (предицирование) — способ приписывания признака предмету, предполагающий рассмотрение признака как отдельного или отделимого от предмета, внутренне ему не присущего, такого, который носит временный и изменчивый характер. В таком случае речь о единстве предмета и признака не идет, предмет и признак мыслятся отдельно (ср. *атрибуция*). Для того чтобы признак мыслился как присущий предмету, нужно совершить мыслительную операцию приписывания признака предмету, или, говоря по-иному, предицирования признака предмету. Естественно-языковым рефлексом логической предикации является *предложение*. Например, *The apple is green; The building is beautiful; The water is cold*. Предикация есть механизм реализации *предикативности*. Предикация осуществляется глаголом, который в силу наличия у него *грамматических категорий* наклонения, времени и лица способен приписывать подлежащему предложения обозначаемый им признак как соответствующий/не соответствующий действительности, относящийся к сфере прошлого, настоящего или будущего и приложимый к участникам коммуникативного акта или лицам, предметам, не являющимся участниками коммуникации (см. лекции 5, 6).

Предсцирование — см. *Предикация*.

Предложение — языковой знак, *денотатом* которого является внеязыковая ситуация. С десигнаторной точки зрения предложение является более сложным образованием, чем слово, поскольку способно включать в свой состав слова. Является единицей *синтаксиса* (наряду со словосочетанием). Существуют несколько типов определений предложения, основные из которых следующие (см. лекции 6, 8):

- грамматическое определение — предложение есть сегмент устной или письменной речи, обладающий признаками *модальности* и *предикативности*;

- логическое определение — предложение есть суждение, выраженное словами;

- психологическое определение — предложение есть совокупность индивидуальных представлений говорящего, выраженных в языковой форме;

- фонетическое определение — предложение есть сегмент речи, обладающий интонационной завершенностью и отделенный от других сегментов речи паузами;

- графическое определение — предложение есть последовательность слов, ограниченная на письме двумя точками.

Предложение простое — определяется как такое, которое содержит в себе один предикативный центр, одну *предикацию* (см. лекцию 6).

Предложение сложное — определяется как такое, которое содержит более чем один предикативный центр, выражает более чем одну *предикацию* (см. лекцию 6).

Пресуппозитивный компонент предложения — см. *Пресуппозиция*.

Пресуппозиция (компонент предложения пресуппозитивный) — условие, которое делает выражение основной мысли предложения (*ассерции*) возможным/актуальным (см. лекцию 12).

Прецедентный текст — см. *Текст прецедентный*.

Принцип фигурно-фонового восприятия (теория фигурно-фонового восприятия) — согласно этому принципу объект воспринимается на фоне другого объекта, причем первый объект является фигурой (*figure*), а второй — фоном (*ground*). Фигура, во-первых, меньше фона по размеру, а во-вторых, как правило, более динамична, чем относительно статичный фон. Теория фигурно-фонового отражения получила развитие в виде использования понятий *траектора* (*trajectory*) и *ориентира* (*landmark*) (см. лекцию 13).

Промиссив — речевой акт обещания (см. лекцию 12).

Прономинализация — наиболее яркий и частотный пример субституции как средства внутритекстовой *когезии*, использование местоимений вместо имен существительных, например *Jack could neither read nor write. He was illiterate* (см. лекцию 14).

Пропозициональный актант — см. *Актант пропозициональный*.

Пропозиция — типизированное мыслительное отражение онтологической ситуации, ее ментальный коррелят (см. лекции 4, 8).

Проспективная референция — см. *Референция проспективная*.

Проспекция (катафора, референция проспективная) — лингвистические средства отсылки к последующему контексту (см. лекцию 14).

Прототип — типичный представитель некоторой категории (см. лекцию 13).

Прототипическая категоризация — см. *Теория прототипа*.

Прототипическая теория — см. *Теория прототипа*.

Прохибитив — речевой акт запрета (см. лекцию 12).

Псевдопредложение — наименование синтаксических образований клишированного типа, воспроизводимых в речи в виде готовых формул, типа *Вот те на; Вот так-то; Ну и ну; Вот те раз; Так-то вот; So that's that; Here we go* (см. лекцию 6).

Рамка высказывания модальная — см. *Модус*.

Результатив — см. *Фактитив*.

Реквестив — речевой акт просьбы (см. лекцию 12).

Реляционный предикат — см. *Предикат семантический*.

Ретроспекция (анафора, референция ретроспективная) — лингвистические средства отсылки к предшествующему контексту (см. лекцию 14).

Референт — «актуализованный» денотат, материальный (онтологический) объект мысли в конкретном речевом акте, сущность, вовлекаемая в структуру лингвистического знака не на уровне языковой статики, а на уровне речевой динамики. Отношения между денотатом и референтом схожи с отношениями между *концептом* и *мыслительным референтом* (см. лекцию 4).

Референт мыслительный — ментальная единица, посредством которой *референция*, как отношение актуализируется в конкретном речевом акте. Если виртуальное имя коррелирует с виртуальным понятием-концептом, то актуализованное, включенное в речь имя коррелирует с мыслительным референтом. *Концепт* с этой точки зрения рассматривается как сущность статическая, а мыслительный референт — как динамическая (см. лекцию 4).

Референция₁ — общеязыковое понятие, характеризующее отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения к объектам действительности (см. лекцию 4).

Референция₂ — термин теории *текста*, обозначающий лингвистические средства отсылки либо к предшествующему контексту (*ретроспекция*), либо к последующему (*проспекция*) (см. лекцию 14).

Референция проспективная — см. *Проспекция*.

Референция ретроспективная — см. *Ретроспекция*.

Роль семантическая — см. *Актант предикатный*.

Сверхфразовое единство — см. *Единство сверхфразовое*.

Связность текста — основное свойство *текста*, понимаемое как логико-содержательная и формальная структурированность текста, обуславливающая невозможность перестановки его компонентов в ином порядке или включение в него каких-либо «иных» фрагментов. Различают формальную (*когезия*) и содержательную (*когерентность*) связность текста (см. лекцию 14).

Связь асиндетическая — бессоюзная связь частей сложного предложения (см. лекцию 6).

Связь синдетическая — союзная связь (при помощи союзов) частей сложного предложения (см. лекцию 6).

Семантика знака — одно из основных понятий семиотики, означающее отношения между знаком и обозначаемым им объектом (см. лекцию 12).

Семантика предложения базовая — десигнатная часть предложения как сложного словесного знака, посредством которой он соотнесен с обозначаемым им фрагментом действительности, с определенной ситуацией, некоторым положением дел; складывается как интеграл трех содержательных компонентов предложения: лексической семантики (значений слов, из которых состоит предложение), комбинаторной семантики (сочетаемостных значений, выводимых из взаимодействия лексических единиц, составляющих предложение) и структурной семантики (значения структурного типа предложения). С некоторыми оговорками можно приравнять базовую семантику предложения к его пропозициональному значению (см. лекцию 17).

Семантический актант — см. *Актант семантический*.

Семантический предикат — см. *Предикат семантический*.

Семасиологический подход — см. *Семасиология*.

Семасиология (подход семасиологический) — подход к изучению языковых единиц «от формы к содержанию» (в отличие от *ономасиологии*) (см. лекцию 4).

Сетка текста тематическая — см. *Изотопия текста*.

Сила высказывания иллокутивная — см. *Иллокуция*.

Синдетическая связь — см. *Связь синдетическая*.

Синтагматически восполняемый эллипсис — см. *Эллипсис синтагматически восполняемый*.

Синтаксис — раздел грамматики, изучающий, во-первых, теорию словосочетания, во-вторых, теорию предложения. Как теория словосочетания синтаксис рассматривает такие вопросы, как природа компонентов словосочетания, типы синтаксических связей, типы словосочетаний и др. В качестве теории предложения синтаксис представляет собой учение о структурных и коммуникативных типах предложения, способах связи между компонентами сложного предложения, типах придаточных предложений в рамках сложноподчиненных и др. (см. лекцию 1).

Синтаксическая типология языков — см. *Типология языков синтаксическая*.

Синтактика знака — одно из ключевых понятий семиотики, означающее отношения между знаками (см. лекцию 12).

Синтетосемия — взаимно-многозначное соотношение между аффиксом и выражаемым им значением: один и тот же аффикс способен синкретично передавать несколько грамматических значений, одно и то же грамматическое значение способно выражаться разными аффиксами (см. лекцию 3).

Ситуация каузативная — ситуация каузации (причинно-следственная ситуация), выраженная каузативными функциями — специализированными в данной функции союзами, а также некоторыми предлогами: *because, since, for, as, with* и др. Каузативная ситуация имеет трехчленную природу: событие-антецедент, каузатив; событие-консеквент (см. лекцию 10).

Ситуация элементарная — см. *Факт атомарный*.

Сложное синтаксическое целое — см. *Единство сверхфразовое*.

Смысл высказывания — информация, соответствующая замыслу речи, который формируется в сознании ее отправителя, и предназначенная для усвоения ее получателем речи. Смысл высказывания может находиться в разных отношениях с базовой семантикой предложения, в форме которого высказывание осуществляется: он может быть тождествен базовой семантике предложения, может отклоняться от нее до степени вхождения в прямое с ней противоречие и может добавляться к ней, наслаиваться на нее, обволакивать ее таким образом, что усвоенная реципиентом речи информация уже мало или почти никак не сопрягается с пропозициональным значением *предложения* (см. лекцию 17).

Смысл высказывания окказиональный — непрогнозируемый, неисчисляемый смысл, который формируется в зависимости от ситуации общения, вербального контекста, пола и возраста коммуникантов, их социального и образовательного уровня, индивидуальных предпочтений бытового плана и т. д. (см. лекцию 17).

Смысл высказывания узуальный — прогнозируемый, исчисляемый, конечный смысл, сравнительно легко считываемый с самого высказывания; средства экспликации узуального смысла (иначе говоря, *смыслопорождающие операторы*) могут быть выделены и описаны (см. лекцию 17).

Смыслопорождающий оператор — см. *Оператор смыслопорождающий*.

Событие — см. *Факт атомарный*.

Событийное имя — см. *Имя пропозитивной семантики*.

Способ грамматический — определенные приемы, или механизмы, экспликации контенсивной стороны языка, в частности его грамматических аспектов. Все грамматические способы можно разделить на два больших типа — синтетические и аналитические, в зависимости от того, имеют ли место формальные изменения внутри слова или вне его. Кроме того, все грамматические способы можно подразделить на широко представленные, продуктивные, типичные для данного языка и нетипичные, сравнительно мало представленные в данном языке. К числу синтетических грамматических способов в современном английском языке относятся следующие: внешняя аффиксация, внутренняя флексия, супплетивизм, ударение. К аналитическим грамматическим способам относятся вспомогательные глаголы, порядок слов, внешняя категоризация, редупликация (см. лекцию 2).

Структура слова морфологическая — механика соединения морфем внутри слова, набор морфем внутри словоформы, описывается в таких терминах, как корень, префикс, флексия и т. д. (см. лекции 1, 2).

Субституция — средство внутритекстовой *когезии*, предполагает замену полнозначного элемента или элементов предшествующего контекста неполнозначным элементом или элементами в последующем контексте. Примерами субституции являются *прономинализация* и субституция с помощью глагольного слова *do*: *Who knows Mary. — I do* или инфинитивного *to*: *Would you like to go to the theatre? — I'd love to* (см. лекцию 14).

Субъективная модальность — см. *Модальность субъективная*.

Текст — единица высшего языкового уровня, обладающая собственными категориями и единицами, а также законами построения, т. е. осо-

бой специфической грамматикой (*грамматикой текста*). Текст есть образец письменной речи, литературно, жанрово и стилистически обработанной, характеризующейся композиционной продуманностью, стилистической выверенностью, синтаксической правильностью и структурной завершенностью (см. лекцию 14).

Текст прецедентный — получивший широкое распространение в данной культуре *текст*, отдельный фрагмент которого регулярно воспроизводится в позднейших текстах в виде цитат и ссылок. Как правило, прецедентными являются тексты классической литературы, культовых фильмов и песен, широко известных анекдотов и юморесок и т. п. (см. лекцию 14).

Тема-рематическое членение предложения — см. *Членение предложения актуальное*.

Тематическая сетка текста — см. *Изотопия текста*.

Темпорально-локальный дейксис — см. *Дейксис темпорально-локальный*.

Теория прототипа (категоризация прототипическая, теория прототипическая) — неклассический альтернативный подход к *категоризации*; теория, согласно которой членство единицы в категории является вопросом степени вхождения данной единицы в данную категорию: единица может обладать всем набором признаков данной категории, быстрее и легче других опознаваться как присущая данной категории, быть типичным представителем данной категории, или, другими словами, ее *прототипом*. Но единица может и не обнаруживать всех черт, присущих данной категории. Более того, она может обнаруживать некоторые черты, присущие другой категории. Она может относиться к числу единиц данной категории лишь с определенными оговорками, но и тогда она является единицей данной категории — непрототипической, нетипичной, периферийной (см. лекцию 13).

Теория прототипическая — см. *Теория прототипа*.

Теория фигурно-фонового восприятия — см. *Принцип фигурно-фонового восприятия*.

Типология языков — см. *Классификация языков*.

Типология языков морфологическая — типологизация языков по морфологическому принципу, в соответствии с которым выделяют *языки флективного, агглютинативного, инкорпорирующего и изолирующего типов* (см. лекцию 3).

Типология языков синтаксическая — типологизация языков по синтаксическому признаку, на основании которого можно выделить следующие типы: номинативный, эргативный, активный (см. лекцию 3).

Траектор — понятие в когнитивной грамматике, соответствующее термину «фигура» согласно *принципу фигурно-фонового восприятия* и отражающее относительно небольшой по размерам и относительно (хотя бы потенциально) подвижный объект, меняющий или способный изменить свое местоположение относительно *ориентира* (см. лекцию 13).

Узуальный смысл высказывания — см. *Смысл высказывания узуальный*.

Узус — превалирующие тенденции в употреблении языковых форм членами данного языкового коллектива. На практике провести четкие разграничительные линии между грамматикой и узусом очень сложно (см. лекцию 1)

Участник ситуации — см. *Партиципант ситуации*.

Факт атомарный (денотат предложения, ситуация элементарная, событие) — минимально выделяемый сегмент онтологии, соответствующий на вербальном уровне *предложению* (см. лекцию 8).

Фактивность пропозиции — представленность *пропозиции* как факта действительности, то есть того, что имеет/имело место в реальности (ср. *Нефактивность пропозиции*; см. лекцию 10).

Фактитив (результатив) — *предикатный актант*, отражающий неопределенного *партиципанта/участника ситуации*, возникающего или исчезающего в результате действия или воздействия (см. лекцию 9).

Фигурно-фонового восприятия принцип — см. *Принцип фигурно-фонового восприятия*.

Фигурно-фонового восприятия теория — см. *Принцип фигурно-фонового восприятия*.

Фокусировка сообщения — см. *Перспективизация высказывания*.

Функтор — термин, введенный в лингвистику для разведения различных типов *предикатов* по классам. Различают *предикатные* и *непредикатные функторы* (см. лекцию 10).

Функтор второго ранга — см. *Функтор непредикатный*.

Функтор каузативный — имеет значение причинности действия, состояния или отношения, отражаемого *предикатными функторами* (см. лекцию 10).

Функтор модусный — функтор, отражающий мыслительную деятельность человека, оценивающего положение дел как фрагмент действительности, а также функтор, отражающий речевую деятельность человека. Модусные функторы призваны «обрамлять» *диктальную/диктумную часть высказывания* или, говоря по-иному, являться *модальной рамкой высказывания* (см. лекцию 10).

Функтор непредикатный (предикат включающий, функтор второго ранга) — функтор, открывающий места на *предикатные функторы* и *пропозициональные актанты*, а не на *предикатные актанты*. Рассматривается как функтор высшего порядка, имеет статус *включающего предиката*. Различают следующие типы непредикатных функторов: *фазовые, каузативные, модусные* (см. лекцию 10).

Функтор первого ранга — см. *Функтор предикатный*.

Функтор предикатный (предикат включенный, функтор первого ранга) — функтор, открывающий места на *актанты* в *пропозиции*, рассматривается как функтор низшего порядка, имеет статус включенного предиката (см. Лекцию 10).

Функтор фазовый — отражает фазу того действия или состояния, которое отражено предикатными функторами. На языковом уровне фазовые функторы обозначаются лексемами *to start, to begin, to continue, to continue, to go on* и т. д. (см. лекцию 10).

Функциональная модель предложения — см. *Модель предложения функциональная*.

Функциональная перспектива предложения — см. *Членение предложения актуальное*.

Целевая область — см. *Область-цель*.

Целостность текста — основное свойство *текста*, понимаемое как невозможность извлечения из текста каких-либо его фрагментов, ибо в

противном случае текст либо разрушается, либо преобразуется в иной текст. В любом случае извлечение из текста любого фрагмента не может пройти для него бесследно (см. лекцию 14).

Часть высказывания диктальная/диктумная — см. *Диктум*.

Членение предложения актуальное (перспектива предложения функциональная, членение предложения тема-рематическое) — коммуникативное членение предложения на тему (данное, топик) и рему (новое, комментарий), являющиеся носителями соответственно известной, исходной информации и новой, актуальной информации (см. лекцию 11).

Членение предложения тема-рематическое — см. *Членение предложения актуальное*.

Экспериенсив (экспериенцер) — предикатный актант, отражающий одушевленного *партиципанта/участника ситуации*, являющегося носителем некоего физического или ментального состояния; некто, испытывающий какую-либо эмоцию или являющийся субъектом чувственного восприятия (см. лекцию 9).

Экспериенцер — см. *Экспериенсив*.

Элементатив — предикатный актант, отражающий стихийные силы природы, активно проявляющие себя в некоторой ситуации (см. лекцию 9).

Эллипсис — структурная неполнота предложения. Эллиптическое предложение всегда может быть «достроено» до полного. Выделяются два различных типа эллипсиса: *парадигматически восполняемый эллипсис* и *синтагматически восполняемый эллипсис* (см. лекцию 14).

Эллипсис парадигматически восполняемый — структурно неполное предложение, восполняемое до структурно полного аналога при помощи обращения к лингвистической компетенции носителя языка, т.е. к знанию им соответствующих правил структурирования предложения. Например, вопрос *Ready?*, адресованный одним собеседником другому, без труда восстанавливается последним до полного *Are you ready?* на основе знаний норм английской грамматики и не требует обращения к контексту речи. Этот тип эллипсиса не рассматривается как средство внутритекстовой *когезии* (см. лекцию 14).

Эллипсис синтагматически восполняемый — структурно неполное предложение, восстанавливаемое до структурно полного аналога исключительно благодаря наличию соответствующего лингвистического контекста. Например, в вопросно-ответном единстве *How was your journey?* — *Fine* ответ может быть восполнен до структурно полного коррелята *My journey was fine* благодаря наличию предшествующего контекста. Данный тип эллипсиса рассматривается как средство внутритекстовой *когезии* (см. лекции 7, 14).

Эмоциональный дейксис — см. *Дейксис эмоциональный*.

Эмпатия — свойство видеть ситуацию чужими глазами, воспринимать ее органами чувств другого человека, хотя бы и воображаемого. В когнитивной грамматике рассматривается в контексте *перспективизации высказывания*, или фокусировки сообщения, как отражение фактора наблюдателя в языке. Эмпатия существенна всякий раз, когда необходимо представить ситуацию с точки зрения лица, фактически или фиктивно в ней участвующего (см. лекцию 13).

Эффект высказывания перлокутивный — см. *Перлокуция*.

Языки агглютинативного типа — согласно *морфологической классификации* языки данного типа характеризуются особой системой формообразования, заключающейся в «приклеивании» энного количества аффиксов к корню и друг к другу. Сам термин «агглютинация» и означает «приклеивание». Кроме того, для данного языкового типа характерны гармония в области вокализма, ассимиляция в области консонантизма, а также *гапlosemia* (см. лекцию 3).

Языки изолирующего типа — согласно *морфологической классификации языков* слова в языках изолирующего типа характеризуются отсутствием или крайней скудостью словоизменительных флексий, что ведет к резкому повышению роли порядка слов в предложении, так как именно позиция в предложении актуализирует частеречную принадлежность слова и его синтаксическую функцию (см. лекцию 3).

Языки инкорпорирующего типа — языки, основной чертой *морфологии* которых является наличие так называемых слов-предложений, т. е. комплексных многокомпонентных слов, характеризующихся способностью к предцированию (см. лекцию 3).

Языки флективного типа — основным признаком языков флективного типа является наличие так называемой внутренней флексии, т. е. грамматически значимого фонетического чередования в корне слова. При этом не исключено наличие и внешней флексии — т. е. грамматического форманта, присоединяемого к корню извне. Для языков рассматриваемого типа обычным является наличие нескольких склонений в классе имен и нескольких спряжений в классе глаголов. Характерной чертой также является *синтетosemia*. В зависимости от того, насколько бедно или богато представлена во флективных языках словоизменительная морфология, эти языки принято делить на два подтипа: аналитические и синтетические (см. лекцию 3).

Языковое значение — см. *Значение языковое*.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

<i>Термин</i>	<i>Лекция</i>	<i>Термин</i>	<i>Лекция</i>
Агенс см. Агентив		Валентность предиката	8, 9
Агентив	9	Вариантность	15
Агглютинация	3	Вариантность языковых единиц	15
Акт речевой	12	Вариология	15
акт речевой косвенный	12	Варьирование языковых единиц	15
акт речевой прямой	12	варьирование групповое	15
Актант предикатный	8, 9	варьирование изолированное	15
Актант пропозициональный	8	варьирование индивидуальное	15
Актант семантический	8	варьирование мутационное	15
Акцептабельность	14	варьирование связанное	15
Алломорфизм	4, 8	варьирование сомационное	15
Анализ компонентный	8	Время	5
Анафора см. Ретроспекция		Высказывание	17
Антецедент	10	Выражение предикатное	8
Антиципация	7		
Антропоморфизм	13	Гапlosemia	3
Аргумент	8, 10	Гармония	3
Асиндетическая связь см. Связь асиндетическая		Глагол пропозициональной установки см. Предикат пропозициональной установки	
Ассерция	12	Глаголы вспомогательные	2
Ассимиляция	3	Гомеостаз	15
Атомарный факт см. Факт атомарный		Гомоморфизм	4
Атрибут абсолютивный	7	Грамматика	1
Атрибуция	5	грамматика диахроническая (историческая)	1
Аффективность речи см. Эмоциональность		грамматика когнитивная	13
Аффикс	2, 3	грамматика корпусная	1
Аффикс нулевой	3	грамматика лексическая	1
Аффиксация внешняя см. Внешняя флексия		грамматика описательная (дескриптивная)	1
	2	грамматика объяснительная (экспланаторная)	1
Базовая семантика предложения см. Семантика предложения базовая		грамматика синхронная	1
Бенефактив	9	грамматика текста	1, 14
бенефактив внешний	9	Грамматическая категория см. Категория грамматическая	
бенефактив внутренний	9		
Бенефициант см. Бенефактив			

¹ Терминологический указатель содержит перечень терминов, составляющих понятийный аппарат данного курса. Понятия представлены на определяемое слово. Составлен Т. А. Клепиковой.

Грамматическая норма см. Норма грамматическая		Картина мира концептуальная	13
Грамматический способ см. Способ грамматический		Картина мира языковая	13
Грамматическое значение см. Значение грамматическое		Катафора см. Проспекция	
		Категориальная модель предложения см. Модель предложения	
Дейксис	16	Категоризация	2, 13
дейксис дискурсивный	16	категоризация внешняя	2
дейксис темпорально-локальный	16	категоризация классическая	13
дейксис эмоциональный	16	категоризация прототипическая	13
Дейктик	16	Категория	2
Денотат предложения см. Факт атомарный		категория внутриязыковая	5
Дизъюнкция	10	категория глагольная	2
дизъюнкция взаимоисключающая	10	категория гносеологическая	5
дизъюнкция не взаимоисключающая	10	категория грамматическая	2, 5
Диктальная/диктумная часть высказывания см. Диктум		категория именная	2
Диктум	5, 10	категория классификационная	2
Директив	12	категория когнитивная	5
Дискурс	14	категория лица	11
Дискурсивная лексика см. Лексика дискурсивная		категория модальности	5
Дискурсивный дейксис см. Дейксис дискурсивный		категория морфологическая	2
		категория общая	2
Единство сверхфразовое	14	категория операционная	4
		категория открытая	2
Значение	2	категория отражательная	5
значение грамматическое	2	категория-параметр	4
значение лексическое	2	категория предикативности	5
значение языковое	13	категория-признак	4
Идиоэтничность	2, 6	категория понятийная	4
Изоморфизм	4, 8	категория релятивная	4
Изотопия текста	14	категория рефлексивная	5
Иллокутивная сила высказывания см. Иллокуция		категория синтаксическая	2
Иллокуция	12	категория скрытая	2
Имя пропозитивной семантики	8	категория словоизменительная	2
Имя событийное см. Имя пропозитивной семантики		категория-характеристика	4
Инверсия	7	категория частная	2
Инструменталис см. Инструментатив		Каузатив	10
Инструментатив	9	Каузативная ситуация см. Ситуация каузативная	
Интенциональность	14	Каузативный функтор см. Функтор каузативный	
Интертекстуальность	14	Квантор	10
Информативность	14	квантор всеобщности	10
		квантор существования	10
		Классификация языков	3
		Когезия	14
		когезия лексическая см. Изотопия текста	
		Когерентность	14
		Коллоквиалистика	7
		Комбинаторика морфологическая	4
		Комбинаторика семантическая	4
		Комбинаторика смысловая	4
		Компонент предложения ассертивный см. Ассерция	

Компонент предложения пресуп- позитивный см. Пресуппозиция		Морфологическая классификация языков см. Типология языков морфологическая	
Компонент семантический	8	Морфологическая типология языков см. Типология языков морфологи- ческая	
Коннектор	10	Морфологическая структура слова см Структура слова морфологическая	1
коннектор бивалентный	10	Морфология	
Консеквент	10	Мыслительный референт см. Рефе- рент мыслительный	
Констатив	10	Нейтрализация оппозиции	2
Конструкция пролептическая см. Пролепса		Непредикатный функтор см. Функтор непредикатный	
Консуппозиция	12	Нефактивность пропозиции	10
Контекст	14	Норма грамматическая	1
контекст вертикальный	14	Область-источник	13
контекст горизонтальный	14	Область целевая см Область-цель	
Концепт	4, 13	Область-цель	13
Концептуализация	13	Объект см. Объектив	
Конъюнкция	10, 14	Объектив	9
конъюнкция пропозицио- нальная	10	Окказиональный смысл высказыва- ния см. Смысл высказывания	
конъюнкция термовая	10	Ономасиологический подход см. Ономасиология	
Копула	5	Ономасиология	4
Лексика дискурсивная	14	Операнд	10
Лексическая когезия см. Изотопия текста		Оператор	10, 17
Лингвистика когнитивная	13	оператор артиклевый	17
Локутив	9	оператор дизъюнкции	10
Локуция	12	оператор импликации	10
Маркеры дискурсивные см. Лексика дискурсивная		оператор конъюнкции	10
Метафора когнитивная	13	оператор лексический	17
Метафоризация	13	оператор морфологический	17
Множитель семантический	8	оператор отрицания	10
Модальная рамка высказывания см. Модус		оператор синтагматический	17
Модальность	5	оператор смыслопорождающий	17
модальность аксиологическая	5	оператор эквивалентности	10
модальность алетическая	5	Оппозиция	2
модальность аподиктическая	5	оппозиция бинарная	2
модальность ассерторическая	5	оппозиция грамматическая	2
модальность деонтическая	5	оппозиция градуальная	2
модальность объективная	5	оппозиция многочленная	2
модальность субъективная	5	оппозиция привативная	2
модальность эпистемическая	5	оппозиция тринарная	2
Модель предложения категориаль- ная	6	оппозиция эквиполентная	2
Модель предложения функциональ- ная	6	Ориентир	13
Модификатор	10	Отрицание	5
Модус	5, 10	Оценка	5
модус de dicto	5	Оценочность см. Оценка	
модус de re	5		
Модусный функтор см. Функтор модусный			

Падеж семантический см. Актант предикатный		Предикативность	5, 6
Парадигматика слова	1	Предикатный актант см. Актант предикатный	
Парадигматически восполняемый эллипсис см. Эллипсис		Предикатный функтор см. Функтор предикатный	
Партигив	9	Предикация	5, 6
Партиципант ситуации	9	Предицирование см. Предикация	
Парцеллят	7	Предложение	6, 8
Парцелляция	7	предложение простое	6
Пациенс см. Пациентив		предложение сложное	6
Пациентив	9	Пресуппозитивный компонент предложения см. Пресуппозиция	
Переспрос	7	Пресуппозиция	12
Перифраза	7	Прецедентный текст см. Текст прецедентный	
Перлокутивный эффект высказывания см. Перлокуция		Признак семантический	8
Перлокуция	12	Прилепа агглютинативная	3
Перспектива предложения функциональная см. Членение предложения актуальное		Принцип фигурно-фонового восприятия	13
Перспективизация высказывания	13	Пролепса	7
Перформатив	12	Промиссив	12
Перцептив	9	Проминализация	14
Повтор	7	Пропозициональный актант см. Актант пропозициональный	
Подлежащее	5	Пропозиция	4, 8
Подоператорное выражение см. Операнд		пропозиция-антецедент	10
Подход ономаσιологический см. Ономаσιология		пропозиция-консеквент	10
Подход семасиологический см. Семасиология		Проспекция	14
Политипологичность	3	Прототип	13
Порядок слов	2, 6	Прототипическая категоризация см. теория прототипа	
Постсуппозиция	12	Прототипическая теория см. Теория прототипа	
Прагматика	12	Прохибитив	12
Прагматика знака	12	Псевдопредложение	6
Предикат	9	Рамка высказывания модальная см. Модус	
предикат авалентный (0-местный)	9	Редупликация	2
предикат акциональный	9	Результатив см. Фактитив	
предикат бивалентный (двух-местный)	9	Реквестив	12
предикат включающий см. Функтор непредикатный		Реляционный предикат см. Предикат семантический	
предикат включенный см. Функтор предикатный		Рема	11
предикат логический	5	Ретроспекция	14
предикат моновалентный (одноместный)	9	Референт	4
предикат поливалентный	9	референт мыслительный	4
предикат пропозициональной установки	10	Референция (как общезыковая категория)	4
предикат реляционный см. Предикат семантический		Референция (в теории текста)	14
предикат семантический	4, 8, 10	Референция проспективная см. Проспекция	
предикат статальный	9	Референция ретроспективная см. Ретроспекция	

Роль семантическая см. Актант предикатный		Событие см. Факт атомарный	
Сверхфразовое единство см. Единство сверхфазовое		Событие-антецедент см. Антецедент	
Связка см. Копула		Событие-консеквент см. Консеквент	
Семантический актант см. Актант семантический		Событийное имя см. Имя пропозитивной семантики	
Семантический предикат см. Предикат семантический		Способ грамматический	2
Связность текста	14	Структура слова морфологическая	1, 2
Связь асиндетическая	6	Субституция	14
Связь синдетическая	6	Субъект логический	5
Сема	8	Суждение	5
Семантика знака	12	Супплетивизм	2
Семантика когнитивная	13	Текст	14
Семантика предложения базовая	17	текст прецедентный	14
Семасиологический подход см. Семасиология		Тема	11
Семасиология	4	Тема-ремагическое членение предложения см. Членение предложения актуальное	
Сетка текста тематическая см. Изотопия текста		Тематическая сетка текста см. Изотопия текста	
Сила высказывания иллокутивная см. Иллокуция		Темпорально-локальный дейксис см. Дейксис темпорально-локальный	
Синдетическая связь см. Связь синдетическая		Теория пресуппозиций	12
Синтагматика слова	1	Теория прототипа	13
Синтаксис	1	Теория прототипическая см. Теория прототипа	
синтаксис коллоквиальный	7	Теория фигурно-фонового восприятия см. Принцип фигурно-фонового восприятия	
синтаксис коммуникативный	7	Теория речевых актов	12
синтаксис конструктивный	6	Терм	10
синтаксис прагматический	12	Тип дейксиса	16
синтаксис семантический 8, 9, 10		Тип изменчивости	15
Синтаксическая типология языков см. Типология языков синтаксическая		Типология языков см. Классификация языков	
Синтактика знака	12	Типология языков морфологическая	3
Синтетосемия	3	Типология языков синтаксическая	3
Ситуационность	14	Траектор	13
Ситуация каузативная	10	Ударение	2
Ситуация элементарная см. Факт атомарный		Узуальный смысл см. Смысл высказывания узуальный	
Сказуемое	5	Узус	1
Слова эгоцентрические	16	Участник ситуации см. Партиципant ситуации	
Словоизменение	1	Факт атомарный	8
Словообразование	1	Фактивность пропозиции	10
Сложное синтаксическое целое см. Единство сверхфразовое		Фактор наблюдателя	13
Смысл высказывания	17	Фактитив	9
смысл высказывания окказиональный	17	Фигура	13
смысл высказывания узуальный	17		
Смыслопорождающий оператор см. Оператор смыслопорождающий			

Фигурно-фонového восприятия принцип см Принцип фигурно-фонového восприятия		Часть высказывания диктальная/диктумная см Диктум	
Фигурно-фонového восприятия теория см. Принцип фигурно-фонového восприятия		Членение предложения актуальное	11
Флексия	2	Членение предложения тематическое см. Членение предложения актуальное	
флексия внешняя	2, 3		
флексия внутренняя	2, 3	Шов морфемный	3
Фокусировка сообщения см.		Экспериенсив	9
Перспективизация высказывания		Экспериенцер см. Экспериенсив	
Фон	13	Эксплетив	7
Форма грамматическая	2	Экспрессивность	5
Функтор	10	Элементатив	9
функтор второго ранга см.		Эллипсис	7, 14
Функтор непередикатный		эллипсис парадигматически	
функтор каузативный	10	восполняемый	14
функтор модусный	10	эллипсис синтагматически	
функтор непередикатный	10	восполняемый	14
функтор первого ранга см. Функтор передикатный	10	Эмотивность	5
функтор передикатный	10	Эмоциональность речи	7
функтор фазовый	10	Эмоция	5
Функциональная модель предложения см Модель предложения функциональная		Эмпатия	13
Функциональная перспектива предложения см. Членение предложения актуальное		Эффект высказывания перлокутивный см. Перлокуция	
		Языки агглютинативного типа	3
Целевая область см Область целевая		Языки активного типа	3
Целостность текста	14	Языки изолирующего типа	3
		Языки инкорпорирующего типа	3
		Языки номинативного типа	3
		Языки флективного типа	3
		Языки фузионные	3
		Языки эргативного типа	3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Лекция 1. Предмет грамматики	5
1. Термин «грамматика»	5
2. Разделы грамматики	6
3. Типы грамматик	6
4. Грамматика и узус	8
5. Связь грамматики с другими отраслями лингвистики	12
Лекция 2. Грамматическое значение и форма, грамматические категории и способы	15
1. Введение	15
2. Грамматическое значение	15
3. Грамматическая форма	17
4. Грамматические категории	18
5. Типы оппозиций	20
6. Грамматические способы	23
Лекция 3. Английская грамматика в типологическом аспекте	26
1. Введение	26
2. Почему грамматика?	26
3. Морфологическая типология	29
3.1. Флективный тип	29
3.2. Агглютинативный тип	31
3.3. Инкорпорирующий тип	32
3.4. Изолирующий тип	33
4. Синтаксическая типология	35
4.1. Номинативный тип	36
4.2. Эргативный тип	36
4.3. Активный тип	36
Лекция 4. Понятийные категории в их отношении к грамматическим	38
1. Введение	38
2. Сведения из истории вопроса	38
3. Онтологический статус и функции понятийных категорий	44
4. Соотношение понятийных и семантических категорий	50
5. Формы существования понятийного мышления	52
6. Понятийные категории и человеческое сознание	54

Лекция 5. Категория модальности	56
1. Введение	56
2. Широкое и узкое понимание модальности	56
3. Модальность в логике	58
4. Статус языковой категории модальности	63
5. Модальность и предикативность	64
6. Языковые средства выражения модальности	65
Лекция 6. Основные проблемы конструктивного синтаксиса	68
1. Введение	68
2. Проблема дефиниции предложения	68
3. Проблема статуса предложения. Проблема моделирования предложения	71
4. Проблема членов предложения	72
5. Проблема типологии предложения	74
6. Предложение и словосочетание	75
7. Проблема порядка слов в предложении	76
Лекция 7. Коллоквиальный синтаксис	78
1. Введение	78
2. Основные признаки разговорной речи	80
3. Почему синтаксис?	83
4. Типы коллоквиальных конструкций	83
Лекция 8. Семантический синтаксис: введение в проблематику	89
1. Введение	89
2. «Семантический взрыв»	89
3. Ситуация и предложение	90
4. Пропозиция	92
5. Основные семантико-синтаксические теории	95
6. Особый статус глагольного слова	97
Лекция 9. Семантический синтаксис: типология предикатов и предикатных актантов	100
1. Введение	100
2. Типы предикатов	100
3. Типология предикатных актантов	104
Лекция 10. Семантический синтаксис: включающие предикаты (непредикатные функторы и операторы)	111
1. Введение	111
2. Фазовые непредикатные функторы	112
3. Каузативные непредикатные функторы	113
4. Модусные непредикатные функторы	116
5. Операторы	119
Лекция 11. Коммуникативный синтаксис	124
1. Введение	124

2. Грамматическая категория лица	124
3. Актуальное членение предложения	126
4. Коммуникативные типы предложения	128
Лекция 12. Прагматический синтаксис	132
1. Введение	132
2. Теория речевых актов	133
3. Теория пресуппозиций	137
Лекция 13. Когнитивная грамматика	142
1. Введение	142
2. Прототипическая теория и грамматика	145
3. Психология восприятия и грамматика	148
4. Метафоризация и грамматика	150
5. Перспективизация и грамматика	151
Лекция 14. Грамматика текста	154
1. Введение	154
2. Основные единицы текста	155
3. Свойства текста	155
4. Средства внутритекстовой связи: когезия и когерентность	156
4.1. Когезия	156
4.2. Когерентность	158
5. Типы контекста	160
6. Текст и дискурс	161
7. Грамматика текста или лингвистика (теория) текста?	162
Лекция 15. Грамматическая вариативность	164
1. Введение	164
2. Вариология	164
3. Типы изменчивости (варьирования)	165
4. Вариативность как свойство языка	166
5. Вариативность в грамматической подсистеме	168
6. Вариативность в грамматической теории	172
Лекция 16. Дейксис и дейктики в английском языке	175
1. Введение	175
2. Дейктики в английском языке	176
3. Типы дейксиса	181
4. Свойства дейктиков	181
Лекция 17. Высказывание и его смысл	185
1. Введение	185
2. Базовая семантика предложения и смысл высказывания	185
3. Узуальный и окказиональный смыслы	187
4. Типы смыслопорождающих операторов	188
4.1. Лексические операторы	188
4.2. Морфологические операторы	191

4.3. Синтагматические операторы	192
4.4. Артиклевые операторы	193
Примерная тематика семинаров по теоретической грамматике английского языка	197
Список литературы, рекомендуемой для подготовки к семинарским занятиям	200
Тест по курсу теоретической грамматики английского языка	201
Ключи к тесту	214
Список вопросов для экзамена	215
Часть 1 (лекции)	215
Часть 2 (семинары)	216
Примерная тематика курсовых и дипломных работ	217
Список использованной литературы	219
Каталог web-ресурсов по лингвистике и грамматике	224
Глоссарий	225
Терминологический указатель	245

Учебное издание

Худяков Андрей Александрович

Теоретическая грамматика английского языка

Учебное пособие

Редактор *Г. В. Лаврик*

Ответственный редактор *Н. П. Галкина*

Технический редактор *Н. И. Горбачева*

Компьютерная верстка: *Т. А. Клименко*

Корректоры *Э. Г. Юрга, Л. В. Гаврилина*

Диалозитивы предоставлены издательством.

Изд. № А-1413-1 Подписано в печать 19.07 2005 Формат 60 × 90/16.

Бумага тип № 2. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс» Усл. печ л 16,0

Тираж 3000 экз. Заказ № 15246

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.

117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс. (095) 334-8337, 330-1092.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.